В. А. ТИШКОВ

СТРАНА КЛЕНОВОГО ЛИСТА: НАЧАЛО ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страны и народы»

В. А. ТИШКОВ

СТРАНА КЛЕНОВОГО ЛИСТА: НАЧАЛО ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1977

В книге рассказывается о коренных жителях Канады — индейцах и эскимосах, об их исторических судьбах, об открытии Канады европейцами и об освоении территории страны первыми поселенцами. Особое внимание автор уделяет вопросам развития и становления канадской экономики, взаимоотношениям двух складывающихся наций — франкоканадцев и англоканадцев, освободительному движению народных масс, борьбе против колониального режима и местной олигархии, завершившейся образованием самостоятельного канадского государства.

В. А. Тишков — кандидат исторических наук, специалист по истории Канады и США, автор ряда статей по этой тематике и глав в коллективном труде «Война за независимость и образование США» (М., 1976).

Ответственный редактор

доктор исторических наук Н. А. ЕРОФЕЕВ

На первой странице обложки фрагмент старинной гравюры, изображающей битву на равнине Авраама 13 сентября 1759 г.

Т $\frac{10603-027}{054(02)-77}$ 59—77 II П

© Издательство «Наука», 1977 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Три океана окружают Канаду. Эта страна занимает полматерика Северной Америки и по площади уступает только Советскому Союзу. На ее огромных просторах проживает 23 млн. человек. Современная Канада — развитая промышленная держава. По объему промышленного производства она стоит на шестом месте в капиталистическом мире.

Канада — наш северный сосед, и всегда отношения между нашими государствами были мирными. За последние же годы они стали еще более многообразными. Крепнут и расширяются взаимная торговля, культурное и научное сотрудничество. Это определяет растущий интерес советских людей к Канаде, ее людям, образу их жизни, обычаям, традициям и культуре и, конечно, к истории, ибо, чтобы понять ту или иную страну и ее народ, нужно знать их прошлое.

Правда, мы и не подозреваем, как много знаем о Канаде, даже не прочитав специальных исторических исследований. Вспомним древние исландские саги о легендарных путешествиях норманнских викингов в Новый Свет (как теперь доказано, к берегам Канады) за 500 лет до Колумба, романы Фенимора Купера о североамериканских индейцах и борьбе англичан и французов за право владеть канадской землей и ее дарами, рассказы Джека Лондона.

О прошлом Канады канадскими историками написано очень много. Их исследования обладают как достоинства-

ми, так и недостатками, работ же советских ученых об этой стране пока еще мало. Предлагаемая книга — общий очерк истории образования Канады. В ней рассказывается о том, как были открыты и освоены огромные просторы Канады, как складывалось хозяйственное и политическое единство колониальных владений от Новой Шотландии до Британской Колумбии, как канадские поселенцы боролись против колониального режима и социального угнетения и, наконец, победили в упорном стремлении завоевать независимость. Изложение событий в книге заканчивается 1867 г., когда на карте Северной Америки появилось название — доминион Канада. Именно эту дату канадцы считают датой рождения своего государства, 110-я годовщина которого отмечается в 1977 г.

Автор выражает признательность коллегам-историкам, прочитавшим рукопись и оделавшим ценные замечания, а также Публичному архиву Канады, любезно предоставившему ряд фотографий для публикации.

Глава 1

ИСТОКИ КАНАДСКОЙ ИСТОРИИ

Первожители Нового Света

Антропологи и археологи установили, что предками коренных жителей Северной Америки — индейцев и эскимосов были пришельцы из Азии, которые около 20—30 тыс. лет назад перебрались на Аляску с Чукотского полуострова через «Берингийский мост», соединявший в то время Азию с Америкой.

Еще в эпоху позднего палеолита и мезолита преследовавшие зверя охотники, вооруженные дротиками и стрелами с каменными наконечниками, начали освоение Американского континента. Самые древние предметы, сделанные свыше 25 тыс. лет назад, обнаружены в западной части Северной Америки, на территории США и Южной Канады. Через несколько тысячелетий в поисках новых охотничьих угодий первожители разбрелись уже по всей Северной Америке. Как формировались этнические группы и языки, как складывались культурно-хозяйственные и родо-племенные связи, мы знаем пока недостаточно. Ясно лишь, что к началу европейской колонизации человек уже повсеместно освоил просторы Северной Америки. Хотя на континенте насчитывалось немногим более 1 млн. индейцев, а на территории будущей Канады — около 220 тыс., это не означало, что свободных земель было достаточно. Методы ведения хозяйства коренных жителей требовали больших территорий и постоянного передвижения. В пределах Канады в XVI—XVII вв. сложилось несколько культурно-хозяйственных типов аборигенного населения.

На западном побережье Тихого океана обосновались оседлые племена: тлинкиты, хайда, цимшианы, нутка, квакиютль, береговые селиши и инуки. Из высоких кедров, которые росли в прибрежных лесах, они делали свои дома и резные тотемные столбы. Эти индейцы умели строить

большие морские каноэ, на которых ловили рыбу и гарпунили кита, навещали друзей и атаковали врага. Одежду они изготовляли из коры деревьев и шерсти животных. Индейцы-рыболовы западного побережья жили в крупных поселках.

В обширных канадских прериях кочевали охотники за бизонами: кри, ассинибойя и др. В погоне за стадами диких быков они передвигались с места на место со своим нехитрым имуществом.

На востоке и севере, в канадских лесах, жили лесные охотники, северо-западные атапаскские и северо-восточные алгонкинские племена, лесные селиши. Среди них наиболее известными были оджибвеи, монтаньи, микмаки, беотуки. Свои жилища они сооружали из коры деревьев. Березовая кора служила им прекрасным материалом для изготовления быстрых и легких каноэ. Зимой индейцы охотились на пушного зверя, весной добывали кленовый сок и делали из него сироп и сахар, осенью на болотах собирали дикий рис. Лесные охотники торговали с соседними племенами, но друг с другом не всегда поддерживали мирные отношения. Микмаки издавна враждовали с беотуками, однако лишь европейцы помогли им полностью истребить племя беотуков.

Те из древних жителей, кто добрался до Великих озер (Верхнее, Гурон, Мичиган, Эри, Онтарио) занялись здесь земледелием. Земледельцы восточных и юго-восточных областей — ирокезы жили деревнями, в больших длинных домах. Они выращивали маис, бобы, тыкву, охотились и торговали. До прихода европейцев насчитывалось восемь ирокезских племен: гуроны «нейтральные», могауки, сенека, онейда, онондага, кайюга, тобакко.

Ирокезы выделялись по характеру и уровню своего развития среди аборигенов Северной Америки. Еще в начале XVI в. они создали Лигу ирокезов. Эта страница истории североамериканских индейцев нашла поэтическое отражение в прекрасном творении Лонгфелло — «Песнь о Гайавате». Существовали и другие союзы: Союз гуронов из четырех племен, Союз «нейтральных». Такого рода конфедерации, считает советский этнограф М. Я. Берзина, превратились в «прочные объединения, являющиеся по существу особым типом этнической общности, переходным от племени к тем типам, которые принято объединять термином „народность“» [1].

Что касается общественных отношений у индейцев Северной Америки к моменту европейской колонизации, то они представляли собой довольно пеструю картину. У племен охотников и собирателей существовал родовой строй в его классической форме. Достигшие относительно высокого уровня развития производительных сил оседлые рыболовы и земледельцы находились уже на стадии распада родовых связей и формирования элементов классового общества.

Зачатки классового расслоения, устойчивая правящая верхушка наиболее характерны для ирокезских племен. В свое время родовой строй ирокезов был блестяще проанализирован американским ученым Л. Морганом, который считал, что «где бы это учреждение ни встречалось у этих племен, оно во всех существенных чертах аналогично роду ирокезов» [2].

Высоко оценивая труд Л. Моргана, Ф. Энгельс писал: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте!.. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще не существует, нет, как правило, еще и порабощения чужих племен... А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямодушии, силе характера и храбрости этих варваров» [3].

Но, отмечая факт образования у ирокезов союза племен и переход к завоевательной политике, Ф. Энгельс говорил: «Это одна сторона дела. Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; образование союза племен означает уже начало ее разрушения, как мы это еще увидим и как мы это уже видели на примерах попыток ирокезов поработить другие племена... Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена,— и она была сломлена... воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» [4].

Однако процесс исторического развития индейского общества на пути к указанной Энгельсом стадии был прерван появлением европейских колонизаторов, которые и принесли с собой пороки, свойственные классовым обществам.

В пределах Канады сложилась и еще одна этническая общность — эскимосы со своим характерным культурно-хозяйственным укладом. Предки этих арктических морских охотников — протоэскимосо-алеуты, поселившиеся на Чукотке примерно 10 тыс. лет назад, воспользовались для перехода в Америку тем же «Берингийским мостом», что и предки индейцев. «Это уже были не только охотники на мамонтов,— полагает советский археолог Н. Н. Диков,— но и рыболовы. Им остались для освоения только арктические и субарктические территории Северной Америки, поскольку все более южные ее земли уже были заняты индейцами» [5]. Протоэскимосо-алеуты положили начало новой арктической культуре охотников на диких оленей, рыболовов и морских охотников.

В условиях послеледниковой изоляции протоэскимосо-алеутская общность на территории Южной и Юго-Западной Аляски и Западной Канады в этническом отношении заметно дифференцировалась. В результате ко II тыс. до н. э. обособилась группа, специализировавшаяся на охоте с поворотным гарпуном,— эскимосская этнокультурная общность. Заметным признаком ее культуры, как и культуры алеутов и некоторых северо-западных индейцев, долгое время и на значительной территории были так называемые лабретки — нагубные украшения, представлявшие собой каменные или костяные пробки, которые продевали в губы и щеки.

Самыми древними из известных нам протоэскимосов являются обитатели мыса Денбай Флинт на северо-западе Аляски, которые, обосновавшись во II тыс. до н. э. на побережье Берингова пролива, охотились на тюленей, используя, видимо, лодки, в то время как их собратья в глубине Аляски занимались преимущественно оленеводством. Именно в денбайскую эпоху и сложилась самая ранняя культура канадской Арктики.

С мыса Денбай Флинт аборигены продвинулись на восток через арктические районы Канады вплоть до северной Гренландии, достигнув ее около 2000 г. до н. э., и на юг: по западному побережью Гудзонова залива к совре-

менному Черчиллу и через Баффинову Землю на полуостров Унгава и побережье Лабрадора. Они жили небольшими кочевыми группами, находившимися на значительном отдалении друг от друга. Летом ставили палатки из звериных шкур, а зимой устраивали землянки. Для охоты на моржей и тюленей использовали гарпун, а на оленей — лук и стрелы. Занимались рыболовством с помощью остроги и ловили птиц. Этот период в истории заселения Канады, который называется предорсетским, длился приблизительно до 800 г. до н. э. (на юго-западе до 500 г. до н. э.).

Около 800 г. до н. э. предорсетская культура сменяется дорсетской, многое, видимо, заимствовавшей в культуре древних индейцев, живших южнее, в лесистых районах. Поселения дорсетских эскимосов занимали территорию от залива Коронейшн на западе до острова Ньюфаундленд и восточной Гренландии на востоке.

Дорсетский период продолжался в некоторых районах Канады до 1300 г. н. э., однако около 900 г. н. э. дорсетскую культуру в Арктике начала вытеснять культура туле, распространившаяся благодаря миграции населения с Северной Аляски в Гренландию и на полуостров Лабрадор. Справедливость предположения о переселении в прошлом какой-то группы азиатских эскимосов в Гренландию подтверждается сходством языков азиатских и гренландских эскимосов, а также распространением у гренландцев крылатых стабилизаторов поворотных гарпунов — своеобразной разновидности «крылатых» предметов, характерных для древнеберингоморской культуры. Одна из самых примечательных особенностей периода туле — охота на китов. По своим расовым признакам, языку и культуре народ эпохи туле был типично эскимосским. Первое документальное свидетельство об эскимосах периода туле содержится в отчете о путешествии англичанина Мартина Фробишера.

Эскимосы эпохи туле являются прямыми предками канадских эскимосов, в том числе и эскимосов карибу, поселившихся к западу от Гудзонова залива во внутренних районах Канады.

История канадских эскимосов до прихода европейцев, как и история индейцев, мало известна. В XVII в. европейцы столкнулись с народом, уже создавшим в течение многих веков, в условиях долгих арктических ночей, изо-

лированности кочующих семей уникальную и по-своему совершенную культуру, прекрасное изобразительное искусство и фольклор, где мифы сочетаются с рассказами о событиях недавнего прошлого, выработавшим надежные способы добывания пищи, изготовления одежды и постройки жилищ в суровых условиях Севера. К моменту появления европейцев в Канаде эскимосов насчитывалось 22,5 тыс. человек.

Европейцы в доколумбовой Америке

Европейцы ступили на землю Канады задолго до открытия Нового Света Христофором Колумбом. Первые полулегендарные сведения о морских вояжах в Америку относятся к V—VI вв. н. э. Именно тогда ирландцы совершали отчаянные путешествия по океанским просторам в обтянутых кожей челнах, описанных еще Юлием Цезарем во время его пребывания в стране кельтов. Легенды сохранили имя настоятеля ирландского монастыря Брендана, который якобы в VI в. первым увидел Америку. Монах, причисленный к лику святых, вероятно, был реальной личностью, но никаких достоверных фактов о его пребывании у берегов Нового Света не существует.

Начало освоению европейцами Северной Америки положили норманны — предки нынешних скандинавских народов. Норманны были отважными и искусными мореплавателями. Еще в IX в. они начали колонизацию Исландии, а из Исландии двинулись на запад, обнаружив Гренландию, а затем северо-восточное побережье американского материка.

Долгое время единственными свидетельствами о норманнских походах были исландские саги. В «Саге об Эйрике Рыжем» и «Сказании о гренландцах» повествуется о плаваниях викингов к берегам Америки, о захвате ими открытых земель, в том числе загадочной земли Винланд. Почти 100 лет ученые спорили о месторасположении земли Винланд. Наконец, в 1960 г. норвежский археолог, путешественник и писатель Х. Ингстад нашел на мысе Медоус, на крайнем севере Ньюфаундленда, остатки норманнского поселения, относящегося примерно к 1000 г. н. э.

Так сведения древнего фольклора получили достоверное подтверждение. Стало ясно, что еще за 500 лет до

Колумба европейцы посетили Америку и именно ту территорию, которую занимает современное государство Канада. Что известно нам об этой далекой странице канадской истории?

Как гласит исландское сказание, в 80-х годах X в. в Исландии жил Эйрик Турвальдсон по прозвищу «Рыжий», изгнанный из Норвегии за убийство. «За беспокойный характер» в 981 г. его изгнали на три года и из Исландии. Единственное, что ему оставалось после этого,— искать убежище на западе, в новой стране. Миновав ледяные пустыни, Эйрик доплыл до места, которое в летнее время было покрыто свежей зеленью, и назвал его — Гренландией («Зеленой страной»). Это было юго-западное побережье огромного ледяного острова.

В 985 г. Эйрик со своими спутниками основал поселение на южном берегу Гренландии, откуда колонисты стали продвигаться дальше вдоль западного побережья. Они занимались рыболовством, зверобойным промыслом, разведением привезенного с собой скота. Поселки выходцев из Исландии просуществовали в Гренландии более 400 лет. В XIII в., в период расцвета колонизации, их здесь насчитывалось, видимо, около 100.

После присоединения Исландии к Норвегии и завоевания Норвегии Данией связи потомков викингов с Европой прервались, и освоению Гренландии был положен конец. Судьбы первооткрывателей мало известны. Сохранились предания об их кровавых столкновениях с северными «скрелингами» — эскимосами, в результате которых многие из колонистов погибли. Однако, как пишет английский историк Р. Хеннинг, «невероятно, чтобы норманнские поселенцы вымерли в сравнительно короткий срок... Гораздо вернее предположить, что колонии постепенно угасали — или из-за того, что норманны смешивались с эскимосами, все более и более превращались в «скрелингов», или из-за того, что их поселения становились все меньше из-за капельной эмиграции» [6]. Некоторые историки убеждены, что часть норманнов северо-западного берега Гренландии смешалась с аборигенами, и это положило начало современной эскимосской этнической общности и культуре [7]. Однако эта концепция очень уязвима и многими учеными не признается.

Берегов северо-восточной Америки первым, в 985 г., достиг норвежец Бьярни Херюльфсон. Рассказ об этом со-

держится в «Сказании о гренландцах» и носит вполне достоверный характер. По-видимому, «ровная лесистая местность» Бьярни — это Лабрадор или Баффинова Земля.

Главные успехи норманнов в освоении новых территорий связаны с именем Лейфа Эйриксона, сына Эйрика Рыжего. В 1000 г., как гласят саги, «Лейф и его спутники, всего с ним вместе тридцать пять человек, взошли на корабль» и отплыли на запад. Летом 1001 г. Лейф достиг страны, которая «от берега до ледников была как плоский камень». Место первой стоянки норманны назвали Хеллуланд («Страна плоских камней»). Это был скорее всего берег Баффиновой Земли. Вторую стоянку они устроили где-то на побережье Лабрадора, и Лейф дал ей имя Маркланд («Лесная страна»).

Лейф и его дружинники продолжили путь в юго-восточном направлении. По «Сказанию о гренландцах», «они поспешили назад на корабль и поплыли оттуда с северо-восточным ветром и были в открытом море двое суток, пока не увидели землю. Они направились к ней и подошли к острову, который лежал к северу от нее. Они высадились и осмотрелись... Затем они вернулись на корабль и вошли в пролив между островом и мысом, протянувшимся на север. Они направились на запад, огибая мыс. Там была большая мель, и в отлив корабль сел на эту мель, так что море оказалось далеко. Но им так хотелось поскорее высадиться, что они не стали ждать, пока корабль снова окажется на воде, и побежали к берегу, туда, где из озера вытекала река. А когда корабль их снова оказался на воде, они сели в лодку, подплыли к нему и завели его в реку, а затем в озеро. Там они бросили якорь, отнесли на берег спальные мешки и сделали себе землянки. Но потом они решили зимовать там и построили себе большие дома... Дни здесь не так различались по длине, как в Гренландии или Исландии. В самое темное время года солнце стояло в небе четверть дня после полудня и четверть дня до него» [8].

Это описание вполне подходит к северному побережью Ньюфаундленда, где Х. Ингстад и обнаружил следы двух больших домов норманнского типа, а также нескольких мелких построек, включая финскую баню. Ингстад полагает, что в колонии одновременно проживало от 75 до 90 человек. Вероятно, эта деревушка строилась не только

Лейфом Эйриксоном, но и участниками последующих экспедиций [9].

Перезимовав в Винланде, Лейф вернулся в Гренландию и больше туда не плавал. В 1004—1005 гг. еще один сын Эйрика Рыжего Торвальд Эйриксон со своей командой провел зиму в Винланде. В стычке с местными жителями, индейцами или эскимосами, Торвальд был смертельно ранен.

Наиболее серьезную попытку колонизации новых земель предпринял норвежец Торфинн Карлсефни. В 1008 г. Карлсефни с женой Гудрид и 250 людьми на трех кораблях прибыл в Винланд и прожил там около трех лет. Однако трудности, связанные с добыванием пищи, и столкновения со «скрелингами» заставили Карлсефни вернуться на родину.

На этом плавания норманнов к берегам Северной Америки не прекратились, о чем свидетельствуют, в частности, рунические письмена. Однако плавания стали носить эпизодический характер. Постоянных контактов Северной Америки с внешним миром не было до конца XV в., а Канады — до XVI в. О норманнской колонизации этих земель прочно забыли даже в Европе. Колумб и его последователи, отправляясь в путь, ничего не знали ни о Винланде, ни о других норманнских открытиях.

Глава 2

НАЧАЛО КОЛОНИЗАЦИИ

В поисках северо-западного пути

Манящие сокровища Индии и Китая заставили европейцев преодолеть страх перед бурными водами и холодными ветрами северной Атлантики. Первыми в Канаде появились англичане. Английские монархи и торговцы не меньше, чем испанские или португальские, жаждали новых земель и новых богатств. Эти их устремления были подстегнуты великим генуэзцем Христофором Колумбом, который открыл в 1492 г. для испанского короля Америку, даже не ступив на ее землю.

Вполне вероятно, что еще до Колумба бристольские купцы и моряки, плававшие в XV в. к берегам Исландии, Канарским и Азорским островам, добирались до Нового Света, но никаких достоверных сведений на этот счет до нас не дошло. Есть только косвенные свидетельства, в частности письмо моряка Джона Дэя некоему лорду Великому адмиралу (возможно, Колумбу), датированное 1497 г. Автор письма говорит, что обнаруженная в тот год Джоном Каботом земля была «открыта в прошлом людьми из Бристоля, и эта открытая ими земля «была названа островом Бразилия, хотя полагают, что она является материком» [1]. Известно также о ряде попыток англичан «пересечь море на запад от Ирландии» в 1480 и 1481 гг.

Генуэзец Джованни Кабото, вошедший в историю под именем Джона Кабота, родился в то же время и в том же городе, что и Колумб, в 1476 г. стал гражданином Венеции, занимался торговлей и путешествовал, а где-то к 1490 г. перебрался в Англию. Поселился он в Бристоле — одном из самых процветающих в те годы английских портов с населением 10 тыс. человек. Кабот, несомненно, знал о морских плаваниях местных купцов и

навигаторов, а может быть, и сам посетил Исландию. Генуэзца заинтересовала идея найти путь в Азию через северные воды.

5 марта 1496 г. Кабот и три его сына Луи, Себастьян и Санчо обратились к английскому монарху Генриху VII с просьбой пожаловать им на плавания патент «за великой печатью». Такой патент они получили в тот же самый день. Немалую роль, видимо, сыграли здесь заинтересованность Тюдоров в преодолении провинциальной изолированности Англии, а также потребности развивающейся промышленности и морской торговли. Королевский патент давал Каботам полное право «отправляться в плавания во все стороны, районы и по всем берегам Восточного, Западного и Северного моря... для нахождения, открытия и исследования островов, стран, областей и провинций, принадлежащих язычникам и неверным, в какой бы части света они ни оказались, если прежде они были неизвестны христианам» [2]. Кабот приобретал право на доходы с экспедиций, но обязан был во всех открытых землях водружать английский флаг, а пятую часть полученного капитала отдавать короне.

Пожалуй, ни одно из великих путешествий не породило столько споров и противоречивых суждений. Это и неудивительно. В отличие от Колумба, Кабот не оставил потомкам морского журнала, а кто-либо из его соратников — заметок о путешествии. Не сохранились также карта и глобус, сделанные Каботом после плавания. Так что известно немного.

В мае 1497 г. Джон Кабот отплыл из Бристоля на небольшом корабле «Мэтью» (водоизмещением около 50 т) с командой 18 человек. Видимо, суденышко оказалось быстрым и надежным, а его команде не нужно было занимать мастерства и смелости, если Каботу удалось достичь берегов Северной Америки и вернуться назад примерно за 11 недель — рекорд, который оставался непобитым почти столетие!

«Мэтью» прошел вдоль берегов Исландии и к концу июня достиг острова, который мореплаватель назвал «Первая увиденная земля», по-английски — «Ньюфаундленд». Вполне вероятно, что моряки подходили к берегам Лабрадора и Новой Шотландии, т. е. к самому материку Северная Америка, но Кабот и его спутники так и не ступили на эту землю.

Истратив «на собственное удовольствие» дарованные королем 10 ф. ст., Джон Кабот, видимо, сразу же приступил к подготовке новой экспедиции — «в Китай», полагая, что его северо-восточное побережье он уже открыл. Генрих VII опять пожаловал Каботу патент, а на деньги из королевской казны был снаряжен один корабль. Четыре других корабля экипировали бристольские купцы, и в начале мая 1498 г. Кабот отправился в очередное плавание. О судьбе второй экспедиции Джона Кабота достоверно известно лишь то, что один из его кораблей, поврежденный бурей, закончил свой путь в ирландском порту. Сам Кабот, по всей вероятности, из экспедиции не возвратился, ибо о нем больше никаких сведений не сохранилось.

По иронии судьбы почести, которые заслужил сам Кабот, достались его сыну Себастьяну, наверное, еще мальчиком сопровождавшему отца в первом плавании 1497 г. Красочными описаниями своих путешествий в поисках северо-западного пути в Азию он создал себе такую известность, что в последующих хрониках имя и заслуги Джона Кабота почти перестали упоминаться. Однако скорее всего до берегов Америки Себастьян Кабот в 1508—1509 гг. не добирался и в лучшем случае лишь пытался это сделать. Единственное предприятие, в котором он участвовал, будучи уже на службе испанского короля,— это неудачная попытка в 1525—1528 гг. повторить путь, пройденный Магелланом [3].

После Джона Кабота к берегам Канады совершили несколько экспедиций (приблизительно в 1501—1502 и 1503—1506 гг.) бристольские купцы при участии португальских мореплавателей, но в истории открытия Канады значительной роли это не сыграло.

В первой трети XVI в. в освоении берегов Северной Америки наступила пауза. Лишь в 1536 г. два английских корабля под командованием капитана Роберта Хора предприняли путешествие к Кейп-Бретону и Ньюфаундленду, причем моряки пережили такие лишения, что опустились до канибализма. Спасло их случайно встреченное французское судно. Говорят, это был первый «туристский круиз» в водах Атлантики, так как среди пассажиров капитана Хора находились некие «лондонские джентльмены», захотевшие прогуляться к берегам Ньюфаундленда и половить треску. Таким образом, закончил-

ся более чем 40-летний период поисков англичанами «великого пути в Азию» на северо-западе.

К тому времени у берегов Канады уже побывала французская экспедиция во главе с флорентийцем Джиованни Верацдано (1524), которая оставила весьма заметный след на карте Нового Света: на побережье Северной Америки появилось латинское название Новая Галлия, что означало Новая Франция. Так возник зародыш будущей колониальной империи французов — Новой Франции.

Однако все первые плавания не ставили своей целью колонизовать новые земли, которые воспринимались всего лишь как «препятствие» на пути в Азию. И если не считать организации рыболовного промысла английскими, французскими и португальскими моряками у берегов Ньюфаундленда, то освоение Канады европейцами начато еще не было. Новая страница в ее истории связана с именем французского мореплавателя Жака Картье.

«Веселый корсар» Жак Картье

В 1532 г. Король Франции Франциск I совершил паломническую поездку в аббатство Монт-Сент-Мишель, расположенное на одном из островов в Южной Нормандии. Здесь аббат Жан Левенер представил ему «мастера морских дел» из соседнего местечка Сен-Мало по имени Жак Картье, способного, по словам аббата, командовать кораблями и «открывать неизвестные земли в Новом Свете». Спустя год Франциск I и епископ Левенер договорились с римским папой о том, что положения изданной еще папой Александром VI буллы о разделе Нового Света между Испанией и Португалией будут отныне распространяться только на уже открытые земли. Так, для Франции был зажжен «зеленый свет» на пути в Америку, и король сразу же дал согласие бретонцу Картье на снаряжение экспедиции, наградив его титулом «капитана и кормчего короля».

Но главное, что предстояло сделать Картье,— это найти дорогу в Китай. 20 апреля 1534 г. два корабля водоизмещением около 60 т каждый, с командами по 60 человек отплыли из Сен-Мало. В паруса Картье дул попутный ветер, и через 20 дней, 10 мая, экспедиция достигла берегов Ньюфаундленда в давно уже облюбованном фран-

цузскими моряками месте — у мыса Бонависта. Стоя на верхней палубе, «капитан короля» и его команда с изумлением вглядывались в открывшуюся перед ними картину. Моряков поразило прежде всего обилие птиц. Казалось, «ими можно было бы заполнить трюмы всех кораблей Франции, и не заметить при этом, что их количество на берегу хоть сколько-нибудь уменьшилось» [4].

Первое знакомство с таинственной землей оказалось удачным. Матросы пополнили свои запасы свежей дичью и двинулись дальше. Обогнув северную оконечность острова, корабли поплыли на юго-запад, и взорам путешественников открылась ширь залива Св. Лаврентия. Встреченные на пути пустынные островки привели Картье в уныние и навеяли грустную мысль: не та ли уж это «земля, которую господь предназначил Каину»? Соблюдая крайнюю осторожность в незнакомых водах, производя при каждом удобном случае промеры глубин, два легких суденышка Картье еле ползли вдоль западного берега Ньюфаундленда, который до этого был почти неизвестен мореплавателям. Затем экспедиция высадилась на острове Брион, лежащем почти в середине залива. Моряки пришли в восторг, найдя его «покрытым великолепными лесами и лугами, полями дикого овса и цветущего гороха, такого же чудесного и густого, как и в Бретани, словно его посеяли землепашцы». Здесь росли дикие розы, земляника, кусты «крыжовника», «петрушка и другие сильно пахнущие травы» [5]. На острове Принца Эдуарда, где Картье четырежды высаживался на берег, и на полуострове Гаспе воображение мореплавателей поразили величественные девственные леса. Нельзя было найти лучшего материала, чем эти деревья, «для изготовления мачт для кораблей в 300 т и более».

До сих пор Картье еще не сталкивался с индейцами. Лишь на острове Принца Эдуарда французы увидели местных жителей, переправлявшихся через речку. У берегов Гаспе к кораблям неожиданно приблизились две небольшие флотилии по 40—50 каноэ, полные индейцев, размахивавших меховыми шкурами на наконечниках копий. Индейцы выкрикивали какие-то приветствия, плясали «и делали разные знаки дружбы и радости». Картье, не доверяя «диким», побоялся вступить с ними в контакт. Два выстрела корабельной артиллерии над головами аборигенов рассеяли их быстрые суденышки.

На следующий день девять каноэ, опять полные туземцев, появились перед кораблями Картье. Индейцы показывали меховые шкурки, приглашая начать обмен. Два матроса, посланных Картье с набором различных металлических предметов, высадились на берег, где и состоялась сделка. Через день был устроен еще более крупный торг. Войдя в азарт, индейцы продали даже собственную меховую одежду и отправились домой голыми.

Вскоре на полуострове Гаспе французы встретили группу индейцев во главе с вождем Доннаконой. Это были гуроны, ловившие в тех местах рыбу. О них у Картье сложилось самое неблагоприятное впечатление. Но это, видимо, по той причине, что у рыбачивших индейцев было тогда «товару за душой меньше, чем на пять су, если не считать челнов и рыболовных снастей» [6].

24 июля 1534 г. Картье поспешил водрузить на новой земле крест с надписью «Да здравствует король Франции!» Присутствовавший при этом вождь Доннакона, хотя и не понимал смысла происходившего, попытался вразумить чужестранцев, доказывая, что на этой территории живет его племя и без разрешения вождя крест водружать нельзя, но, задаренный пустяковыми подарками, вскоре перестал противиться. Возможно, его заставили сделать это политические соображения: племя гуронов, доминировавшее в нижнем течении реки Св. Лаврентия, нуждалось в сильном союзнике.

В последующие несколько дней Картье завершил свое первое плавание, но входа в реку св. Лаврентия так и не заметил. Он повернул назад, прихватив с собою двух индейских юношей — сыновей вождя Доннаконы, которых просто похитил.

Возвратившись во Францию 5 сентября 1534 г., Картье составил карту своего путешествия. В результате стало ясным, что за Ньюфаундлендом находилось обширное внутреннее море, дававшее возможность проникнуть в глубь континента.

Контакты с индейцами и коммерческие выгоды от освоения открытых земель понудили короля Франции дать санкцию на второе путешествие и даже выделить 3 тыс. ливров на оснащение экспедиции. Целью второго плавания было «завершение навигации в землях за Ньюфаундлендом» и «продолжение открытия дальних земель» [7].

19 мая 1535 г. Картье на трех кораблях со 110 спутниками отплыл из Франции и через 50 дней добрался до залива Св. Лаврентия. Вместе с ним вернулись и два молодых индейца, выучившие к тому времени французский язык. На сей раз корабли следовали вдоль северного берега залива курсом, который неизбежно должен был привести в устье реки Св. Лаврентия. От острова Антикости, который первоначально Картье принял за полуостров, по словам индейцев, начинался великий водный путь в «королевство Сагеней», или в «Канаду», и путь этот шел «столь далеко, что ни один человек еще не доходил до его конца».

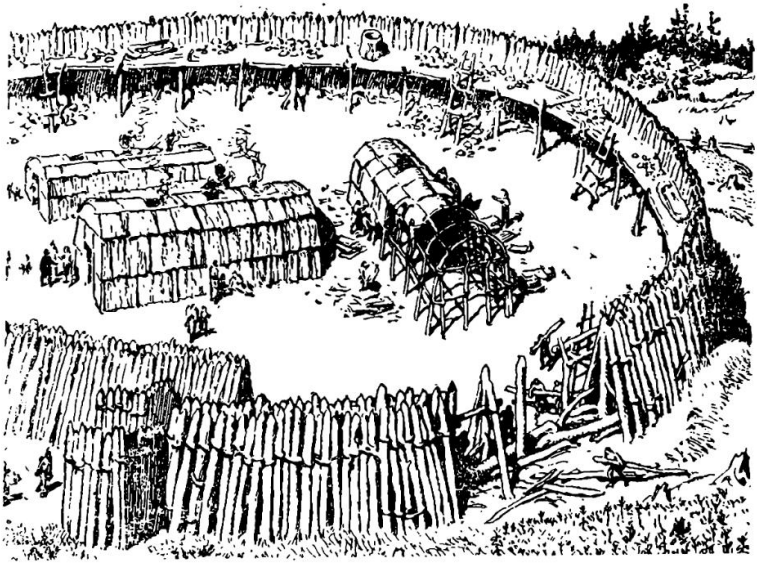
Так, впервые в истории появилось слово «Канада» в качестве названия колонизуемых Францией земель в бассейне реки Св. Лаврентия.

С большими предосторожностями Картье последовал путем, который вел в Канаду. Чуть ниже индейской деревни Стадакона (будущий Квебек) Картье столкнулся с многочисленной группой гуронов, а на следующий день с флотилией из 12 челнов к французам прибыл сам верховный вождь гуронов Доннакона, встретившийся, наконец, со своими двумя сыновьями.

Картье собирался двигаться дальше к тому месту, где находилось селение Ошлага. Однако Доннакона не хотел этого, опасаясь, видимо, возможного союза европейцев с другими индейскими племенами, а также не желая упускать случай обменять свои товары на привезенные пришельцами из-за океана. Все попытки отговорить Картье от похода к Ошлаге оказались безуспешными. 19 сентября 1535 г. на одном корабле и двух баркасах он направился вверх по течению. Но через некоторое время Картье пришлось оставить корабль, так как река разделялась на несколько узких протоков, и добираться до заветной цели уже на баркасах.

В Ошлаге, вскоре переименованной в Монреаль, Картье дружелюбно встретила почти тысяча индейцев-гуронов.

Картье оставил довольно подробное описание поселения гуронов. Оно «располагается по кругу и ограждено сплошной деревянной трехъярусной изгородью наподобие пирамиды. Верхний ярус сделан из скрепленных крест-накрест, средний — из поставленных отвесно, а самый нижний — из положенных в длину деревянных брусков.



Поселение прокезов. XVI в.

Все умело подогнано и искусно скреплено по местному образцу, а высота изгороди примерно два копья. Проникнуть в деревню можно лишь через одни-единственные ворота в ограде, которые прочно запираются на засов. Над входом, а также во многих других местах вдоль ограды устроено что-то вроде галереи с лестницами. Сложенные здесь камни туземцы используют для защиты от неприятеля. В деревне примерно 50 домов, каждый шагов 15 в длину или больше, а в ширину шагов 12—15, и выстроены они целиком из дерева, а крыши сделаны из коры, и снаружи дома тоже обшиты большими (величиной со ствол) кусками коры, и куски эти весьма искусно и хитроумно сплетены на тамошний манер. Внутри каждого дома много комнат и кладовок, а в середине широкое пространство без пола, где зажигают костер и собираются все вместе; потом мужчины с членами семьи расходятся по своим комнатам. А наверху в их домах есть еще и чердаки, где они хранят зерно, из которого женщины выпекают хлеб» [8].

Ошлага произвела на Картье незабываемое впечатление. Поднявшись на гору, названную им Королевской (Монтройял), Картье увидел захватывающую панораму еще неизведанных земель: цепи гор, «отличнейшие пахотные земли, которые только можно себе представить». А среди этого великолепия «течет река, она продолжается дальше того места, где мы оставили наши баркасы и где бушуют невиданной ярости пороги, пройти через которые мы оказались не в силах. И насколько хватает глаз, видна эта река, могучая, широкая и полноводная» [9].

Из Ошлаги Картье 11 октября 1535 г. вернулся в Стадакону, где оставались два корабля. Возвращаться во Францию было уже поздно: зимняя Атлантика не сулила ничего хорошего путешественникам. Картье решил зимовать в Канаде. Моряки соорудили укрепленный форт, вырыв вокруг глубокие траншеи и установив артиллерию, поскольку отношения с индейцами к этому времени оказались испорченными.

В декабре среди европейцев разразилась цинга. К середине февраля из 110 французов не было и десяти, которые оставались здоровыми. Неизвестно, чем бы окончилась для путешественников первая зима в Канаде, если бы не настойка из листьев и коры дерева «аннеда», которую их научили делать гуроны. За восемь дней французы полностью «съели» целое большое дерево, и это дало такой эффект, что «будь здесь все доктора Лувена и Монпелье, со всеми их александрийскими снадобьями, они и за год не смогли бы добиться того, что одно дерево сделало за неделю» [10].

Спасенные европейцы отплатили черной неблагодарностью местным жителям. Перед тем как отправиться в обратный путь Картье захватил 10 индейцев, в том числе вождя Доннакону. Он хотел, чтобы король лично услышал от них рассказы о золоте и прочих богатствах. Никто из туземцев уже никогда не вернулся назад.

6 мая корабли Картье взяли курс на родину и через три недели прибыли в Сен-Мало.

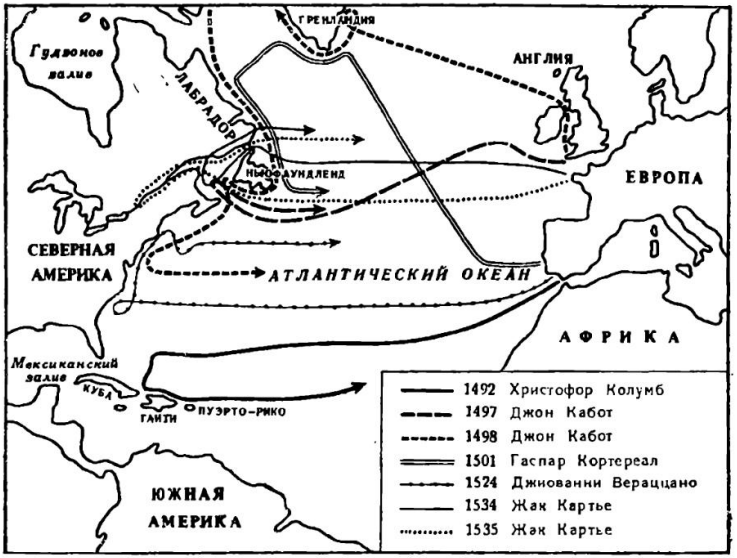
Сведения о ресурсах и жителях вновь открытой земли, более подробные, чем уже имевшиеся, побудили Францию предпринять попытку основать первую колонию в Америке. Подготовка очередного плавания была поручена Жану-Франсуа де ля Року, известному в истории Канады под именем Роберваля. Королевские инструкции на сей

раз предписывали не только продолжить изучение новых земель, но и построить на них «поселки и форты, часовни и церкви для утверждения святой католической веры и христианской доктрины» [11]. Роберваль заочно именовался уже «королем Канады» и получал право установить в новом владении феодальный (сеньориальный) режим и торговую монополию. Менее знатному Картье на сей раз отводилась лишь роль капитана.

Стремление Франции облечь в религиозно-миссионерскую форму попытку закрепиться в Америке объяснялось скорее всего боязнью конфликта с Испанией и Португалией, которые ревностно охраняли свои позиции в Новом Свете. На самом же деле французов прежде всего интересовали богатства, которые можно было извлечь из заокеанских плаваний.

23 мая 1541 г. Картье без Роберваля на пяти кораблях снова отплыл к берегам Канады. Как и пять лет назад, экспедиция остановилась у Стадаконы, как и пять лет назад, ее встретила толпа индейцев с новым вождем Агоной. Однако отношения с туземцами уже не были столь дружескими. Гуроны больше не посещали лагерь европейцев, не приносили на обмен мехов, не устраивали на виду веселых игр и пиршеств. Как пишет американский историк С. Моррисон, «эти туземцы уже поняли, как в конечном итоге поняли рано или поздно все коренные жители Северной Америки, что сосуществование с европейцами означает для них смерть» [12].

Зима 1541—1542 г. прошла для европейцев в страшной нужде, болезнях и стычках с индейцами. Картье стало ясно, что для основания новой колонии нужны более крупные силы и средства. Не дождавшись Роберваля, в июне 1542 г. французы покинули свой лагерь у того места, где река Оттава впадает в реку Св. Лаврентия, и отправились на родину, захватив несколько бочонков «золота и серебра», а также корзину таких «драгоценных камней, как рубины и бриллианты». В ньюфаундлендской бухте Сент-Джон Картье повстречал корабли Роберваля, прибывшие в Канаду с опозданием на один год. Ослушавшись своего более молодого и знатного патрона, Картье все же продолжил путь домой, спеша, по-видимому, преподнести королю добытые драгоценности. Каково же было его разочарование, когда оказалось, что за «золото» он и его спутники приняли железный пирит, а за



Маршруты первооткрывателей Северной Америки

бриллианты — кристаллический кварц! От груза Картье ничего не осталось, кроме крылатого выражения — «фальшивый, как канадские бриллианты».

Тем временем Роберваль, прибыв в Канаду, соорудил на месте лагеря Картье более надежный форт и после неудачных попыток преодолеть пороги реки Св. Лаврентия в районе Монреаля остался в нем на зимовку. О жизни первых французских колонистов в Канаде сохранилось мало сведений. Известно, что она была далеко не счастливой, ибо уже на следующее лето Роберваль погрузил оставшихся в живых колонистов на корабли и в сентябре 1543 г. вернулся во Францию.

Кстати, ни о каких действиях для утверждения католической веры во время плавания Роберваля упоминаний не сохранилось. Едва ли их следовало и ожидать — ведь Роберваль был протестантом. Так что попытка основать колонию в Канаде носила не миссионерский, а чисто коммерческий характер. Закончилась она безуспешно, и в истории французской колонизации Канады наступила долгая пауза почти в 60 лет.

Сэмюэль де Шамплен — «отец Новой Франции»

К концу XVI столетия Франция все настойчивее стремилась утвердиться в Северной Америке на какой-то более солидной основе, дабы не потерять богатые ресурсы залива и водного пути по реке Св. Лаврентия. При Генрихе IV, принявшем католичество и издавшем Нантский эдикт, во Франции закончилась полоса длительных и изнурительных религиозных войн. Король, решив продолжить дело, начатое еще Франциском I, даровал монопольное право на долину реки Св. Лаврентия одному из знатных придворных и попытался привлечь к организации новых поселений в Канаде торговцев Руана и Сен-Мало. Однако намерения двора рассматривать Канаду как свое владение не устраивало французских купцов, заинтересованных в колонизации на основе свободной торговли.

Весной 1603 г. торговцы Руана и Сен-Мало снарядили экспедицию в Канаду. На борту одного из кораблей, которым командовал капитан Франсуа Граве, находился 30-летний путешественник и географ Сэмюэль де Шамплен. Молодой пассажир уже успел послужить в армии Генриха Наваррского (позднее короля Франции Генриха IV), побывать с испанскими торговцами в Вест-Индии, написать о поездке донесение, представить искусно выполненные рисунки, получить за это пенсию и заслужить благосклонность короля. Экспедиции, можно сказать, повезло: Шамплен явился одним из наиболее активных и настойчивых исследователей новых земель и оставил подробное и вдумчивое описание всего увиденного.

В конце мая экспедиция добралась до ранее основанного французами прибрежного поселка Тадуссак. Здесь ее дружелюбно встретило большое число индейцев. Алгонкины, монтаньи и эчемины сразу же привезли на обмен полные каноэ мехов. Продолжив путь по реке до Стадаконы, Шамплен с группой своих спутников пересел на тяжелые и неуклюжие пинассы (вспомогательные морские суда), которые, правда, пришлось оставить у порогов Лашин (чуть выше Монреаля). Изготовленная шлюпка, не проплыв и нескольких сот ярдов по стремнине, тут же налетела на камни. Это было первое знакомство Шамплена с порогами реки Св. Лаврентия: «Никогда прежде не видел

я водного потока, который бы обрушивался вниз с такой силой ... Сила потока была столь велика, что вода в нем, казалось, кипела». Шамплен понял, что лишь на «челнах туземцев» можно «легко и быстро путешествовать по всей стране, как по малым, так и по великим ее рекам» [13].

В июле Шамплен и капитан Граве вернулись в Тадуссак, а затем во Францию, составив на основе собственных наблюдений и рассказов индейцев более или менее правдоподобное представление о реке и окружающей местности.

Следующее плавание Шамплен предпринял в составе экспедиции, организованной на деньги тех же купцов Руана и Сен-Мало. Возглавлял ее Пьер Демонт, получивший от Генриха IV право владеть территорией между 40 и 46 параллелями и 10-летнюю монополию на торговлю с индейцами на атлантическом побережье и обоих берегах реки Св. Лаврентия. На сей раз французы основали поселение на побережье залива Фанди, назвав его Пор-Руаяль, а всю прилегающую часть атлантического побережья — Акадией. Однако в 1607 г. они покинули эти края. Как раз в то же время сюда прибыли англичане, положив колонией Вирджиния начало Новой Англии.

На следующий год Шамплен убедил Демонта «пойти и поселиться на великой реке Св. Лаврентия» и возглавил всю экспедицию. В июле 1608 г. он прибыл в Квебек, где французы построили нечто похожее на миниатюрную европейскую крепость. Здесь на зимовку осталось 28 человек, из которых к весне более половины погибло. Однако весной прибыло подкрепление. В этот момент французы заключили некое подобие военного союза с алгонкинами и гуронами против могущественного племени ирокезов. Колонизаторы были больше заинтересованы в контактах именно с кочевыми, охотничьими племенами индейцев, поставлявшими им пушнину, чем с оседлыми земледельцами — ирокезами. Так началась беспощадная вражда французов и ирокезов.

Шамплен предпринял первую военную экспедицию и своими действиями в ходе нее способствовал возникновению непримиримой ненависти к французам со стороны могущественного Союза пяти племен. В июле 1608 г. Шамплен вместе с тремя французами и отрядом индейцев проплыл по притоку Св. Лаврентия — реке Ришельё

и достиг озера, которое назвал своим именем. В районе местечка Тайкондерога произошло первое его столкновение с отрядом ирокезских воинов во главе с тремя вождями. Аркебуза Шамплена поразила насмерть двоих вождей и ранила третьего, что повергло туземцев в панический ужас. Около 50 ирокезов погибло в этой схватке. После этого их начали постепенно оттеснять из районов растущей пушной торговли индейцев с европейцами, а Франция провозгласила свое право на владение новой территорией — долиной реки Ришельё и районом озера Шамплейн.

В мае 1610 г. Шамплен вновь прибыл в Канаду. Индейцы пообещали французам помочь «исследовать три реки до того места, где море так велико, что не видно его конца» (речь, вероятно, шла о водах Гудзонова залива), однако не спешили его выполнить, разумно опасаясь появления чужеземцев в глубинных районах принадлежащих им земель. Тогда, чтобы не терять времени даром, французы предприняли еще один военный поход против ирокезов долины реки Ришельё.

Не удалось Шамплену исследовать северные земли Новой Франции и во время следующего плавания в 1611 г. Французская колонизация Канады шла более медленными темпами, чем английская. В 1610 г. суда англичан уже бороздили северные воды Канады — Гудзонов залив и залив Джемса.

Нерегулярная пушная торговля была недостаточной базой для закрепления французов в новых местах. По настоянию Шамплена в 1612 г. королева Мария Медичи от имени молодого Людовика XIII назначила принца Конде вице-королем Новой Франции и передала ему на 12 лет монополию на торговлю в Канаде. Конде, в свою очередь, назначил Шамплена своим заместителем и личным представителем в Новой Франции. Поддерживаемый властями, Шамплен в 1613 г. опять отправился в Новую Францию, но единственное, чего ему удалось добиться, это организации очередного плавания вверх по реке Св. Лаврентия. Наконец, осенью 1613 г. во Франции была создана Канадская компания, известная еще как Компания Руана и Сен-Мало, поскольку ее основу составили торговцы этих двух городов. С помощью компании Франция надеялась укоренить свою колониальную империю в Северной Америке.

Однако торговцы-акционеры, не заинтересованные в создании постоянных поселений и в более многочисленной эмиграции, всячески препятствовали попыткам заложить в Канаде более постоянную базу для существования колоний, чем мехоторговля. В результате на протяжении нескольких десятилетий Новая Франция представляла собой лишь цепь разбросанных по долине Св. Лаврентия торговых факторий. Французских купцов, занимающихся скупкой пушнины, вполне устраивало использование уже сложившихся у коренных жителей — индейцев — хозяйственных форм.

В 20-х годах XVII в. во Франции возникла еще одна конкурирующая компания — Компания Монморанси, но ее опыт колонизации Новой Франции также малопримечателен. В эти годы в колонизацию Канады включилась и церковь. В 1614 г. в Новой Франции появились первые миссионеры — францисканцы-реколлеты, а в 1625 г. иезуиты, намеревавшиеся обратить индейцев в христианство. Шамплен, формально считавшийся королевским наместником Новой Франции, был главным образом занят улаживанием распрей между торговцами, строительством новых укреплений и прокладыванием новых путей в глубь континента к выгодам тех же мехоторговцев. Но самое главное, что беспокоило французских колонизаторов,— это отношения с коренным населением.

На фактическом ограблении индейцев строилась вся мехоторговля, они снабжали европейцев продовольствием, без их содействия невозможно было расширять границы владений. Единственным методом, с помощью которого малочисленные французы могли установить необходимый контроль над аборигенами, был испытанный метод колонизаторов «разделяй и властвуй». В 1622 г. Шамплен вмешался в выборы вождя племени монтаней и добился избрания своего ставленника, официально признанного французами и награжденного за уступчивость мечом. «Тем самым мы показали другим туземцам, что если в будущем они захотят выбирать вождя, то это будет сделано лишь с согласия французов»,— писал Шамплен с нескрываемым удовлетворением. Затем французы «начнут устанавливать свое правление над ними и будут более способны обратить их в нашу веру» [14].

К западу от монтаней, в долине реки Оттавы, жили алгонкины, занимавшие важные стратегические позиции

на водных путях. С ними у французов установились, хотя и прохладные, но не враждебные отношения, поскольку алгонкинам, как и монтаням, торговые посты европейцев на реке Св. Лаврентия обеспечивали возможность получения некоторых промышленных изделий.

Очень хотелось французам подчинить себе племя гуронов — подлинных хозяев района Великих озер, отличных охотников и поставщиков лучшей пушнины. Чтобы не допустить союза гуронов с ирокезами, жившими к югу от озера Онтарио, а также установления ими контактов с голландскими или английскими торговцами, французы с 1610 г. стали постоянно держать среди гуронов своих агентов — «интерпретерс», которые должны были убеждать гуронов каждую весну отправляться с мехами вниз по реке Св. Лаврентия. Так, знаменитый «лесной бродяга» — «белый гурон» Этьен Брюле получал ежегодно 100 золотых монет за то, что «заставлял туземцев приезжать торговать». Однако недостойное обращение французов с индейцами мало что дало для укрепления их союза, а вызвало лишь неприязнь гуронов к европейцам и их вере. Опасаясь, что гуроны объединятся с ирокезами, французы отправляли специальные «миссии дружбы», в которые входили вместе с мирянами монахи — реколлеты и иезуиты. С гуронами французы на протяжении всего первого периода колонизации находились в состоянии «малой войны», начало которой, как мы знаем, положил сам же Шамплен. Не было мира и с племенем могауков, которое постоянно враждовало с монтанями.

Следует отметить, что французы, заинтересованные в индейцах как поставщиках пушнины, отличались несколько большей терпимостью по отношению к ним, чем английские колонизаторы. Однако уже в начальный период сказалось пагубное влияние европейской колонизации на индейцев. «Туземцы удивлены и часто жалуются,— писал один из французских миссионеров,— что с тех пор, как среди них появились французы и начали с ними торговать, многие из индейцев умирают, и их население уменьшается» [15].

В 1627 г. на территории района Пор-Руаяль возникло первое английское поселение, названное Новой Шотландией. Создание английской колонии на подступах к долине реки Св. Лаврентия было прямой угрозой на пути укрепления позиций французов в Канаде. В Новой Фран-

ции в это время все население составляло 107 человек, а в соседних английских и голландских колониях — уже около 3 тыс. Чтобы показать готовность Франции отстаивать свои интересы, кардинал Ришельё подписал в 1627 г. акт об организации Компании Новой Франции с капиталом 300 тыс. ливров и с правом владеть территорией от Флориды до Полярного круга и от Ньюфаундленда до Великих озер. Все владение могло быть поделено на сеньории. Совладельцы получали монополию на торговлю сроком на 15 лет. В свою очередь, компания обязывалась до 1643 г. поселить в Канаде 4 тыс. колонистов.

Снаряженные компанией корабли еще не успели покинуть родные берега, как между Францией и Англией вспыхнул военный конфликт. Дело в том, что в Лондоне также была создана коммерческая компания с целью овладения ключевыми постами в Новой Франции и установления английского контроля над ее торговлей. В 1628 г. корабли этой компании заняли ряд портов в устье реки Св. Лаврентия и захватили посланные из Франции корабли. В 1629 г. англичане вынудили эвакуироваться гарнизон Квебека и взяли в плен Шамплена. Одновременно они изгнали французов и из Акадии. Однако по заключенному между двумя странами в 1632 г. мирному договору Англия возвратила Франции ее владения в долине реки Св. Лаврентия — Новую Францию — и Акадию. Компания Новой Франции, хотя и понесла огромные убытки, не отказалась от своих планов колонизации Канады.

В 1633 г. 200 французов на трех кораблях, принадлежавших компании, снова взяли курс на Квебек. В Канаду возвратился уже ее губернатором и престарелый Шамплен (два года спустя он умер в Монреале). Начался иной период в ранней истории Канады — период формирования колониального строя.

Глава 3

НОВАЯ ФРАНЦИЯ

Поселенцы, миссионеры и ирокезы

Вытеснив англичан, французы прежде всего поделили территорию Акадии на несколько крупных феодальных доменов, принадлежавших лицам дворянского происхождения. Однако феодальные права и монополия на торговлю ничего не принесли последним, кроме долгов. Владельцы доменов враждовали между собой. Этим воспользовалась Компания Новой Франции и прибрала к своим рукам Кейп-Бретон. Вот тут на сцене снова появилась Англия. Посланный Кромвелем капитан Роберт Седжвик, невзирая на то, что Англия и Франция пребывали в мире, в 1654 г. захватил главные центры французов в Акадии, в том числе Пор-Руаяль.

В долине реки Св. Лаврентия, в Новой Франции, главным сеньором стала Компания Новой Франции, которая с 1633 г. приступила к раздаче феодальных пожалований в районе Квебека, Труа-Ривьера, Монреаля, где на протяжении 200 миль проживало всего около 200 человек. При таком положении земледельческая колонизация страны по-прежнему оставалась нереальной, да и французская колониальная администрация, получавшая главные доходы от скупки пушнины, в ней не была заинтересована.

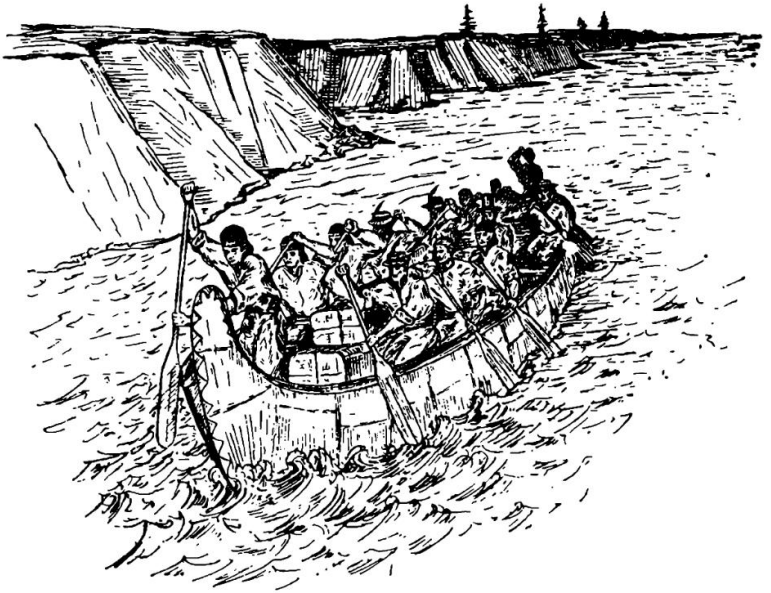
То, что всем на значительной территории Канады распоряжалась компания, штаб-квартира которой находилась в Париже, вызвало недовольство группы лиц, получивших здесь земли, но, из-за отсутствия переселенцев, не имевших возможности воспользоваться своими феодальными правами. Существовавшие ограничения препятствовали занятиям многих поселенцев пушным бизнесом. По их настоянию в 1645 г. компания уступила свою монополию на мехоторговлю колонии, правда, не всем колонистам, а специально созданной Компании поселенцев, т. е. не-

большой группе наиболее состоятельных лиц — практически складывавшейся верхушке колониального общества в Канаде. Однако за акционерами компании остались все права на владение собственностью в Новой Франции, только они могли жаловать сеньории, выбирать губернатора и вершить суд.

Губернатор колонии сразу же издал указ, запрещавший отдельным лицам заниматься скупкой бобровых шкурок и других мехов у индейцев. Это вызвало недовольство простых колонистов, и в 1646 г. создалась взрывоопасная ситуация. Среди обвинений, выдвинутых поселенцами против компании, фигурировали и обвинения в слишком роскошном образе жизни, который вели ее хозяева. «Сильному раздражению, разговорам и недовольству» положил конец губернатор, расправившись с лидерами оппозиции.

В 1647 г. новые королевские инструкции разрешили всем поселенцам торговать с индейцами при условии сдачи пушнины на склады компании по ценам, установленным администрацией колонии. В соответствии со следующим эдиктом 1648 г. была оформлена колониальная администрация — Совет, куда вошли генерал-губернатор, глава иезуитской миссии, губернаторы Труа-Ривьера, Монреаля, бывший генерал-губернатор и два избранных Советом представителя от населения (самые состоятельные люди из руководства Компании поселенцев). Административными лицами на местах являлись своего рода городские старосты — синдики, которых должны были выбирать поселенцы, но на самом деле их выбирали в своем узком кругу наиболее влиятельные лица колонии. Так, в Труа-Ривьере в выборах участвовало 15 человек, а в Квебеке — 20.

Едва Новая Франция стала набирать силы (в 1646 г. Компания поселенцев отправила во Францию бобровых шкурок на довольно крупную сумму — 320 тыс. ливров), как на смену мирному времени снова пришло время войны. Долго теснимые европейцами и их индейскими союзниками ирокезские племена выступили против племен долины реки Св. Лаврентия. Ирокезы были недовольны тем, что торговый союз гуронов, алгонкинов и монтаней с французами закрыл им доступ на рынок бассейна реки Св. Лаврентия, а связи могикан, а затем могауков с голландцами не позволили им подступиться к рынку бас-



«Лесные бродяги» — трапперы, отправившиеся за пушниной

сейна реки Гудзон. Желая направить гнев ирокезов против гуронов и французов и тем самым ослабить своих конкурентов, голландцы снабдили ирокезов теми же аркебузами, из которых в них стрелял Шамплен еще в начале века.

В 1647 г. ирокезы ступили на тропу войны. Пути из Труа-Ривьера и Монреаля в страну гуронов были перерезаны, и вся система пушного бизнеса оказалась парализованной. Несмотря на помощь со стороны французов, гуроны потерпели поражение. К 1651 г. ирокезы разрушили все поселки гуронов в районе Великих озер, вынудив остатки их племени перебраться вместе с уцелевшими иезуитами-миссионерами поближе к Монреалю и Квебеку. Затем ирокезы стали хозяевами долин рек Оттавы и Сен-Морис, перерезав еще ряд важнейших торговых путей, по которым к европейцам шли меха. Среди жителей Новой Франции поселился страх за свою судьбу и судьбу всей колонии.

Немногочисленные французские поселенцы попытались заключить союз с колонистами Новой Англии для

ведения войны против ирокезов, но не получили поддержки. Англичанам было выгодно, чтобы пушные склады Компании поселенцев пустовали. К 1653 г. Новая Франция находилась на грани краха. Лишь с помощью иезуитских миссионеров французам, наконец, удалось наладить отношения с ирокезами.

На установление новых контактов с индейцами и поиски мехов в канадские леса устремились поселенцы, прозванные «лесными бродягами». «Все наши молодые французы намерены идти торговать и искать разбросанные повсюду племена в надежде вернуться с полным грузом бобровых шкурок» [1],— писал один из современников.

Мир с ирокезами оказался непрочным, и в 1657 г. Новая Франция вновь была в состоянии войны с индейцами. С этого времени она скорее напоминала осажденный лагерь, а не процветающую переселенческую колонию. Снова мехоторговля пришла в упадок настолько, что Компании поселенцев не оставалось ничего другого, как искать покровительства у акционеров Компании Новой Франции, сохранявших феодальные права на территорию. Лишь отдельным отчаянным «лесным бродягам» удавалось прорываться через засады ирокезов, пробираться в глубь лесов и на месте скупать пушнину. Двое из них. Радиссон и Гроссейер, в 1659—1660 гг. добрались почти до верховьев реки Миссисипи, обследовав район, расположенный к югу и западу от озера Верхнее. В Монреаль их капоэ доставили мехов на 200 тыс. ливров.

Монопольные действия Компании поселенцев, которая только одна имела право продавать в колонии товары и скупать меха, вызвали недовольство мелких торговцев. Иезуитские хроникеры сообщали даже о существовании «измены» и о том, что один из торговцев был арестован, а его собственность была конфискована. Погоня за пушниной, спаивание индейцев, приводившее к их физическому истреблению, не устраивали дворян-землевладельцев и духовенство. Первые были прежде всего заинтересованы в заселении своих сеньорий и феодальной эксплуатации крестьян. Вторые стремились к увеличению паствы за счет обращения индейцев в христианство для того, чтобы собирать с них «дары» в пользу церкви, а свои миссии сделать церковным вариантом феодального поместья.

Инициатором новой реформы колониального устройства Новой Франции стало духовенство. Прибывший в 1659 г. в Квебек глава католической церкви епископ Лаваль вступил в конфликт с местной колониальной администрацией и иезуитами, действовавшими заодно с заправилами Компании поселенцев. Бесконечные внутренние распри, постоянные жалобы в Париж, общее неудовлетворительное состояние дел в колонии вынудили молодого французского короля Людовика XIV и его министра Кольбера произвести коренную реорганизацию.

Компания Новой Франции передала все свои сеньориальные права на Канаду королю, и Новая Франция была объявлена королевской провинцией. Население колонии к этому времени составляло около 3 тыс. человек.

Королевская администрация Людовика XIV

С того момента, как в мае 1663 г. Канада стала королевской провинцией, ее судьба перешла в руки министра финансов Кольбера — настойчивого поборника возрождения величия Франции на основе экономического могущества и развития торговли. В его политике колониальным владениям отводилась важная роль — приносить доходы и потреблять производимые в метрополии продукты. В сентябре 1663 г. в Квебек приехали новый губернатор и 159 законтрактованных работников (60 умерли во время плавания через океан).

В новый Королевский совет вошли несколько человек из числа приближенных к епископу Лавалю наиболее состоятельных и знатных лендлордов. Один из первых же эдиктов администрации запретил продажу спиртных напитков. Спаивание индейцев к тому времени распространилось уже повсеместно. Некоторые индейцы за бутылку бренди готовы были отдать все свои меха, чем бесстыдно пользовались скупщики пушнины, наживая огромные барыши. Церковь решительно противилась этому: индейцы считали, что под влиянием алкоголя они переносятся в свой собственный божественный мир, и утрачивали над собой контроль. Еще в 1660 г. епископ пригрозил отлучением от церкви тем, кто будет продавать индейцам спиртное. Однако его угрозы возымели малое действие.

Пользуясь своим влиянием, епископ поспешил учредить в Квебеке семинарию для подготовки священников из среды местных жителей и наложил на поселенцев церковную десятину в размере тринадцатой части урожая. Установила администрация также налог на все ввозимые товары (он шел на нужды колониальной администрации). И хотя некоторые канадские историки считают, что жителям колонии нечего было жаловаться на налоги, поскольку их соотечественники на родине находились в худшем положении,— все же при скудных доходах и тяжелых условиях жизни колонистов поборы и налоги являлись для них довольно тяжелым бременем. Для законтрактованных работников были установлены размеры заработной платы, а после трех лет наемного труда им разрешалось осесть на земле. Вскоре реформаторская деятельность властей прекратилась из-за распрей между церковью и королевской администрацией: та и другая претендовали на верховенство. Епископ оказался сильнее губернатора, и последний был отозван Парижем. Он не успел отслужить своего трехлетнего срока.

В 1665 г. в Квебек приехал королевский управляющий — интендант Жан Талон. Этот выученик иезуитов стал одним из наиболее способных администраторов в истории Новой Франции. Одновременно в колонию король прислал тысячу солдат и офицеров, 400 законтрактованных работников, группу молодых женщин и несколько лошадей, которых местные индейцы, увидев впервые, прозвали «французскими лосями» [2].

Солдаты сразу же приступили к строительству укрепленных фортов вдоль границ поселений и особенно вдоль реки Ришельё. Отсюда было удобнее всего вести военные кампании против ирокезов. Эти же укрепления служили для отражения попыток голландцев и англичан занять французские колониальные владения. Когда обнаружилось, что среди солдат и офицеров есть несколько протестантов — гугенотов, церковь и гражданские власти сделали все возможное для обращения их в католичество. Дело в том, что гугенотам еще со времен кардинала Ришельё запрещалось селиться в Канаде. Власти опасались, что гугеноты, не раз бывшие на стороне Англии в ходе религиозных войн в Европе, и здесь, в Северной Америке, могут оказаться в союзе с более сильным соседом — английскими колонизаторами. Однако, закрыв для француз-

ских протестантов путь в Канаду, колония лишилась в лице их деловых и предприимчивых представителей недостающих ей людских ресурсов, а также капиталов.

Получив военные подкрепления, французы решили начать военную кампанию против индейцев. Первой жертвой они выбрали могауков. В январе 1666 г. 600 солдат и несколько десятков поселенцев из Монреаля двинулись к деревням могауков. Заплутавшись в лесах, армия вернулась через некоторое время в Квебек, потеряв 60 человек, замерзших и умерших от болезней и голода, и несколько человек, убитых индейскими стрелами в стычке с группой охотившихся индейцев.

Следующий поход французы предприняли против ирокезов, несмотря на то, что от ирокезов поступило предложение о перемирии. Разрушив несколько деревень и объявив земли индейцев королевскими владениями, колонизаторы заставили Союз пяти ирокезских племен согласиться с теми условиями мира, которые выдвинули они.

Не рассчитывая на длительное мирное сосуществование с коренными жителями, колонизаторы всячески старались разжигать вражду между племенами и держать их в состоянии страха. Так, в 1670 г. губернатор Новой Франции Курсель на вооруженном судне проплыл по озеру Онтарио, желая показать ирокезам, что залпы французских пушек и ружей могут достичь и этих далеких мест.

Во времена Талона в Новой Франции сложилась та социально-экономическая и политическая структура, которая просуществовала с некоторыми изменениями до конца французского господства в Канаде.

Верховная власть в колонии принадлежала королю. Все важнейшие решения относительно судеб колониального владения принимались в Париже. Однако при огромных расстояниях (обмен посланиями занимал почти год) и оторванности Канады от метрополии местные власти оказывались фактически бесконтрольными и полновластными.

Важнейший пост в колониальной администрации занимал губернатор. Это был всегда дворянин и военный. Он представлял короля, и его действия не подлежали обсуждению. Он мог в любой момент отменить решения, принятые интендантом, судебными властями и прочими чиновниками, касающиеся внутренних вопросов. Главной

заботой губернатора являлись оборона колонии и налаживание отношений с индейцами.

Второй по значению была в колонии должность интенданта, ответственного за гражданскую администрацию колонии, отправление правосудия и финансы, а также за хозяйственные дела. Интенданту предписывалось поощрять деятельность поселенцев по расчистке новых земель, разведению скота, освоению новых культур. В королевских инструкциях Жана Талона говорилось, что он обязан всеми способами «содействовать поселенцам в их занятиях торговлей и коммерцией, ибо только они могут принести достаток в колонии и способствовать семейному процветанию» [3].

Королевский совет, куда входила верхушка колониальной администрации, епископ и пять назначаемых членов, превратился по сути дела в совещательный орган при губернаторе и исполнял функции высшего судебного органа.

На территории колонии действовало французское феодальное право. Правосудие на местах отправлялось судьями, прокурорами и приставами. Приговоры нередко выносились очень суровые, вплоть до четвертования и смертной казни.

В 1669 г. была создана ополченческая милиционная служба для всех физически здоровых мужчин. В каждом округе (дистрикте) главой местного ополчения являлся капитан милиции, который, наряду с сеньором, нередко единственный представлял колониальную власть на местах. Он следил за соблюдением законов и указов, выполнением различных повинностей, как, например, работ по строительству и ремонту дорог и мостов.

Подавляющая масса населения не пользовалась никакими политическими правами. Постепенно были уничтожены даже выборные должности синдиков. В 1673 г. Кольбер сообщил губернатору Фронтенаку, что, «как только колония станет сильнее, чем в настоящее время, необходимо будет потихоньку упразднить синдиков, которые представляют запросы от имени всех абитанов (крестьян.— *В. Т.*). Лучше, если каждый человек будет говорить за себя, чем один будет говорить за всех» [4].

Основные усилия метрополия сосредоточила на хозяйственном развитии Новой Франции. Кольберу хотелось сделать колонию менее зависимой (вернее, менее обременительной для метрополии) в военном и экономическом

отношении. В инструкциях Талона говорилось, что одной из настоятельнейших потребностей Канады является установление там мануфактур и привлечение ремесленников, которые бы производили предметы повседневной необходимости. Не в меньшей мере беспокоился Кольбер и о том, чтобы колония служила рынком для производимых в метрополии промышленных товаров, а также поставляла во Францию, кроме мехов, продукты рыболовства, лесодобычи, уголь с Кейп-Бретона и т. д.

Для осуществления этих планов требовались прежде всего капитал и рабочая сила. Королевские власти поощряли эмиграцию в Канаду людей, которые могли бы работать по найму или же нести там военную службу. Они посылали туда партии молодых девушек, которых прозвали «королевскими невестами». Между прочим, местным холостякам запрещалось охотиться, ловить рыбу или заниматься скупкой пушнины до тех пор, пока они не женятся. Власти и церковь всячески поощряли ранние браки и многодетные семьи. В результате население колонии стало расти довольно быстро. В 1676 г. в Канаде проживало около 10 тыс. человек.

Королевский двор в меру своих возможностей пытался способствовать развитию таких отраслей колониальной экономики, как, например, рыболовство, судостроение (в 1672 г. в Квебеке началось строительство первого военного судна), рудное дело, добыча древесины, кожевенно-обувное, шляпное и портновское производство и т. п. В первые годы после установления своего господства французская корона вложила около 1 млн. ливров в колониальную промышленность и торговлю. Но успехи оказались менее чем скромными. Как отметил канадский историк У. Эклис, «Кольбер стремился заставить колониальную экономику бегать, прежде чем она научилась ходить, да и сам характер французского общества не был приспособлен для достижения этих целей» [5].

Препятствием на пути экономического развития колонии являлась прежде всего экономическая отсталость самой метрополии ввиду существования в ней феодально-абсолютистского строя. Экономические ресурсы феодальной Франции были ограниченны, а ценностные приоритеты господствующего класса — дворянства не были ориентированы на деловую деятельность. Честолюбивым мечтам двора о процветающей экономике в колонии не дано

было осуществиться. Основным занятием колонистов стали сельское хозяйство и пушная торговля. Это и определило характер развития колонии на многие годы.

Сеньориальный строй и пушная торговля

Во второй половине XVII в. почти вся земля по обе стороны реки Св. Лаврентия от Квебека до Монреаля была расчищена и заселена. Осваивалась также и долина реки Ришельё. Река Св. Лаврентия являлась главной жизненной артерией колонии. Естественно, что земельные пожалования делались так, чтобы участки выходили к воде. По мере роста населения и увеличения числа наделов эти участки все чаще принимали форму длинных полосок, идущих от реки в глубь леса. Дома поселенцев стояли ближе к реке, берега которой стали напоминать деревенскую улицу, протянувшуюся на десятки и даже сотни километров.

Окончательно сложившийся во второй половине XVII в. в Канаде сеньориальный строй существовал почти 200 лет без особых изменений и составлял основу общественных отношений колониального общества времен французского господства. Верховным собственником всех земель считалась французская корона. От имени короля в колонии производились пожалования поместий сеньорам, которые, в свою очередь, селили на этих землях на принципе феодальной зависимости крестьян-цензитариев (абитанов). Обязанности сеньора по отношению к королю заключались главным образом в принесении присяги на верность.

Размеры феодальных владений были огромными: по нескольку тысяч и даже десятков тысяч арпанов земли (арпан равен около 0,5 га). Лишь после 1667 г. власти старались не жаловать слишком крупных поместий, дабы не допустить чрезмерного усиления отдельных лендлордов. Помещичьи запашки были очень небольшими, а иногда вообще отсутствовали, поскольку некоторые лендлорды проживали не в колонии, а в метрополии. Средний размер участков абитанов был небольшим и по мере роста населения постоянно уменьшался.

Социальный статус сеньора был чрезвычайно высок. Сеньор принадлежал к элите колониального общества,

хотя некоторые канадские историки с умилением пишут, что сеньорам наравне с абитанами приходилось выполнять такие повинности, как корве (принудительные работы), и что те и другие имели «свои права и свои обязанности» [6]. На самом деле между сеньорами и крестьянами существовала глубокая социальная пропасть, хотя, может быть, канадские сеньоры, не будучи наследственными аристократами, не жили в такой роскоши и довольстве, как их собратья по классу в метрополии.

Каждый год 1 мая абитаны приносили к порогу дома сеньора оброк — обычно разную живность и какие-нибудь продукты. Кроме этого, существовало множество других крупных и мелких феодальных платежей и повинностей. За владение землей платилась рента, обычно по ливру за каждый арпан, выходящий к воде. Любая покупка земли сопровождалась уплатой сеньору одной двенадцатой ее стоимости. Каждый сеньор мог устанавливать свой корве. Однако масштабы его, учитывая отсутствие крупных помещичьих запашек, были сравнительно небольшими, как правило, абитан бесплатно работал на лендлорда по нескольку дней в году. Крестьяне платили за право пользования помещичьей мельницей, отдавали десятую часть пойманной рыбы.

Этот далеко не полный перечень феодальных повинностей говорит о том, что они представляли собой нелегкое бремя. Их сравнительно меньшая тяжесть, чем в метрополии, объяснялась не каким-то особым гуманным и пасторальным характером сеньориального строя в колонии, а местными специфическими условиями. Крестьянин мог в любой момент бросить землю и своего сеньора и поселиться в другом месте. Феодалу приходилось считаться и с тем, что вооруженный крестьянин мог защитить его от нападения индейцев. Кроме того, на всю систему феодальных отношений в Канаде оказывала влияние мехоторговля — основа колониальной экономики. Скупка пушнины являлась более прибыльным делом, чем обработка земли. По этой причине крестьяне часто забрасывали свои участки и становились охотниками.

Таким образом, хотя общественные отношения в Канаде и выглядели как бы упрощенно-уменьшенным слепком аналогичных отношений в метрополии, феодализм здесь не был точной копией французского абсолютизма, поскольку вся феодальная система складывалась в соот-

ветствии с интересами торговли. Сам факт возникновения колонии — это результат торговой экспансии Франции. Торговля сохранила свое первостепенное значение и на протяжении всего периода французского господства на Американском континенте, поскольку метрополия не имела возможности создать за океаном какую-либо другую более прочную экономическую базу.

Пушному бизнесу в Канаде благоприятствовали и некоторые внешние факторы. В канадских лесах проживали многочисленные охотничьи племена индейцев — главных поставщиков «мягкого золота». Река Св. Лаврентия представляла собой идеальную торговую магистраль в глубь Североамериканского континента. Немалую роль играл и тот факт, что аристократическая Франция всегда была благодатным рынком для ценной канадской пушнины. Все это привело к тому, что попытка Франции создать разноотраслевую колониальную экономику, придать ей более самостоятельный характер, не забывая об интересах метрополии, закончилась ничем. Шкурка бобра победила королевских кардиналов, губернаторов и интендантов.

С пушной торговлей в Канаде в тех условиях не могли соперничать никакие другие формы деловой активности. Выяснилось, что строительство судов в Квебеке — дорогостоящее занятие, поскольку, помимо леса, требовалось еще ввозить из-за океана металл или же налаживать его производство на месте. Веревки, свитые из конопли, выращенной абитанами, обходились не дешевле голландских. Для выловленной у канадских берегов рыбы нужна была недешевая по тем временам соль, да и доставка рыбы на далекий европейский рынок делала рыболовство неприбыльным. Для пушной же торговли хватало берестяного каноэ, чтобы погрузить товары, а затем меха, набора нехитрых предметов: ружей, ножей, топориков, горшков, чайников, одеял, яркой материи, побрякушек в виде стеклянных бус и, наконец, но далеко не в последнюю очередь, бренди. К тому же на пушной промысел не затрачивался такой тяжелый труд, как, например, на расчистку лесов для сельскохозяйственных угодий (чтобы расчистить арпан земли, человеку приходилось работать почти год). Немного смелости, знание местности, а самое главное — бесцеремонность в обращении с туземцами обеспечивали успех.

В первые годы индейцы вообще сами доставляли меха в Монреаль. На обменные торги, которые устраивались там ежегодно ранней весной, прибывало по 400—600 индейских каноэ с ценным грузом. Возможностью обменять за бесценок меха у индейцев и получить легкую прибыль не гнушался никто из жителей колонии. На торгах, которые открывал губернатор, обращаясь к индейцам как отец к своим детям и лицемерно напоминая о привалившем им счастье иметь дело с подданными короля Франции, присутствовали не только купцы, мелкие торговцы и абитаны. Немалое количество товаров попадало в руки сеньоров, колониальных чиновников и служителей церкви.

Оптовые торговцы скупали пушнину на месте и отправляли большими партиями за океан, получая за это свою долю прибыли. Стоимость награбленной пушнины постоянно росла, независимо от рыночных колебаний цен на меха и причуд европейской моды. В 1667 г. из Канады было вывезено во Францию мехов на 550 тыс. ливров.

Канада, таким образом, превращалась в торгово-посредническую колонию. Причем и на месте за посреднические функции разгоралась борьба. Конкурируя между собой в погоне за пушниной, французы сами двинулись в леса, сооружая рядом с иезуитскими миссиями торговые фактории (иногда это было одно и то же) и выменивая меха на месте.

Ежегодно по канадским рекам и охотничьим тропам отправлялись сотни, а нередко и тысячи мелких скупщиков пушнины. Это было далеко не мирное наступление. «Лесные бродяги» подчас оказывались вовлеченными в ими же разжигаемые конфликты между племенами и становились неплохими мастерами по части снятия скальпов. Один из колониальных чиновников сокрушенно писал по этому поводу министру Кольберу: «Эти своевольные люди — просто неженатые бродяги, не желающие работать на расчистке земли, что должно быть главной задачей добропорядочного колониста. Из-за своего безнравственного и беспутного образа жизни они учиняют бесчисленные беспорядки. Живя подобно индейцам, они уходят за 12—15 сотен миль от Квебека скупать меха, которые индейцы сами бы доставили к нашим поселениям. Их распущенность и желание получить для себя любыми путями прибыль ведут к подлостям и оскорблениям, которые раз-

рушают среди индейцев добрые представления о нашей нации»[7].

Как мы помним, колониальные власти в интересах сеньоров и церкви пытались неоднократно наложить запреты на занятия скупкой пушнины простых поселенцев — абитанов. Многочисленные эдикты, аресты «лесных бродяг» и конфискация контрабандных товаров не могли, однако, исправить положение. Дело тут было не столько в бессилии властей, сколько в их нежелании ограничить мехоторговлю. Ведь колониальные власти сами оказались причастными к доходному бизнесу и не желали отдавать его на откуп частному торговому капиталу. Губернатор Фронтенак приступил к сооружению системы укрепленных фортов в районе Великих озер, где промыслом ценных зверьков занимались непокорные ирокезы, только потому, что обмен товарами в этих местах сулил принести доход в 1 млн. ливров и сразу же окупить расходы короны на содержание колонии.

Деспотичный Фронтенак и его окружение прибрали пушной бизнес к своим рукам, использовав в этих целях армию и власть над поселенцами. В 1673 г. губернатор отдал приказ жителям Монреаля и его окрестностей поставить по корве 120 каноэ и 400 абитанов для сооружения торговой фактории на озере Онтарио. Это вызвало недовольство не только рядовых поселенцев, но и крупных монреальских мехоторговцев. Приход людей губернатора в район Онтарио грозил подорвать их дела на территории к западу от Монреаля. Губернатор Монреаля Перро, который сам беззастенчиво использовал свое положение для личного обогащения и в свое время получил в феодальное владение целый остров под торговую факторию, возглавил оппозицию генерал-губернатору. В колонии разгорелась острая политическая борьба среди двух группировок колониальной верхушки. С одной стороны выступали богатейшие купцы Монреаля, с другой — группа крупного буржуа из Руана, пожалованного в дворянство, де Ла Саля, за спиной которого стоял сам генерал-губернатор.

В этой конкурентной борьбе больше шансов на успех было у тех, кто сумел подальше продвинуть свои торговые посты и захватить важнейшие пути, по которым поступала пушнина. По этой простой причине колониальные власти добились санкции Парижа на организацию

новых экспедиций по освоению континента. Метрополию прельщала возможность тем самым расширить свои колониальные владения. К тому же существовала реальная опасность, что в погоне за новыми землями и богатствами Францию на континенте могут опередить англичане и испанцы.

К 80-м годам XVII в. маршруты «лесных бродяг» проходили уже к западу от озера Верхнее вплоть до озера Виннипег, где жили индейские племена ассинибойя. Но больше всего колонизаторов манил еще неизведанный район к югу от Великих озер. Здесь, по рассказам индейцев, текла «прекрасная река к громадному озеру». Речь шла об «отце вод» — реке Миссисипи

Первым среди французов в верховьях Миссисипи побывал в 1639 г. Жан Николе — торговый агент, проживший в лесах среди индейцев около 20 лет. Достоверно известно, что он от озера Мичиган поднялся по реке Фокс, волоком перебрался через ее верховья и вышел на реку Висконсин. Это был путь, ведший к Миссисипи. В 1669 г. маршрут Николе повторил видный иезуит отец Аллуэ, в записях которого мы впервые встречаем название «Мессипи». В 1672 г. Фронтенак направляет «на поиски южного моря» и исследование «великой реки Миссисипи, которая, как полагают, вливается в Калифорнийское море», отряд во главе с выучеником иезуитов и заправским «лесным бродягой» Луи Жолье. По заведенному у французов обычаю в экспедиции принял участие иезуитский миссионер — отец Жан Маркетт, оставивший записки об этом походе. Жолье и Маркетт достигли Миссисипи в июне 1673 г. и проплыли от Висконсина до Арканзаса.

Наиболее крупные успехи Франции в приобретении новых территорий и расширении географии пушной торговли в Канаде связаны с именем Робера Кавелье де Ла Саля. Об этой личности, как, кстати, и о многих других «лесных бродягах» и миссионерах-путешественниках, написано много приукрашенно-романтических увлекательных историй [8]. К сожалению, мало написано о том, какие мотивы управляли действиями этих людей, кто стоял за их спиной, сколько бед они принесли подлинным хозяевам континента, его коренным жителям — индейцам!

По прибытии в Канаду Ла Саль получил от губернатора на правах сеньориального владения форт Фронтенак

на озере Онтарио и окружающие его земли. Однако Ла Саль не собирался расчищать землю и селить на ней абитанов, как того требовали условия феодального пожалования. Его интересовала только скупка мехов у индейцев. И тут Ла Саля поддержал губернатор колонии, который ежегодно стал направлять во Фронтенак дюжины каноэ, груженные товарами для торговли с ирокезами.

Фронтенак, Ла Саль и их помощники захватили теперь монополию на пушную торговлю в районе озера Онтарио, построив без ведома метрополии еще один форт на реке Ниагара. Под их контролем в результате оказались не только ирокезы, но и племена, обитавшие к западу и северу, которые до этого поставляли меха монреальским торговцам. Чтобы не выпустить из рук всю западную мехоторговлю, монреальские торговцы создали в той местности, где проживали племена оттава, постоянную базу Мичилимакинака, которая подчиняла себе все северо-западные торговые пути.

В 1678 г. Ла Саль добился в Париже официальной санкции на освоение долины реки Миссисипи и строительство в новых землях фортов на тех же правах феодального держания, на которых он получил форт Фронтенак. Фактически он приобрел монополию на скупку пушнины в области к юго-западу от Великих озер. Как справедливо отмечает канадский историк У. Эклис, «для Ла Саля и Фронтенака открытие устья реки Миссисипи было не целью, а средством распространить мехоторговлю на половину континента» [9].

Ла Саль со своими помощниками, наемными мелкими «лесными бродягами» и солдатами, построил ряд фортов в верхнем и среднем течении Миссисипи вплоть до слияния ее с рекой Огайо. Его заветным желанием было проложить торговый путь из устья Миссисипи через Карибское море во Францию и создать тем самым независимую меховую империю в глубине континента. С разрешения Фронтенака Ла Саль запретил кому-либо торговать в контролируемых им районах. У тех из «лесных бродяг», кто появлялся южнее Великих озер, товары конфисковывались.

В 1682 г. Ла Саль основал на реке Миссисипи форт Сан-Луи, а в 1684 г. стал создавать опорные пункты в устье Миссисипи. Однако осуществить все замыслы предприимчивому колонизатору не удалось. В 1687 г. он был

убит своими спутниками по экспедиции во время путешествия в районе Техаса.

Увеличение масштабов пушного бизнеса за счет включения в сферу торговли новых областей, удлинение торговых путей и необходимость содержания и охраны торговых постов и фортов требовали больших затрат, которые были теперь под силу лишь самым крупным буржуа или компаниям. Одиночки — «лесные бродяги» не могли уже больше выдерживать конкуренции и оказались выброшенными из сферы пушной торговли. Им теперь отводилась роль наемной рабочей силы — они перевозили партии мехов, принадлежавших толстосумам. Время легких удач кончилось. К тому же власти метрополии издали в 1681 г. указ о введении в колонии системы лицензий на право скупки пушнины. Таких лицензий губернатор с интендантом могли выдавать в год не более 25. Фактически же вся меховая торговля колонии сосредоточилась в руках трех-четырех влиятельных семей.

Монополизация основной отрасли колониальной экономики была выгодна не только господствующему классу метрополии, но и всему государству в целом. Во второй половине XVII в. мехоторговля в Канаде стала приносить Франции ощутимые прибыли. Например, только за предоставление монополии на скупку бобровых шкурок к северу от реки Св. Лаврентия корона с 1685 г. ежегодно получала 500 млн. ливров, что с лихвой покрывало все ее расходы на содержание в колонии администрации и войска. Не меньшие капиталы наживали и крупные торговцы, оптом скупавшие пушнину в колонии и сбывавшие ее на европейском рынке. Главными объектами колониальной эксплуатации были безжалостно ограбляемые индейцы и угнетаемая масса простых поселенцев-колонистов.

К концу XVII в. из Канады вывозилось мехов уже в 2 раза больше, чем мог потребить рынок Франции. Канадские бобровые шкурки заполнили пушные рынки других европейских стран. Этот напор особенно остро ощущали англичане, не менее планомерно осуществлявшие наступление на Североамериканский континент. Предвестником будущей беспощадной борьбы великих держав за Канаду стал вызов, брошенный французской колониальной империи английской Компанией Гудзонова залива.

Возникла эта старейшая компания (она существует и поныне) в 1668 г., когда группа лондонских купцов снарядила экспедицию в район Гудзонова залива, открытый англичанином Генри Гудзоном еще в 1610 г., для того, чтобы найти путь в Индию и Китай. Патроном экспедиции был брат короля Карла II принц Руперт, проводниками ее стали перешедшие к англичанам известные скупщики пушнины французы Радиссон и Гроссейер. После зимовки путешественники вернулись в Лондон на корабле, груженном доверху пушниной, и про первоначальные цели было забыто.

В 1670 г. Карл II пожаловал группе купцов хартию на учреждение Компании авантюристов Англии (слово «авантюрист» в то время означало «первооткрыватель»), торгующих в Гудзоновом заливе. Компания получила право на изыскание прохода в «южные моря» и на торговлю пушниной, минералами и другими товарами, а также право выпускать денежные знаки, собирать налоги, чинить суд, вести войны. Под ее контроль попала и обширная территория на севере континента, которую Франция считала своей.

Первая же посланная французами миссия в район залива, призванная не допустить там утверждения Англии и понудить индейцев торговать только с французами, не добилась успеха, а миссионер отец Элбанел был арестован и выслан в Англию. Так началась в Канаде длительная борьба английских торговцев Гудзонова залива и французских торговцев долины реки Св. Лаврентия, которая закончилась лишь в XIX в.

Глава 4

БОРЬБА ЗА КОНТИНЕНТ

Очередной раунд англо-французского соперничества

«Имею честь сообщить Вам, что Канада столь велика, что я не знаю ее границ на севере — так они отдалены от нас. На юге ничто не может помешать нам водрузить знамя Его величества во Флориде, Новой Швеции, Новой Голландии и Новой Англии, а через первую из них проникнуть в Мексику» [1],— самонадеянно писал интендант Талон министру Кольберу в 1665 г. В те годы французским колонизаторам мерещилось, что весь континент, «во всю его длину и ширину», станет владением Франции.

Политика расширения территорий и утверждения колониального господства Франции в Канаде нашла энергичную поддержку в самой колонии, где к тому времени оформились влиятельные и враждующие между собой группировки местной торговой буржуазии. Грызня из-за доходов от торговли пушниной и из-за политического господства между монреальскими семьями, которые преимущественно обирали племя оттава в северозападных районах Канады, и более тесно связанной с метрополией группировкой губернатора и его фаворитов продолжалась. Не отступились от своих небескорыстных планов создания собственной империи на западных территориях и иезуиты, скрыто, но ожесточенно сопротивлявшиеся экспансии светских дельцов. Все это способствовало дальнейшему проникновению французов в глубь континента через Великие озера и бассейн реки Миссисипи, возникновению конфликтов с индейскими племенами, а в конечном итоге приводило к столкновению с другими колониальными державами, прежде всего с Англией.

Решимость Англии бороться за господство в Северной Америке была обусловлена прежде всего результатами буржуазной революции XVII в. Власть союза земле-

владельцев и купечества закрепила победу нового строя, и в стране относительно быстро начал развиваться промышленный капитализм, породивший более агрессивную и активную колониальную политику.

Первый удар Англия нанесла своему главному сопернику и конкуренту в торговле — Голландии. В результате англо-голландских войн с голландскими колониями в Северной Америке было покончено. В 1664 г. англичане захватили Новую Голландию, создав непрерывную полосу собственных колоний вдоль атлантического побережья — от испанской Флориды до Новой Франции. После образования в 1670 г. Компании Гудзонова залива на севере Новая Франция оказалась зажатой между английскими владениями.

В районе Гудзонова залива англичанам удавалось скупать куда больше бобровых шкурок, чем французам: ведь они могли платить за них дороже, поскольку производство товаров в Англии обходилось значительно дешевле, да и перевозка их через Гудзонов залив и Атлантику тоже.

Уплывающая из рук пушнина заставила монреальских торговцев основать в 1682 г. свою Северную компанию. В 1686 г. монреальские купцы послали военную экспедицию против факторий Компании Гудзонова залива. В результате были захвачены посты в южной части залива.

Одновременно французские колониальные власти в Канаде стремились укрепить уже налаженную экспедицией Ла Саля торговлю с племенем иллинойсов на Западе. Сотрудничество французов и иллинойсов привело к тому, что на иллинойсов напали ирокезы, которые потом начали готовиться к сокрушению и французской колонии. Для устрашения ирокезов экспедиция под командованием губернатора Денонвилля в 1686 г. разгромила селение сенеков. В ответ ирокезы осадили форт Фронтенак, заставив французов оставить его. Летом 1689 г. под покровом ночи ирокезы проникли в окрестности Монреаля и убили несколько десятков жителей, посеяв страх среди колонистов.

Впоследствии ирокезы изменили свою политику, направив усилия на то, чтобы прежде всего обеспечить собственную независимость и право на существование. Во время переговоров с французами один из ирокезских

вождей сказал: «Англичане и французы, не имея на то никакого права, захватили земли, которыми они сейчас владеют, и согнали с них племена, чтобы строить там свои города, деревни, форты» [2]. В 1701 г. ирокезы заключили мир с французами и в течение многих лет старались придерживаться нейтралитета. В период войны за испанское наследство ирокезы отвергли всякие предложения о принесении присяги на верность той или иной стране. Лига ирокезов объявила себя полностью независимой как от англичан, так и от французов.

Дальновидная и по своему мудрая дипломатия ирокезских племен не устраивала колонизаторов. Французские колониальные власти щедрыми подарками (в том числе огнестрельным оружием) стремились укрепить союз с одними племенами, чтобы разжечь их вражду с другими и таким образом расправиться со всеми. Губернатор Водрей с помощью индейцев-союзников провел в 1715 и 1716 гг. карательные экспедиции против ирокезского племени фоксов, разрушив поселения туземцев и убив сотни людей.

В 1728 и 1730 гг. французы еще дважды наносили удары по этому племени и изгнали его с территории Канады навечно.

Настоящая война между Англией и Францией разгорелась на континенте после переворота 1688 г. в Англии. Она послужила сигналом для наступления купцов Новой Англии на своих колониальных соперников на севере и для нанесения новых ударов торговцами Новой Франции по английским постам у Гудзонова залива.

В 1689 г. в Канаду на пост губернатора вернулся Фронтенак. Под его командованием были совершены рейды против пограничных поселений Новой Англии. Для более широких военных действий сил у французов не хватило. К тому же английские колонии, более многочисленные и мощные, организовали в 1690 г. ответную экспедицию против Квебека. Осенью к крепости подошли более 30 кораблей под командованием Уильяма Фипса. Ниже по течению на берег высадился отряд в 1300 человек. Однако канадские ополченцы оказали сопротивление, и экспедиция закончилась безрезультатно.

В 1694 г. французы направили морскую экспедицию Пьера д'Ибервилля в район Гудзонова залива, и она захватила ключевую английскую позицию — форт Йорк.

Разрушительные набеги друг на друга англичане и французы совершали и у берегов Ньюфаундленда. Французы, например, разорили несколько английских поселений на восточном побережье.

В 1697 г. война закончилась Рисвикским миром, не принеся победы ни той, ни другой стороне.

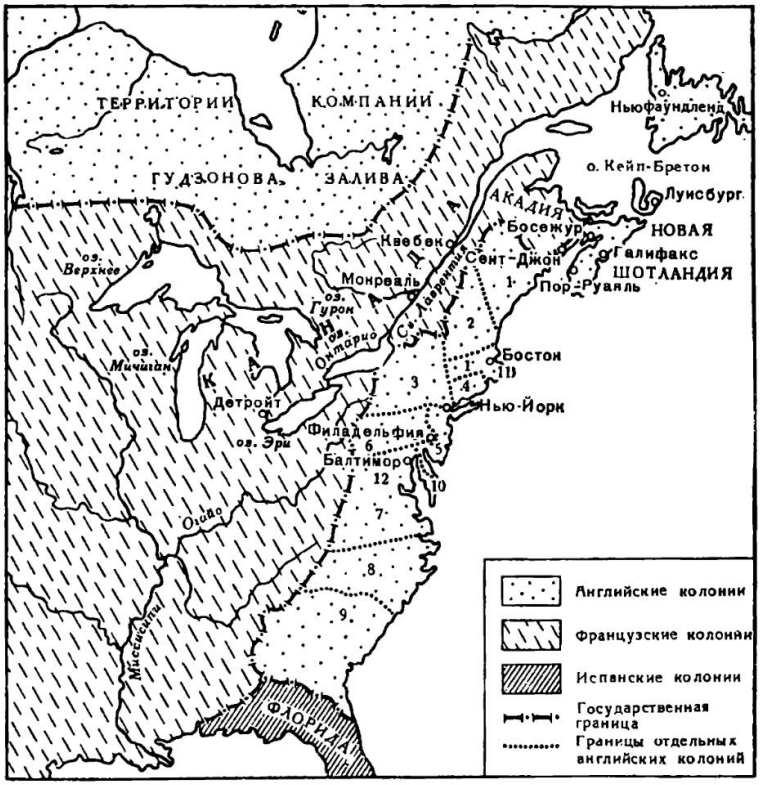
В 1701 г. в Европе династической ссорой между Бурбонами и Габсбургами из-за испанского престола началась новая война, продолжавшаяся до 1713 г. Французы предприняли попытку расширить свою колониальную империю в Америке. Д'Ибервилль совершил несколько налетов на английские укрепленные пункты на Ньюфаундленде и направил морскую экспедицию против англичан в Вест-Индию.

Замысел англичан нанести решающий удар по Квебеку не был осуществлен лишь из-за стечения случайных обстоятельств: английский флот, рассеянный бурей, потерял несколько судов и 700 человек. Однако победа Англии в Европе лишила Францию в Северной Америке Ньюфаундленда, Акадии и всего Гудзонова залива. Эти результаты были оформлены Утрехтским миром 1713 г.

Колония накануне завоевания: «прогресс и кризис»

Потеряв Акадию и Ньюфаундленд, Франция поспешила закрепиться на острове Кейп-Бретон, где была заложена крепость Луисбург и основано поселение Иль-Ройал, жители которого стали заниматься рыболовством, охотой и даже добычей угля. В 1723 г. в Луисбурге насчитывалось уже около 3 тыс. жителей. В 40-х годах XVIII в. колония Иль-Ройал с населением 4 тыс. человек имела торговый оборот около 2,5 млн. ливров, а вылавливаемая там рыба оценивалась в 3 млн. ливров. К середине века население этой части Канады выросло до 7 тыс. человек. Колониальная провинция установила торговые связи не только с метрополией и основными поселениями в долине Св. Лаврентия, но и с Вест-Индией и американскими колонистами. В Иль-Ройале процветали неравноправная торговля с индейцами, коррупция, контрабандный бизнес.

Что касается отобранных Англией у Франции Акадии и Ньюфаундленда, то здесь были установлены власть английской администрации и военный контроль. Заселение



Владения европейских держав в Северной Америке в начале XVIII в.

Английские колонии: 1 — Массачусетс; 2 — Нью-Гэмпшир; 3 — Нью-Йорк; 4 — Коннектикут; 5 — Нью-Джерси; 6 — Пенсильвания; 7 — Вирджиния; 8 — Северная Каролина; 9 — Южная Каролина; 10 — Делавэр; 11 — Род-Айленд; 12 — Мэриленд

и освоение этих территорий новыми хозяевами в первой половине XVIII в. шло медленно.

Утрехтский мир не ослабил решимости французов бороться за лидерство на континенте. Мехоторговцы Новой Франции по-прежнему настойчиво пытались ограничить и подорвать торговлю англичан в Гудзоновом заливе и утвердиться на западных землях. Как отмечает канадский ученый С. Б. Райерсон, «эта экспансионистская политика, тесно связанная с созданием трансконтинентальной пушной империи, требовала организации фантастических по

своей протяженности коммуникационных линий, которые должны были быть в такой же степени торговыми, как и военными. Сооружение и содержание этих коммуникаций при наличии угрозы со стороны индейцев и колониального соперничества англичан делало необходимым создание крепкой и постоянно растущей базы в долине реки Св. Лаврентия» [3].

Действительно, к середине XVIII в. Новая Франция достигла заметных успехов. Но внутренние возможности Канады в условиях зависимости от феодальной Франции оказались практически исчерпанными. Последние полвека французского господства в колонии, которые иногда называют периодом «прогресса и кризиса», примечательны во многих отношениях. Достаточно сказать, что с 1713 г. по 1760 г., когда Новой Францией обладали французы, ее население увеличилось с 18 до 75 тыс. человек. Конечно, по сравнению с Новой Англией, где за тот же срок число колонистов выросло с 350 тыс. до 1,5 млн. человек, все это выглядело незначительным, однако для французской колонии, развивавшейся черепашьими темпами в течение предшествовавших 100 лет, такой скачок был заметным явлением. К середине XVIII в. в трех городах провинции — Квебеке, Монреале и Труа-Ривьере — проживало 13 тыс. человек (в Квебеке 8 тыс.).

В основном прирост населения произошел за счет резкого увеличения рождаемости. Около 15 тыс. человек дала иммиграция из метрополии. Иммигрантами в основном были законтрактованные работники. Колония в эти годы сильно нуждалась в свободных рабочих руках.

По своему характеру она оставалась аграрным поселением. Большинство в Новой Франции составляли сельские жители, занятые обработкой арендуемой земли. В первой половине XVIII в. десятки новых феодальных доменов раскинулись вдоль реки Ришельё, в районе озера Шамплейн и в долине реки Св. Лаврентия. Хотя заселялись сеньории медленно, все же к 40-м годам площадь обрабатываемых земель увеличилась в 4 раза по сравнению с временами Талона, а урожай пшеницы достиг 600—700 тыс. бушелей (бушель равен примерно 36 л) в год. Поголовье рогатого скота составило около 39 тыс.

Поселенцы начали производить сельскохозяйственную продукцию не только для собственных нужд, но и на рынок. Зерно поставлялось разросшимся военным гарнизо-

нам и даже вывозилось в Вест-Индию. Однако феодальная система землепользования препятствовала развитию фермерского, по характеру капиталистического земледелия. В целом сельскохозяйственное производство продолжало носить замкнутый натуральный характер.

В это время в Канаде складываются некоторые новые отрасли промышленности — лесная, судостроительная, металлургическая. Богатые лесные массивы, ценная древесина, потребность в которой испытывали судостроительные верфи Франции, создали необходимые предпосылки для развития лесной промышленности Новой Франции. Финансовая поддержка метрополии и военные заказы подтолкнули некоторых наиболее состоятельных лиц, преимущественно из числа светских и церковных феодалов, заняться строительством лесопилен, которые стали приносить ощутимые доходы. К 1739 г. в Новой Франции работало 70 лесопилок.

Мачтовая древесина местного производства стимулировала развитие судостроения в колонии. В первой четверти XVIII в. судостроители Квебека спустили со стапелей несколько небольших военных кораблей, а в 1740 г.— корабль водоизмещением 500 т. В год на верфях, где широко использовался наемный труд, строилось примерно десять торговых судов. В 1741 г. рабочие квебекской верфи объявили забастовку. Власти бросили забастовщиков в тюрьму и заявили о своей решимости «сразу же раз и навсегда, используя тюрьму и кандалы, наказать бунтовщиков, которые дошли до того, что даже стали оказывать сопротивление властям» [4]. Это было одно из первых выступлений рабочего класса в Канаде на самой ранней стадии развития капитализма.

Однако метрополия в 1740 г. перестала поощрять судостроение в колонии, которой отводилась роль поставщика пиломатериалов и мачтового леса для судоверфей Франции. Канадское судостроение так и осталось в зачаточном состоянии.

Из-за боязни и нежелания метрополии активно поддерживать колониальную промышленность подобная участь постигла и другие отрасли хозяйства. Еще при Талоне была начата разработка залежей железной руды на реке Сен-Морис, северном притоке реки Св. Лаврентия. В железе нуждались судостроение и лесопильное производство. Но король в 1714 г. запретил закладку желез-

ных рудников в Канаде на том основании, что их достаточно и во Франции. Только в 30-х годах XVIII в. военная необходимость заставила французское правительство разрешить построить железоделательный завод в Канаде. С большими трудностями завод на Сен-Морисе был открыт, и в 40-е годы он выпускал самую разнообразную продукцию: котлы, чайники, печки, лемехи для плугов, пули и снаряды для мортир. Изготовляемое здесь железо отличалось мягкостью, ковкостью и упругостью.

Железоделательный завод представлял собой довольно крупное по тем временам предприятие: на нем работало 120 человек. Владела им группа сеньоров, купцов и чиновников. Рабочие нещадно эксплуатировались. Предприятие влачило жалкое существование, не вылезало из долгов, испытывало потребность в квалифицированной рабочей силе и новых капиталах. Это были типичные трудности для зарождающейся колониальной промышленности. Они усугублялись многочисленными запретами, налагавшимися Версалем на предпринимательскую деятельность колонистов. Королевский двор запретил производство пеньки в Канаде, чтобы не подрывалась монополия французских мануфактуристов на изготовление тканей (чтобы канадцы больше потребляли французской материи), организацию шляпных мануфактур и т. д. и т. п.

Несмотря на все эти ограничения, в Канаде в первой половине XVIII в. продолжался процесс формирования капиталистических отношений на мануфактурной стадии их развития. К тем капиталистическим мануфактурам, которые появились еще во второй половине XVII в. (кожевенные, по производству смолы и дегтя и т. п.), теперь добавились десятки мелких и даже средних, основанных на наемном труде.

Расширились внешние торговые связи колонии, преимущественно с метрополией. Она ввозила из Франции материю, обувь, промышленные товары, вина, а вывозила, помимо мехов, лес, муку, горох, овощи, мясо. В течение всего времени существования Новой Франции ввоз превышал вывоз, иногда в 3 раза. Торговля носила типично колониально-меркантилистский характер.

Все ключевые позиции в хозяйственно-торговой сфере занимала метрополия. 14 французских компаний контролировали три четверти канадской промышленности. Судостроение и горное дело контролировал Версаль. Пуш-

ная торговля находилась в руках Вест-Индской компании Франции. Канадские купцы получали меньше половины прибылей от торговых операций в колонии. Остальное шло за океан, в метрополию.

Основой основ колониальной экономики и в последний период французского господства в Канаде оставалась пушная торговля. Только эта отрасль постоянно давала устойчивый доход метрополии и правящему классу колонии. До 1725 г. в Канаде ежегодно добывалось около 60 тыс. шкурок. В 1726 г.—135 тыс., в 1730 г. и в последующие годы — 164 тыс. К 1744 г. стоимость годового «урожая» мехов составила 1,5 млн. ливров в год, а затем превысила 2 млн. ливров.

Вся пушнина вывозилась за пределы колонии. Около двух третей ее использовалось шляпной промышленностью Франции, одна треть шла в Голландию, которая продавала ценные шкурки в другие страны.

В 1719 г. монополию на всю канадскую пушную торговлю получила Вест-Индская компания. Это вызывало недовольство набиравшего силу канадского торгового капитала. Созданные монреальскими купцами собственные торговые компании оказались не в силах конкурировать с Вест-Индской. Тогда местные купцы, «лесные бродяги» и охотники — трапперы, а нередко даже церковники и колониальные чиновники самого высокого ранга, занялись контрабандной торговлей с англичанами, хотя еще в 1709 г. король запретил продажу бобровых шкурок последним. Канадцы скупали для продажи индейцам более дешевые и привлекательные английские товары. Особой популярностью у туземцев пользовались изготовляемые в Англии красные одеяла, за которые аборигены отдавали все свои меховые наряды.

В 1716 г. была восстановлена практика выдачи лицензий на мехоторговлю местным дельцам, которые сдавали меха оптовикам Вест-Индской компании. Власти разделили всю территорию колонии от Тадуссака до Саскачевана на торговые районы, в каждом из которых были установлены посты во главе с начальниками. Последние мгновенно обогащались на грязном бизнесе.

Важной фигурой в пушном деле оставались странствующие агенты, которых набирали за определенную плату торговцы — «буржуа», владевшие патентами. Такие агенты получали специальные разрешения от колониаль-

ных властей и назывались «вояжерами». Название «лесные бродяги» теперь сохранилось лишь за теми, кто не имел таких разрешений.

Как и в прежние времена, «вояжеры» и «лесные бродяги», преимущественно молодые канадцы из простонародья, преодолев немалые трудности и огромные расстояния, добирались до торговых факторий и выменивали у индейцев меха. Главным обменным товаром оставался алкоголь. Несмотря на протесты церкви и лицемерные запреты Версаля, власти в Канаде дали официальное разрешение на продажу индейцам бренди. Двор также в конечном итоге одобрил это преступление во имя наживы.

В первой четверти XVIII в. французы удерживали контроль за скупкой пушнины у индейцев, живших к югу от озера Верхнее и в бассейне верхнего течения Миссисипи. Но торговля с племенами, жившими к западу и северу от озера Верхнее, ускользала из их рук. Все больше индейцев предпочитали совершать далекие путешествия по западным и северным рекам, доставляя пушнину к английским факториям у Гудзонова залива и получая там в обмен товары на более выгодных условиях, чем на французских торговых постах.

Трактуя как им заблагорассудится условия Утрехтского мира, англичане постоянно расширяли район мехоторговли по многочисленным рекам, впадавшим в Гудзонов залив. Это позволяло Компании Гудзонова залива за спирт, огнестрельное оружие и красные одеяла выкачивать меха и отправлять груженные ими суда в Европу.

В результате французам пришлось взяться за освоение индейских водных путей от запада к северу, с тем чтобы построить там новые посты и перехватывать меха, которые индейские племена издалека доставляли к северным английским факториям. Попытку решить эту трудную задачу предпринял сын губернатора Труа-Ривьера — Варенн де Ла Верандри.

В течение 12 лет Ла Верандри вел торговые операции по скупке пушнины в бассейне реки Сен-Морис. Оскудение местных пушных угодий вынудило его перейти в область, расположенную между северным берегом озера Верхнее и озером Нипигон. От королевских властей он получил в 1730 г. патент, предоставивший ему на пять лет обширные права и привилегии в районе озера Нипигон и к западу от него. Средства на строительство фор-

тов, закупку и транспортировку товаров дали монреальские купцы — пайщики его предприятия.

Края эти были исключительно богаты пушниной. Здешние индейцы одевались зимой в бобровые шкуры, а весной бросали их, чтобы осенью изготовить новые одежды. Ла Верандри с четырьмя сыновьями энергично взялся за скупку этой «бросовой» пушнины. В 1731—1732 гг. он построил два новых форта к западу от озера Верхнее — Сен-Пьер у озера Рейни и Сен-Шарль у озера Лесное, где жили индейцы племени кри. В 1733—1735 гг. сыновья Ла Верандри и его племянник де Ла Жемерэи на индейских челнах спустились вниз по реке Виннипег и достигли одноименного озера, исследовав часть его бассейна. Они открыли полноводную реку Ред-Ривер, впадающую в озеро с юга, и низовье ее крупнейшего притока Ассинибойн, а также собрали сведения о двух западных озерах — Манитоба и Виннипегосис. В низовье Ред-Ривер первооткрыватели построили форт Морепа.

Приход европейцев в этот район сразу же обострил междоусобную борьбу индейцев и привел к кровавым стычкам. Ла Верандри и их спутники оказали поддержку племенам ассинибойнов в их борьбе против индейцев сиу, живших в верхнем бассейне Миссисипи.

Ла Верандри продлил срок своей монополии еще на пять лет и продолжил исследование озера Виннипег и окружающей местности. В 1738 г. неутомимый путешественник вместе с двумя сыновьями (один из сыновей был убит в стычке с индейцами сиу) и отрядом в 50 человек пешком прошел по долине Ассинибойна. На этой реке, против южного края озера Манитоба, он построил форт Ла-Рен. По индейским тропам французы добрались до прерий, где жили индейцы манданы. Это уже была долина великой реки Миссури.

В 1739 г. младший сын Ла Верандри, Луи-Жозеф, достиг северного угла озера Виннипег, откуда вытекает река Нельсон. С братом Пьером они завершили также обследование «озер прерий» — Манитобы и Виннипегосиса и на «Белой реке» (Нижний Саскачеван) построили форт Бурбон. Успех сопутствовал экспедициям Ла Верандри и в 40-е годы. Последнее путешествие предпринял Луи-Жозеф в 1749 г., изучив реку Саскачеван и районы Центральной Канады.

Все это делалось во имя одной цели — «не допустить, чтобы дикари контактировали с англичанами».

Как пишет советский ученый И. П. Магидович, «Варенны де Ла Верандри вошли в историю как последние выдающиеся французские путешественники — исследователи Северной Америки. Они впервые установили в своих отчетах — конечно, в общих чертах — сложную гидрографическую сеть Центральной Канады, открыв ее большие озера, связь между ними и несколько крупных рек бассейна Виннипега, они положили начало открытию и исследованию верхнего бассейна Миссури» [5].

Открытия Ла Верандри дали французам возможность отодвинуть границы Канады на сотни километров в глубь канадских прерий, но воспользоваться в полной мере этими достижениями они уже не могли. Кризис, который переживал французский абсолютизм в XVIII в., неумолимо приближаясь к революции 1789 г., давал о себе знать и в колонии.

Господствующую колониальную верхушку вместе с высшими чиновниками составляло примерно 400 человек. Ключевые позиции в обществе занимала церковь. В 1717 г. в колонии приходилось 140 священников на 18 тыс. прихожан, из них 12 сульпицианцев, 24 иезуита, 32 реколлета.

Вершила делами в Новой Франции привилегированная группа чиновников, спекулянтов, финансистов во главе с интендантом колонии Франсуа Биго. Коррупция и разврат правящего класса превратили Квебек в «малый Версаль», где роскошь наживавшегося меньшинства резко контрастировала с нищенским положением большинства.

В течение последних десятилетий колониального господства французов местные власти, гражданские и военные, сколотили огромные состояния, оценивавшиеся в 99 млн. ливров! Губернатор Водрей за 22 года колониальной службы в Канаде из бедного чиновника превратился в обладателя огромного состояния, интендант Биго награбил 29 млн., его ближайший помощник Каде — 15 млн. ливров. За годы интендантства Биго бюджет колониальной администрации возрос в 30 раз, но львиная его доля попадала в карманы чиновников.

Колониальные войны и коррупция вызвали настоящий хозяйственный хаос. Финансовое положение колонии было критическим. Так называемые карточные деньги,

выпускавшиеся властями вместо звонкой монеты, заполонили провинцию. Махинации с выпуском и отменой бумажных денег дали королевской казне свыше 1 млн. ливров. В колонии резко поднялись цены. Спекулянты из окружения Биго скупали оптом муку и другие продукты у поселенцев (по распоряжению интенданта частные лица могли продавать зерно только интенданту), а затем перепродавали их по более высоким ценам. Банда Биго умудрилась поставить колониальным войскам продуктов и товаров на 23 млн. ливров, заплатив в действительности за них 11 млн.

Делая вид, что они занимаются военными приготовлениями, власти ввели дополнительные налоги. В 1747 и 1748 гг. согласно королевским эдиктам были обложены налогами все промышленные изделия, ввозившиеся в колонию. Усилили нажим на своих крестьян и сеньоры. Все это не могло не привести к волнениям среди абитанов и городских жителей.

Сразу же после окончания войны за испанское наследство губернатор Водрей начал сооружение новых крепостных укреплений вокруг Квебека и Монреаля. Основные работы по корве были возложены на поселенцев. Это вызвало такое сильное недовольство крестьян окружающих сеньорий, что в 1717 г. Водрей дважды обращался за помощью к войскам. Он арестовал десять зачинщиков и едва сумел предотвратить настоящее восстание.

В 20-х годах волнения вспыхнули в целом ряде городов колонии. Проявился, по признанию губернатора, «тот же самый мятежный и независимый дух у всех жителей сельской местности» [6]. В 1728 г. крестьяне, возмущенные спекуляциями и поборами, взялись за оружие. Париж поспешил произвести изменения в составе администрации. В 1733 г. начались волнения из-за нежелания поселенцев изо дня в день подчиняться приказам о явке на королевскую службу. Власти колонии неоднократно обращались в Париж с просьбой прислать дополнительные войска, чтобы держать население в повиновении.

Все это свидетельствовало о противоречивом и неустойчивом характере колониального общества на берегах реки Св. Лаврентия. Все это привело к тому, что Канада сравнительно легко стала добычей Англии.

Падение Новой Франции

Заключительной фазой борьбы за континент явились две последовавшие одна за другой войны — война за австрийское наследство (1740—1748) и Семилетняя война (1756—1763). Главной ареной борьбы была Европа, но колонии также оказались втянутыми в военный конфликт.

Как только в Канаде узнали о том, что Франция 15 марта 1744 г. объявила войну Англии, колониальные власти попытались вернуть Акадию, но без успеха. Со своей стороны, купцы Новой Англии снарядили экспедицию по захвату французской крепости Луисбург на острове Кейп-Бретон. Добровольческие экспедиционные силы при поддержке английской морской эскадры в мае 1745 г. осадили «Гибралтар Америки», как тогда называли Луисбург. После 47-дневной осады деморализованный гарнизон сдался. Попытка отвоевать эту важную крепость закончилась неудачей. Французский флот, как и флот их противников три десятилетия назад, застигнутый штормом, потерпел крушение.

С несколько большим успехом французские колониальные власти, прибегая к помощи колонистов и индейцев, использовали тактику мелких набегов на пограничные форты и населенные пункты англичан. Губернатор Новой Франции Боарнуа считал, что таким способом сумеет предотвратить вторжение англичан в Канаду на суше. В конце 1745 г. канадские ополченцы вместе с индейцами нанесли удар по форту Саратога. Летом 1746 г. был захвачен форт Массачусетс. Колонизаторы с той и с другой стороны всячески стремились вовлечь как можно больше индейских племен в военные действия, не гнушаясь устанавливать щедрую плату за скальпы своих белых соплеменников. В 1747 г. англичане в районе Огайо и Иллинойса усиленно готовили массовое выступление индейцев против французов.

Действия на границе не принесли особых успехов враждующим сторонам. Зато в Европе в битве при Фонтено и в других сражениях на главном театре войны Франция одержала ряд побед. В 1748 г. воюющие стороны подписали Аахенский мир. Англия возвратила Франции свою добычу — Луисбург в обмен на торговый пост в Мадрасе, в Индии. Как отмечает С. Б. Райерсон, «в Северной Америке ни английские, ни французские ко-

лонии сами по себе не были достаточно сильны, чтобы нанести другой стороне решающий удар. Лишь непосредственное участие в войне соперничающих колониальных держав могло повести к решающему успеху» [7].

Война ухудшила положение французов на территории к югу от Великих озер, где заметно активизировались английские колонисты. Долина реки Огайо интересовала колонистов Пенсильвании и Вирджинии не только как район пушной торговли. Растущему населению английских колоний требовалось все больше земельных угодий, приобрести которые они могли лишь продвигаясь на запад. Недостаток сил и средств не позволил Новой Франции установить какие-либо надежные преграды этому массовому продвижению.

Время от времени хозяева Канады бряцали оружием в пограничных районах. В 1752 г. в районе Детройта отряд индейцев во главе с французами разгромил столицу индейцев племени майями, которые выступали в союзе с англичанами. Вождь племени был убит (за его скальп губернатор Новой Франции уже давно установил награду), а торговые строения англичан были разрушены. Французам лишь на короткое время удалось задержать продвижение англо-американцев за Аллеганские горы.

Здесь установились отношения, которые канадский историк Дж. Стенли назвал «холодной войной на Западе» [8]. Колониальные власти Канады торопились закрепить слабый успех строительством новых военных укреплений на северо-востоке района Огайо. Эти дорогостоящие и трудные работы выполняли те же канадские поселенцы, призванные на милиционную службу. Даже солдафон-губернатор при виде тех, кто возвратился в Квебек со строительства, не мог сдержать своих эмоций: «Я был потрясен тем жалким состоянием, до которого их довели утомление и постоянные опасности. Вне сомнений, если бы эти истощенные люди прошли бы еще дальше вниз по Огайо, дно реки было бы устлано их телами, а враждебные дикари добили бы уцелевших, видя, что они настоящие призраки» [9].

В 1754 г. вирджинские землевладельцы снарядили военную экспедицию против закрепившихся в верховьях Огайо французов. Власти Вирджинии поставили перед руководителем отряда молодым офицером Джорджем Вашингтоном задачу «захватывать в плен или убивать в случае

сопротивления со стороны кого-либо нашим работам по сооружению форта или попыткам положить конец нашим поселениям»[10].

Жаждавший славы Вашингтон не проявил излишней щепетильности. На пути в Огайо его отряд устроил кровавую расправу над небольшой группой французов, которая, как полагают, двигалась навстречу американцам на предмет переговоров. За 15 минут 10 человек было убито и 21 был взят в плен. Причем, как мы помним, Англия и Франция пребывали в этот момент в состоянии мира. И с той, и с другой стороны регулярные войска не участвовали. Пожалуй, впервые английские колонисты столь явно продемонстрировали собственную агрессивность в борьбе за новые земли.

Начало военной карьеры Вашингтона оказалось неудачным. Двигавшийся к недавно построенному французскому форту Дюкесн отряд колонистов был окружен, и его 22-летний командующий сдался на милость капитана де Вилье. Вашингтон письменно признал факт убийства французского парламентера и тем спас остатки своего отряда, бесславно вернувшись на родину.

К лету 1755 г. обе враждующие стороны получили дополнительные подкрепления из-за океана. Английский генерал Брэддок с небольшой армией решил все же захватить форт Дюкесн, где к тому времени губернатор Новой Франции Контрекур сосредоточил большой отряд регулярных солдат, канадских милиционеров и союзных индейцев. Англичане потерпели неожиданное поражение, оставив на поле боя около 500 убитых. Из-за этой неудачи им пришлось отложить захват французских фортов Ниагара и Фронтенак. Однако «холодная война» уже окончательно переросла в активные военные действия, хотя в Европе между колониальными державами еще сохранялся мир.

Скромные успехи, которых добились на первых порах французы, в значительной мере являлись результатом поддержки индейских племен. Эту поддержку французы получали лишь по той причине, что английские колонизаторы, гнавшиеся не только за мехами, но и за земельными латифундиями, были беспощаднее их в обращении с коренным населением. Именно англичане установили в 1755 г. награду 5 ф. ст. за каждый вражеский индейский скальп. Французы же рассматривали индейцев преж-

де всего как поставщиков пушнины и продовольствия. Их можно было грабить, доводить до нищеты, но сохранять как объект эксплуатации. Однако более мирные отношения французских колонизаторов с индейцами не имели решающего значения в борьбе с Англией.

Не добившись быстрых успехов на западе, англичане на востоке овладели перешейком, соединяющим материк с полуостровом Новая Шотландия. Здесь находился форт Босежур. Вместе с заложенной англичанами в 1749 г. в Акадии морской крепостью Галифакс Босежур представлял собой теперь удобный плацдарм для захвата Луисбурга. Перед осуществлением операции английские колониальные власти предприняли одну из наиболее жестоких акций в отношении французских поселенцев в Канаде: выселили акадийцев, занимавшихся земледелием в долине Аннаполис и у залива Минас-Бейсин. О трагедии жителей Акадии следует сказать особо.

Получив Акадию по Утрехтскому миру, англичане создали на полуострове колониальную провинцию Новая Шотландия. Проживавшие здесь поселенцы французского происхождения были лишены каких-либо политических прав, поскольку их земельные владения привлекали алчные взоры колонистов Новой Англии, которые выступили с требованием выслать французских поселенцев из провинции Новая Шотландия, с тем чтобы их место заняли протестантские подданные. Так как акадийцы отказались присягнуть новым хозяевам и предпочли сохранять нейтралитет в войне со своими бывшими соотечественниками, английские власти учинили над ними расправу.

Осенью 1755 г. англичане силой выслали за пределы провинции около 6 тыс. колонистов, а их земли и имущество — конфисковали. Брошенные без всяких средств к существованию в различных портах атлантического побережья французы были обречены на скитания, лишения и голодную смерть. Лишь несколько сот человек добрались пешком до Квебека, некоторые уехали во Францию и получили там жалкие подачки от королевского двора.

С началом Семилетней войны в Европе в 1756 г. французам удалось одержать несколько побед над англичанами в Северной Америке. Последние потеряли форт Осуиго и водные пути в районе Огайо. Но очень быстро сказались растущее финансовое и промышленное могущество

Англии, а также хозяйственные успехи английских североамериканских колоний. Этим успехам хилая Новая Франция могла противопоставить хронический голод среди населения, коррупцию и раздоры в правящей колониальной верхушке, противоречия между местными жителями и представителями метрополии.

Весной 1758 г. Англия начала крупные военные операции по захвату Канады. В июле пала крепость Кейп-Бретон. На западе английские войска и отряды колонистов отвоевали Осуиго и заняли форт Фронтенак. Восточный и западный бастионы Новой Франции оказались в руках противника.

В конце мая 1759 г. огромный английский флот в 200 судов с 8,5 тыс. солдат под командованием генерала Уолфа и 13,5 тыс. моряков под командованием адмирала Сондерса вошел в реку Св. Лаврентия. Англичане овладели позициями, с которых могли обстреливать Квебек. Одновременно английский главнокомандующий в Северной Америке генерал Эмхерст предпринял наступление через озеро Шамплейн, что отвлекло часть французских сил в район Монреаля и реки Ришельё.

В течение нескольких месяцев солдаты Уолфа пытались прорваться к Квебеку, однако здесь англичане натолкнулись не только на оборонительные позиции командующего французской армией генерала Монкальма, но и на упорное сопротивление со стороны местного канадского населения, которое начало настоящую партизанскую войну. В этом, пожалуй, впервые отчетливо проявился рост национального самосознания жителей Канады. Во вторжении англичан они увидели прежде всего угрозу своей собственной стране.

Генерал Уолф решил взять Квебек с «черного хода». Ночью около 5 тыс. английских солдат поднялись на обрывистую скалу у самого города и утром 13 сентября 1759 г. неожиданно появились у западных стен крепости, заняв позиции на равнине Авраама. Жаждавший славы Монкальм атаковал англичан немедленно, не дожидаясь подкреплений. Атака оказалась неудачной, а все сражение скоротечным. Крепость Квебек перешла в руки Англии. В сражении погибли оба командующих: Уолф и Монкальм.

После этих событий стало ясно, что другой важнейший центр колонии — Монреаль обречен. К нему подо-

шли сразу три английские армии — из Осуиго, района озера Шамплейн и из Квебека.

9 сентября 1760 г. город капитулировал. С периодом французского колониального господства в Канаде было покончено. Новая Франция превратилась в оккупированную территорию Англии, пока ее судьба окончательно не определилась в 1763 г. за столом переговоров между двумя державами.

Чем объяснить причины краха колониального господства Франции в Канаде? Прежде всего социально-экономической отсталостью французского общественного строя, оказавшегося неспособным противостоять натиску более могущественного противника, пожинавшего плоды буржуазной революции. На стороне Великобритании оказалась не только более современная военная техника, но и мощные людские ресурсы быстро растущих и богатеющих английских колоний. В тылу же отсталой французской армии находилось только 70 тыс. поселенцев, в большинстве своем неграмотных крепостных крестьян.

Глава 5

ПОД ПЯТОЙ АНГЛИИ

Возникновение национального вопроса

Условия Парижского мирного договора 1763 г. окончательно закрепили в Северной Америке результаты Семилетней войны, а в память о сражении, происшедшем на равнине Авраама и стоившем жизни обоим полководцам, в Квебеке был сооружен обелиск с надписью: «Доблесть принесла им общую смерть, история — общую славу, а потомки — общий памятник». Слова, по-видимому, символизировали мир и гармонию, которые будто бы воцарились в Канаде с приходом англичан. Однако на деле с установлением английского колониального господства в стране возник национальный вопрос, связанный с судьбой населения французского происхождения, который не решен и поныне [1].

Новые хозяева колонии стремились добиться прежде всего беспрекословной покорности франкоканадского населения. Англичане взяли курс на сохранение существовавшей в Канаде системы феодального подчинения и эксплуатации, т. е. на союз со старым господствующим классом. В связи с жалобами сеньоров на абитанов немедленно были изданы многочисленные приказы, предписывавшие уплату всех сеньориальных повинностей в звонкой монете, причем под страхом самых суровых наказаний, вплоть до лишения земли.

Новые власти потребовали также, чтобы крестьяне попрежнему несли воинскую службу в ополчении. От нее освобождались только духовенство, сеньоры и новые владельцы феодальных поместий — англичане. Крестьяне должны были выполнять многочисленные и обременительные обязанности по ремонту и расчистке дорог, заготовке дров для нужд военных гарнизонов, поставке провизии войскам. За отказ они подвергались строжайшим наказаниям.

Канадские сеньоры и католическое духовенство немедленно проявили полную готовность сотрудничать с завоевателями в интересах сохранения своего материального благополучия и престижа. Что же касается основной массы колонистов, то к режиму англичан она отнеслась совсем иначе. Известны случаи недовольства франкоканадских абитанов из-за привлечения их к выполнению бесплатных работ на дорогах, перевозок поставок зерна и дров гарнизонам. Когда английские власти попытались навербовать волонтеров из крестьян и горожан для борьбы с восставшими индейцами под руководством Понтиака, эти попытки окончились провалом. Политика пассивного сопротивления английскому господству уже на самом начальном этапе приобрела национальную окраску, ибо франкоканадской массе противостояли теперь наряду с прежними новые эксплуататоры — английского происхождения.

7 октября 1763 г. Георг III обнародовал прокламацию об образовании колонии Квебек. Этим документом фиксировались основы английского колониального режима в Канаде [2]. Согласно прокламации, юго-восточные районы бывшей Новой Франции передавались английской колонии Новая Шотландия, к Ньюфаундленду переходили Лабрадор и прилегающие острова, а земли, расположенные к западу от реки Оттавы, были объявлены индейской резервацией. Расчленяя таким образом территорию Квебека, власти преследовали вполне определенную цель — ограничить возможности расширения и роста франкоканадских поселений, предотвратить выступления туземцев, чье отчаянное сопротивление так напугало колонизаторов, и создать гигантский заповедник для неравноправной торговли белых с коренным населением Северной Америки.

В Квебеке организовывалось колониальное правительство в составе губернатора и 12 назначаемых им советников. Губернатор пользовался в колонии безраздельной властью. Он имел право создавать гражданские и уголовные суды, делать земельные пожалования, производить назначения на высшие гражданские и церковные должности, распоряжаться казной, набирать ополчение и даже вести войну против «врагов, пиратов и бунтовщиков». Губернатор должен был всячески поддерживать протестантскую церковь, покровительствовать представите-

лям деловых кругов метрополии, заботиться о защите интересов империи.

На Квебек распространялось действие английских законов и судебной системы. На должности мировых судей могли назначаться только протестанты (99% населения Квебека были католиками!). Официальным языком становился английский, что рождало для франкоканадцев, не знавших чужого языка и законов, огромные трудности. Прокламация 1763 г. провозглашала для местного населения свободу вероисповедания и разрешала деятельность римско-католической церкви «в пределах, допускаемых законами Великобритании». Это вовсе не означало подлинного религиозного равенства. Уже то, что католики лишались политических прав и возможности занимать общественные должности, ставило франкоканадцев в неравное положение с протестантами-англичанами.

Прокламация 1763 г. не изменила существа феодального землевладения. Все феодальные наделы нужно было лишь заново зарегистрировать. Система новых земельных пожалований на основе так называемой квитренты, по существу, также носила феодальный характер, ибо твердое денежное выражение квитренты устанавливалось безотносительно к рыночной стоимости земли. Предполагалось, что пожалования будут делаться из расчета 100 акров на главу семьи и по 50 на каждого ее члена. Демобилизованные английские солдаты и офицеры могли получить участки от 50 акров до 5 тыс. (в зависимости от ранга). Таким образом преследовалась одна цель — ускорить английскую колонизацию. Англичане, особенно чиновники, приобретали земли, вовсе не предполагая их осваивать, а исключительно ради спекуляции. Они охотно скупали даже феодальные сеньории обедневших или уехавших из страны владельцев.

В сфере коммерческой деятельности английские власти ввели систему пошлин и налогов в пользу короны, помимо тех, что взимались при французском господстве. Особенно ревностно метрополия охраняла свою монополию на производство и продажу спиртных напитков (под видом заботы о здоровье индейцев и бодрости духа солдат). В то же время снимались всякие ограничения на торговлю с индейцами. Требовалось лишь получить лицензию от властей.

Как и во время военной оккупации, на население ко-

лонии налагались всевозможные трудовые и прочие повинности. Жизнь каждого колониста подвергалась мелочной регламентации, вплоть до определения порядка езды на лошадях и очистки дымоходов.

Как видим, Великобритания стремилась прежде всего «расфранцузить» Канаду. Колониальные власти предоставили франкоканадцам практически единственное «право» — принести присягу на верность новому монарху, а в случае отказа — покинуть страну. Однако лишь 270 человек из 63 тыс. уехали из Квебека. Это были некоторые сеньоры, деятели старой администрации, состоятельные люди, связанные с прежней метрополией. Подавляющее большинство населения осталось.

Завоевание привело к важным изменениям в общественной структуре колонии. В Квебек устремились английские чиновники, торговцы, предприниматели. И хотя английское население росло не так быстро, как предполагали колониальные власти, до начала войны за независимость североамериканских колоний оно составляло 400—600 человек.

В числе первых чиновников в Канаду приезжали зачастую абсолютно некомпетентные люди, просто купившие себе должности или же скомпрометировавшие себя в метрополии. Они не знали французского языка, законов и обычаев, по которым жило местное население. Что касается английских торговцев и предпринимателей, то они были заинтересованы прежде всего в меховой торговле и в течение первых лет прибрали к рукам практически всю внешнюю оптовую торговлю, значительную часть пушной торговли и имевшиеся в Канаде промышленные предприятия.

Стремясь добиться привилегированного положения в хозяйственной и политической жизни колонии, английское меньшинство выступило поборником скорейшего «обангличанивания» провинции. Англичан в Квебеке не устраивали даже малейшие уступки верхушке франкоканадского общества. Все это вызвало вполне естественное желание франкоканадцев не позволить «новым согражданам низвести их до положения рабов» [3]. В многочисленных петициях на имя английского короля они требовали равноправия при получении общественных должностей, в торговле, а также ведения гражданского судопроизводства на французском языке.

Растущее недовольство франкоканадцев на фоне разгорающейся освободительной борьбы жителей старых североамериканских колоний вынудило метрополию отказаться от политики быстрого «расфранцуживания» Канады, проявить определенную гибкость и уступчивость в канадских делах. Несколько сотен английских жителей, многие из которых уже были заражены идеями зреющей американской революции, не могли стать надежной опорой колониального режима. Гораздо важнее было обеспечить лояльность французского большинства, завоевать на свою сторону симпатии католического духовенства и сеньоров.

«Троянская» суть политики Великобритании в Канаде заключалась в том, чтобы использовать северную колонию в качестве оплота британского владычества в борьбе против ее восстающих на юге 13 колоний.

В результате английский парламент в июне 1774 г. принял Квебекский акт, утвердивший новое административное и конституционное устройство Канады. Квебекский акт определил новые границы провинции Квебек, в которую вошла теперь огромная территория, в том числе долина реки Св. Лаврентия, Великие озера и южные земли вплоть до рек Огайо и Миссисипи. Отодвигая границы колонии на юг и запад, английские власти стремились предотвратить заселение этого района выходцами из своих южных колоний.

Квебекский акт возвращал католической церкви права на сбор церковной десятины с верующих католиков (последним предоставлялось право занимать общественные должности), восстанавливал французское гражданское право и подтверждал существование прежней сеньориальной системы землевладения с сохранением всех прав и привилегий сеньоров по отношению к держателям земли.

Английская система землепользования — фригольд (или свободное держание) объявлялась возможной альтернативой для вновь пожалованных и осваиваемых земель. Акт сохранял в колонии действие английского уголовного права, но отвергал неприкосновенность личности и выборные институты. Вся власть в колонии принадлежала генерал-губернатору. В качестве совещательного органа при губернаторе создавался Законодательный совет.

Как справедливо полагает американский историк-марксист Г. Аптекер, Квебекский акт, «утроив территорию провинции Квебек за счет северо-западных районов тринадцати колоний, сохранив полуфеодальную систему землевладения, отказав в системе представительного правления и расширив область, на которую распространялась власть государственной римско-католической церкви, привел к тому, что «кастрированные» колонии оказались окруженными пустыней реакционных институтов» [4]. Это обстоятельство и подтолкнуло колонистов-патриотов начать вооруженное восстание против метрополии.

Квебек и американская революция

В Канаде известие о принятии Квебекского акта вызвало бурную реакцию. Английское меньшинство развернуло движение за его отмену, не выступая, однако, против колониального режима вообще. Восторженно встретили акт местные сеньоры и католическое духовенство, претендовавшие в своих верноподданнических петициях на право говорить от имени всей франкоканадской национальной общности. Что касается основной массы франкоканадского населения, т. е. крестьянства, то оно, естественно, без энтузиазма встретило известие о восстановлении церковной десятины и ненавистных старых феодальных повинностей.

В 13 английских колониях Квебекский акт был встречен резко отрицательно. Освободительное движение колонистов достигло здесь той стадии развития, когда эти колонии Англии оказались уже на пороге антиколониальной революции. Созданные американскими патриотами органы народной власти на местах выдвинули собственных представителей от колоний на конвент, которому предстояло стать главным органом рождающейся американской независимой общности. 24 октября 1774 г. делегаты первого Континентального конгресса в Филадельфии одобрили «Письмо жителям провинции Квебек», в котором критиковали содержание закона и призывали присоединиться к союзу американских колоний и поддержать их справедливую борьбу.

Весной 1775 г. колонисты Массачусетса и Нью-Йорка решили овладеть важным стратегическим пунктом на тер-

ритории Канады — фортом Тайкондерога — и захватить там пушки, столь необходимые для вооруженной борьбы с регулярными английскими войсками. 10 мая отряд во главе с Этаном Алленом нанес неожиданный удар по форту, и английский гарнизон сдался без единого выстрела. Такая же участь постигла другой английский форт на озере Шамплейн — Краун-Пойнт.

Вторжение американских колонистов на территорию Канады и внутренняя обстановка в провинции серьезно обеспокоили английские колониальные власти. Губернатор ввел в Квебеке военное положение и объявил о призыве населения на военную службу в милицию.

Однако простые канадцы отказывались вступать в отряды милиции. Губернатор Карлтон печально сообщал в Лондон летом 1775 г.: «...Хотя местные джентльмены проявляют великое рвение, ни их мольбы, ни их собственный пример не могут повлиять на народ... и джентри, и священники почти полностью утратили свою власть над людьми» [5]. Дело доходило до открытого неповиновения. В одной из крупных сеньорий крестьяне на сходке дали клятву не брать в руки оружие для участия в военных действиях против восставших колонистов, а в Сореле и в Шамбли крестьяне-поселенцы, вооружившись, заявили о своей готовности присоединиться к американцам. «Были испытаны все средства, чтобы заставить канадское крестьянство выполнить свой долг и взять в руки оружие для защиты провинции, но все оказалось напрасным» [6],— констатировали власти. Нейтральную позицию по отношению к «семейной ссоре» англичан и американцев заняли индейские племена.

В сентябре 1775 г. отряды американцев из Тайкондероги и Краун-Пойнта спустились по озеру Шамплейн и заняли один из островов неподалеку от форта Сент-Джон. В глубь территории Канады направились отдельные эмиссары и передовые группы под командованием Аллена и Брауна для привлечения населения на свою сторону. Однако полученная от местных жителей поддержка не могла компенсировать американцам недостаток опыта и умения вести боевые действия. Отряд Аллена с присоединившимися к нему канадскими добровольцами, переправившись через реку Св. Лаврентия в надежде захватить Монреаль, был полностью разбит. Нерешительность проявили и основные силы у стен Сент-Джона.

Гарнизон этого форта капитулировал лишь в начале ноября 1775 г.

Послав два отряда для захвата Сореля и Труа-Ривьера, новый командующий армией колонистов генерал Монтгомери переправился через реку Св. Лаврентия недалеко от Монреаля. Гарнизон Монреаля вместе с губернатором покинул город. В Квебек губернатор Карлтон добирался, переодевшись в одежду крестьянина. 13 ноября американцы вошли в город. Почти повсеместно симпатии канадцев (за исключением колониальной верхушки) были на стороне колонистов. В экспедиционное войско влились уже два батальона канадских волонтеров. «Жители страны по обе стороны реки Св. Лаврентия вплоть до Квебека теперь наши друзья» [7],— сообщал Монтгомери.

В середине ноября к Квебеку подошел другой отряд американских патриотов, преодолевший в чрезвычайно трудных условиях путь вдоль рек Кеннебек и Шодьер. Измученных и голодных волонтеров франкоканадцы встретили тепло и оказали им необходимую помощь. Командир отряда Арнольд из-за отсутствия артиллерии и недостатка в людях начал осаду крепости лишь в декабре, когда к Квебеку подтянул свои силы Монтгомери.

Квебек, хорошо защищенный крепостным валом, имел к тому же гарнизон в 1300 человек, включая матросов с кораблей и милиционеров. В крепости находились большие запасы продовольствия и боеприпасов. Однако начальник гарнизона оценивал положение критически: «...Королевские войска немногочисленны, большинство купцов и торговцев прежде всего думают о своей собственности, гарнизон разбросан и пребывает в жалком состоянии» [8].

Несмотря на это, в течение всего декабря американцы простояли у стен Квебека. Дисциплина и боевой дух в их войсках упали, между офицерами начались распри, появились дезертиры. Денег на покупку провизии не хватало, с катастрофической быстротой исчезали медикаменты. Резко ухудшились отношения между американцами и местными жителями. Нужда нередко заставляла пришлых колонистов грабить население, а это, естественно, не вызывало у последних прилива симпатий. Не нравилось канадцам получать вместо золота бумажные деньги, выпущенные Континентальным конгрессом, или того хуже — расписки. В такой обстановке, имея в строю все-

го около тысячи человек, Монтгомери и Арнольд отважились 31 декабря начать штурм Квебека и потерпели поражение. 450 человек попало в плен, 30 было убито, в том числе погиб и генерал Монтгомери.

Остатки армии колонистов полностью утратили боеспособность. В довершение всего вспыхнула свирепая эпидемия чумы.

6 мая 1776 г. к Квебеку подошли корабли английского военного флота с регулярными частями на борту. В спешном порядке американцы оставили окрестности крепости и отступили к Труа-Ривьеру.

В начале июня в Квебек прибыли основные силы метрополии: около 9 тыс. английских и наемных солдат под командованием генерала Бергойна. Деморализованные отряды американцев оставили Труа-Ривьер, Монреаль, Сорель, Сент-Джон, Шамбли и закрепились в Тайкондероге.

Зимой 1776—1777 г. англичане в Канаде усиленно взялись за подготовку к вторжению на территорию американской республики. Генерал Бергойн прежде всего постарался обеспечить надежный тыл и сотрудничество канадцев в борьбе против американской революции. С этой целью в Квебеке были введены обязательная милиционная служба для всех канадцев-мужчин от 16 до 60 лет, а также принудительные работы.

Канадские крестьяне с большой неохотой выполняли указания властей. В результате, когда армия Бергойна достигла в июле 1777 г. Тайкондероги, из 800 франкоканадцев, сопровождавших войска, в ней осталось лишь 400. Ежедневно дезертировали десятки человек и из батальона канадских милиционеров.

Оказавшись в глубине неприятельской территории, Бергойн попал в окружение и 17 октября 1777 г. сдался у Саратоги. Что касается роли канадцев в этот ответственный момент войны Соединенных Штатов за независимость, то оценка их очень точно дана Г. Аптекером, который считает: «...Если бы события приняли иной оборот, если бы несколько тысяч канадцев действительно присоединились к Бергойну и сражались на его стороне, трудно представить себе, как американским вооруженным силам удалось бы воспрепятствовать соединению Клинтона и Бергойна... Именно смелый отказ «неотесанного франкоканадского мужичья» быть использованным в этой

роли в значительной мере сорвал политику Англии и помог спасти американскую революцию» [9].

Саратога привела к заключению франко-американского союза и вступлению Франции в войну на стороне США. Это обстоятельство возродило надежды американцев на присоединение Канады к вновь созданному государству.

В конце 1778 г. Континентальный конгресс принял соответствующее решение. Внезапное вторжение в Канаду планировалось осуществить силами американской армии под командованием генерал-майора Р. Лафайета и французской морской эскадры. Однако взаимное недоверие союзников помешало задуманному наступлению. Франция побоялась укрепления позиций Соединенных Штатов, а Соединенные Штаты — того, что Франция в случае успеха удержит Канаду за собой.

Не удалось США приобрести Канаду на завершающем этапе войны во время мирных переговоров. Канада осталась английской колонией, так и не превратившись в четырнадцатый штат американского государства.

Почему же в ходе американской революции Канада не разделила судьбу 13 колоний и Великобритания сохранила в ней свое господство? Прежде всего потому, что экспедиция 1775—1776 гг. в военном отношении была подготовлена плохо. Но главная причина заключалась в отсутствии у большинства населения Квебека подлинной и беззаветной готовности сражаться за дело революции. В Канаде, лишь совсем недавно освободившейся от господства феодально-абсолютистской Франции, еще не созрели предпосылки для выступления на стороне колоний, поднявшихся на революционную борьбу за независимость.

С. Б. Райерсон справедливо пишет: «Всеобщего восстания в долине р. Св. Лаврентия не произошло. Квебек в своем социальном и экономическом развитии намного отстал от атлантических колоний. Капиталистическое производство в нем по сути дела отсутствовало. Основным вопросом, который мог бы заставить канадцев выступить в союзе с американцами, являлся вопрос о национальном освобождении от иностранного господства. Но сами американские колонии еще не выступали за полную независимость. Их Декларация независимости была принята уже после осады Квебека» [10].

Последний фактор являлся действительно немаловажным. Один из лидеров американской революции С. Адамс сокрушался по этому поводу: «Если бы Декларация независимости была принята на десять месяцев раньше, Канада была бы теперь нашей» [11].

Но и Декларация, несмотря на всю ее огромную взрывчатую силу, не дала французскому населению Квебека уверенности, что его национальные права при вступлении в союз штатов будут гарантированы. Шовинизм англоканадского меньшинства, представители которого нередко были выходцами из освободившихся английских колоний, двойственность позиции самого конгресса, который «клеймил католицизм в Англии и восхвалял свободу совести в Квебеке», вызывали у многих канадцев вполне объяснимую настороженность.

Неспособность американских патриотов предложить франкоканадцам приемлемое решение национального вопроса в ходе войны за независимость использовалась властями и церковью Квебека для разжигания антиамериканских настроений.

И, наконец, провозгласив благородную цель освобождения канадцев от гнета метрополии, американцы стали осуществлять эту цель методами насилия, превратившись в освободителей на словах и в захватчиков на деле. Кроме того, экспедиция отражала и далеко не бескорыстное стремление американской торговой буржуазии, земельных спекулянтов и поселенцев северо-западных штатов прибрать к своим рукам территорию Квебека со всеми ее богатствами.

Новая Шотландия и американская революция

Война за независимость оказала довольно сильное влияние и на Новую Шотландию. Как справедливо отмечает канадский историк У. Макпатт, Новая Шотландия того времени «обладала элементами, которые могли бы сделать революцию вполне возможной» [12].

Во всяком случае политическая обстановка в колонии была довольно напряженной. Еще после принятия в 1765 г. закона о гербовом сборе, обязавшего колонистов платить дополнительные налоги, движение протеста вылилось в форму бурных городских собраний и демонстра-

ций в Галифаксе и других населенных пунктах. В 1770 и 1774 гг. губернатору провинции пришлось издавать специальные прокламации, запрещавшие проведение собраний для обсуждения вопросов законодательства и управления. После начала вооруженных действий в 13 колониях в Новой Шотландии недовольство режимом проявилось уже открыто. В мае 1775 г. загорелись военные склады, предназначенные для снабжения войск генерала Гэйджа в Бостоне, в июле 1775 г. произошел пожар на королевских судоверфях, и виновники не были найдены, несмотря на обещанное вознаграждение. Попытка набрать тысячу добровольцев для борьбы с восставшими патриотами окончилась безрезультатно.

Наиболее сильно проамериканские настроения проявились в прибрежных поселениях. Некоторые из них уже с лета 1775 г. служили базами для периодических рейдов американских каперов, которые на своих собственных небольших суднах вели морскую войну с англичанами. В прибрежном поселке рыбаков и лесорубов Мачайсс на границе с Мэном еще весной 1775 г. был создан «комитет спасения». В июне 1775 г. группа повстанцев захватила два шлюпа с лесом, направлявшиеся в Бостон. В августе она взяла в устье реки Сент-Джон форт Фредерик. В октябре 1775 г. командующий английской эскадрой в Галифаксе писал в своем рапорте, что он опасается стачек рабочих судостроительных верфей в случае вторжения в провинцию прореволюционных сил.

Вероятность того, что Новая Шотландия может последовать примеру американских колоний, была действительно велика. Метрополия пока не имела здесь прочных военных позиций, в 1774 г. численность гарнизона Галифакса значительно уменьшилась. К тому же из-за слабой организации и разобщенности сторонников революции в Новой Шотландии местным патриотам пришлось обратиться за поддержкой к американским повстанцам. Жители соседних с Мэном и Массачусетсом районов Пассамакуодди, Мачайес, долины реки Сент-Джон попросили Континентальный конгресс в Филадельфии оказать им помощь и позволить сотрудничать с восставшими колонистами.

Однако помощи не получили. Тогда сторонники революции в Новой Шотландии стали вести борьбу собственными силами. Радикально-демократические элементы в

мае 1776 г. подняли восстание в долине реки Сент-Джон. Повстанцы, имевшие лишь небольшое количество оружия, смогли продержаться почти год. Летом 1777 г., прислав военный корабль, метрополия восстановила свою власть в этом районе.

Еще более крупное выступление произошло на полуострове Шигнекто. В ответ на оккупацию английскими войсками форта Камберленд местные патриоты сформировали отряд добровольцев и создали революционный комитет. Осенью 1776 г. местные жители — выходцы из Новой Англии, а также акадийцы и индейцы,— совершили несколько рейдов в заливе Фанди и захватили ряд населенных пунктов. 12 ноября повстанцы предприняли попытку взять штурмом Камберленд. Необученные и плохо вооруженные патриоты несколько недель держали в осаде хорошо укрепленный форт. Лишь высланный на помощь из Галифакса отряд моряков и пехоты заставил повстанцев отступить.

В течение всего последующего времени вооруженная борьба в Новой Шотландии сводилась в основном к мелким схваткам за форты и населенные пункты на побережье и военным действиям английских военно-морских сил против американских каперов в заливе Фанди. Население приморских поселков охотно предоставляло убежище и поддержку участникам вооруженных рейдов из Соединенных Штатов. Летом 1777 г. в залив Фанди были введены морские силы метрополии. Это затруднило операции каперов, но рейды к берегам Новой Шотландии они продолжали предпринимать вплоть до конца войны за независимость.

Версальский мир оставил Новую Шотландию в руках Великобритании. Пламя революции, многократно лизавшее берега этой приморской колонии, так и не охватило ее. В отличие от 13 других английских колоний в Северной Америке Новая Шотландия к началу революции еще не достигла той степени экономической и политической зрелости, которая позволила бы ей рассчитывать на самостоятельное существование. Основа хозяйства колонии — торговля находилась всецело в руках Великобритании. Колониальная верхушка, прежде всего купечество Галифакса, была накрепко привязана к метрополии материальными интересами. Торговцы Галифакса наживали на войне неплохие барыши, а отделение колоний сулило

еще большие прибыли, ибо Новая Шотландия могла занять монопольное положение в колониальной торговле с Вест-Индией.

В силу недостаточной развитости колониального общества в Новой Шотландии отсутствовали среди населения более или менее многочисленные демократические слои, готовые к активным политическим действиям. Именно поэтому, не поддержав колониальный режим, большинство населения Новой Шотландии осталось инертным и к происходящим революционным событиям, стремясь сохранить позицию нейтралитета, чем заслужило у современников курьезное прозвище «янки Его величества», а в исторической литературе название «янки-нейтралы».

Чрезвычайно важную роль сыграл и тот факт, что в ходе войны за независимость, используя почти островное положение Новой Шотландии, Великобритания превратила этот район в форпост и военный плацдарм в борьбе с американской революцией.

Вторая Британская империя

На заключительном этапе войны метрополии было уже ясно, что независимость 13 колоний стала реальностью. В ходе мирных переговоров перед Англией стояла лишь задача сделать минимум уступок победившей стороне и по возможности затруднить будущее независимое существование Соединенных Штатов, одновременно укрепив собственные пошатнувшиеся позиции в Северной Америке. В решении последней задачи особая роль отводилась оставшимся на континенте колониальным провинциям — Квебеку и Новой Шотландии [13], которые могли занять во внутриимперских торговых связях то место, которое до этого занимали 13 освободившихся колоний, особенно в обеспечении жизненно важных поставок в английскую Вест-Индию. Канада могла также послужить оплотом Британии в Северной Америке и форпостом для дальнейшей экспансии на север и запад, где оставались обширные неколонизованные территории.

Большое влияние на политику Англии в Канаде и внутреннее развитие последней оказал переезд в колонию многочисленных врагов американской революции — лоялистов.

Эмиграция лоялистов из 13 североамериканских колоний началась еще в первые годы войны за независимость. Основной же поток лоялистской эмиграции пришелся на конец войны и первые послевоенные годы. Заботу о беженцах взяла на себя Великобритания. Она разрешила пожалование земель на правах феодального держания тем британским подданным бывших 13 колоний, которые сохранили свою преданность империи и пожелали жить на ее территории. В их число вошли и подлежавшие демобилизации офицеры и солдаты английских колониальных войск. В течение нескольких лет колониальные власти обязались снабжать лоялистов провиантом, одеждой, строительными материалами, а также освобождать их от уплаты земельной ренты. Всего в послереволюционные годы метрополия оказала лоялистам помощь в разной форме на огромную сумму — свыше 2 млн. ф. ст.!

Щедрость колониальных властей не была бескорыстной. Как писал губернатор Квебека в Лондон, «поселенные вместе в большом количестве лоялисты создадут общество преданных интересам Великобритании порядочных людей, которые будут полезны во многих отношениях...» [14]

В основном в Квебек и Новую Шотландию прибыли представители средних слоев — торговцы, ремесленники, фермеры, однако не только они, но и значительная часть богатых джентри — выходцев из Новой Англии. Некоторые лоялисты привезли с собой даже негров-рабов.

Самым желанным местом для лоялистов являлась Новая Шотландия, где власти уже в 1775 г. объявили о своей готовности предоставить убежище противникам отделения от метрополии. После эвакуации английских войск из Бостона в марте 1776 г. в Галифакс бежало свыше тысячи чиновников и лиц, сотрудничавших с англичанами. К концу 1783 г. в Новую Шотландию переехало около 20 тыс. человек. Кроме Галифакса, лоялисты оседали в прибрежных поселках или же основывали новые города, как, например, Шелберн в бухте Роузвэй, где к осени 1783 г. насчитывалось уже около 10 тыс. жителей.

Первые эмигранты, в основном состоятельные лоялисты, сразу же захватили лучшие земли, и размеры их

владений значительно превысили установленные. Те, кто приехал позже, как правило, демобилизованные солдаты, столкнулись уже с земельной спекуляцией и стремлением отдельных лиц занять привилегированное положение в новой лоялистской общине. Идеального сообщества единомышленников, пострадавших за верность английской короне, не получилось. Уже в первый год в Шелберне вспыхнули социальные и расовые конфликты.

В долине реки Сент-Джон и на северном побережье залива Фанди лучшие земли также захватили наиболее состоятельные лоялисты, что сразу привело к социальному размежеванию между аристократическими и демократическими элементами. Не желая подчиняться властям Галифакса и местной ассамблее, не способной, по их мнению, противостоять революционной заразе, лоялистские лидеры потребовали отделения от Галифакса и разрешения образовать самостоятельную колонию. В основе их замыслов лежало стремление установить монополию на эксплуатацию природных богатств долины реки Сент-Джон и торговлю с Вест-Индией.

Интересы лоялистов района реки Сент-Джон совпали с интересами метрополии. В августе 1784 г. Лондон разрешил им выделиться из Новой Шотландии. Так возникла самостоятельная колониальная провинция Нью-Брансуик. Следуя классическому принципу «разделяй и властвуй», Британия установила в новом колониальном образовании авторитарное правление во главе с губернатором и Законодательным советом, в состав которого вошли наиболее богатые лица. Население Нью-Брансуика составляло 11—14 тыс. человек.

В Квебек лоялистская эмиграция началась после Саратоги. В основном туда перебирались фермеры пограничных районов Нью-Йорка, Пенсильвании, Вермонта в надежде получить землю. Селились эмигранты лишь на западе провинции, на землях, которые власти скупили для них у индейцев в районе Ниагары, Онтарио и верховьев реки Св. Лаврентия.

Предоставляя лоялистам территории на западе Квебека, метрополия преследовала две цели. С одной стороны, вокруг франкоканадцев складывалось бы английское окружение — залог ассимиляции их с этой общностью. С другой стороны, поселения лоялистов вдоль границы с США создавали бы надежную защиту от возможной экспансии

американских соседей с юга, играли бы роль гаранта претензий Англии на земли к северу от Великих озер, служили бы форпостом на торговых путях, важность которых возросла с утратой долины реки Огайо после революции. Не в меньшей степени поддержка лоялистской эмиграции в пограничные районы Квебека объяснялась политическими мотивами: метрополия рассчитывала в лице лоялистов воздвигнуть «барьер против распространения республиканизма с юга» [15].

Расселяя эмигрантов из США, колониальные власти намеренно старались сохранить сугубо иерархическую, полувоенную структуру лоялистских общин. Размеры земельных участков очень сильно разнились в зависимости от воинских званий и рангов, а во внутренней жизни правительство Квебека рекомендовало лоялистам придерживаться военных порядков. Это, естественно, привело к возникновению новых социальных и политических проблем, далеко не способствовавших укреплению колониальных устоев. Несмотря на свою консервативность, лоялисты не хотели примириться с навязываемыми им феодальными принципами. Желающих стать избранными сеньорами оказалось вполне достаточно, охотников превратиться в феодально зависимых держателей найти было не так просто.

С первых же дней существования новых поселений в колонии началось движение за введение свободной системы землепользования, вспыхнули беспорядки, порожденные недовольством привилегированной лоялистской верхушкой, офицерами, узурпировавшими власть в округах — тауншипах, отсутствием представительных выборных органов. Все это в конечном итоге вылилось в движение за отмену Квебекского акта 1774 г.

Во главе движения встали канадские торговцы, чьи интересы вошли в противоречие с действиями колониальных властей. Колониальный режим в Квебеке в годы революции и после ее окончания становился все более жестоким и тираническим. Правившие колонией губернаторы, военные, чиновники и лендлорды с подозрением относились к коммерческой деятельности купцов и торговцев, особенно в новых пограничных районах. Колониальное правительство продолжало сохранять введенные во время войны запреты на частное судоходство по реке Св. Лаврентия и Великим озерам, что наносило большой

ущерб торговле мехами с индейцами. В 1785 и 1786 гг. метрополия наложила запрет на всякую торговлю на море и суше с Соединенными Штатами.

Все это заставляло местных торговцев и предпринимателей добиваться свободы торговли внутри колонии и охраны их торгового капитала от внешней конкуренции. Уже с весны 1783 г. в городах Квебек и Монреаль начали действовать комитеты по составлению петиций с требованием отмены Квебекского акта и выработке плана создания в Канаде выборной ассамблеи. Соответствующая петиция была составлена и отправлена в сентябре 1783 г. английскому парламенту, а 24 ноября 1784 г.— парламенту и королю.

В движении за реформы активное участие принимало и франкоканадское население: прежде всего представители нарождающейся местной буржуазии — франкоканадские торговцы, средние слои — ремесленники и городские жители. В петициях нашли отражение и интересы гораздо менее активного в политическом отношении франкоканадского крестьянства — там фигурировало требование отмены корве.

Колониальная верхушка всячески противилась каким-либо радикальным переменам и прежде всего заботилась об укреплении существующего колониального строя. Губернатор Хэлдимен и его окружение попытались нормализовать положение отдельными уступками. В 1784 г. губернатор ввел в Квебеке «хабеас корпус акт» (хартию вольностей). В 1785 г. сменивший Хэлдимена после его отъезда в Англию губернатор Гамильтон реформировал судебную систему в духе английского права, создав суд присяжных для разбирательства дел, связанных с коммерцией. Это были прежде всего уступки торговцам колонии. Но большего правящая верхушка не могла позволить даже губернатору.

В последние годы существования провинции Квебек движение за реформы приобрело еще больший размах. В 1787 г. в связи с новой волной по сбору подписей под петициями в адрес короля и парламента в колонии возник настоящий политический кризис. Колониальный режим оказался, по сути дела, парализованным, ибо губернатор и Законодательный совет не могли осуществлять даже свою самую непосредственную функцию — собирать налоги и пошлины.

Недовольство существующим положением дел в Канаде, изменение ситуации во всей британской колониальной империи после войны за независимость требовали внесения срочных и необходимых корректив в политику Лондона.

В Англии понимали, что назревшие перемены должны быть осуществлены, конечно, сверху. На этот счет достаточно откровенно высказался назначенный генерал-губернатором Канады в 1786 г. Г. Карлтон, получивший титул лорда Дорчестерского. Приступая к привычным для себя обязанностям, он так сформулировал свое кредо: «Чтобы предоставление последним (имеется в виду колониям.— *В. Т.*) каких-либо уступок имело должный эффект, их следует даровать... дабы казалось, что они результат доброй воли самого правительства. Было бы неразумным позволить лидерам антиправительственной агитации добиться этих уступок бунтами и восстанием и узурпировать у правительства благодарность и доверие народа» [16].

В феврале 1791 г. английский парламент одобрил проект закона о Канаде, который получил название Конституционного акта 1791 г. Этим актом бывшая колония Квебек делилась на две провинции — Верхнюю (английскую) и Нижнюю (французскую) Канаду, граница между ними устанавливалась по реке Оттаве. Каждая провинция имела свое колониальное правительство во главе с губернатором, обладавшим высшей законодательной, судебной и военной властью, колониальный парламент, состоявший из верхней палаты — Законодательного совета и нижней — ассамблеи. Членов Законодательного совета губернатор назначал пожизненно и с наследственным правом, ассамблея избиралась населением на основе имущественного ценза. Все старые законы оставались в силе, так же как и все колониальные ограничения на торговлю и т. д. На территории Нижней Канады сохранялись феодальные порядки, а на территории Верхней Канады земля должна была отныне жаловаться на основе английского свободного держания (фригольда). В Нижней Канаде этот принцип не носил обязательного характера. Римско-католическая церковь по-прежнему имела право на сбор десятины с католиков, но все прочие привилегии получала англиканская церковь.

По сравнению с колониальным устройством предшествующего периода новое в определенном смысле означало

уступку со стороны метрополии. Население Канады в отличие от населения других английских колоний в Северной Америке впервые получило право выбирать представительный орган — ассамблею. Как показал последующий ход событий, колониальные ассамблеи сыграли важную роль в растущем освободительном движении и в завоевании независимости, а установленный, хотя и на незначительной территории, принцип свободного, буржуазного владения землей явился одной из основ развития капиталистических отношений в стране.

Американская революция и последовавшие за ней события в колониальном Квебеке несколько изменили существо франкоканадского национального вопроса. Лоялистская иммиграция повысила удельный вес английского населения в Канаде с 4 до 14%, но общее соотношение между двумя основными группами оставалось прежним: франкоканадцы составляли подавляющее большинство. Однако в хозяйственной и политической жизни колонии они играли ничтожную роль. Торговля и другие сферы деятельности были уделом английского меньшинства. В колониальном правительстве Квебека англоканадцы занимали ведущее положение.

Приток новых поселенцев-лоялистов и упрочившиеся позиции английских торговцев в провинции усилили шовинистические настроения среди английского меньшинства. Лоялисты и монреальские торговцы, ратовавшие за перемены в колониальном режиме, зачастую мыслили процесс демократизации колониальных порядков односторонне и отождествляли его с процессом превращения колонии в чисто английскую провинцию, избавленную от всего французского.

Парламентский акт 1791 г., пожалуй, только в одном сделал уступку франкоканадскому населению — предоставил право выбирать своих представителей в провинциальную ассамблею. Но предоставленное право было химерой, ибо не давало никакой реальной власти. Над ассамблеей стояли такие правительственные органы, которые ей никак не подчинялись и диктовали свою волю. Большинство в этих высших неизбираемых органах и верхушку колониальной администрации составляли лица английского происхождения.

Казалось бы, уступкой франкоканадскому большинству явилось и разделение Квебека на две провинции —

старания англоканадских шовинистов не допустить раздела Лондон не поддержал. Но это вовсе не означало отказа метрополии от политики «расфранцуживания» Канады, а лишь свидетельствовало о намерении проводить ее более гибкими методами. Раздел Канады приносил метрополии двойную выгоду: с одной стороны, путем создания отдельной провинции консолидировалась консервативная сила в лице лоялистов; с другой стороны, обеспечивалась постоянная изоляция французской части Канады в общей системе Британской Северной Америки.

Сохранив формально французское право и законы, Конституционный акт 1791 г. не дал никаких гарантий их соблюдения. Что касается судопроизводства и управления колонией, то здесь использовался только английский язык.

Будучи по своему духу и содержанию мерой противоречивой, паллиативной, акт 1791 г. отражал достаточно последовательно один из принципов английской колониальной политики в Канаде — интегрирование крупной переселенческой колониальной общности европейского происхождения в британскую колониальную систему. В целях обеспечения лояльности подданных метрополия в зависимости от обстоятельств пыталась соединить политику уступок франкоканадскому населению с политикой его «обангличанивания».

Глава 6

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

Развитие капитализма

После Семилетней войны и американской революции Канада стала для Англии единственным оплотом в борьбе против США на Североамериканском континенте. В связи с этим метрополия стремилась как можно быстрее колонизировать ее территорию.

Население Канады в период английского господства росло очень быстро. В 1836 г. в Британской Северной Америке — Нижней и Верхней Канаде, Новой Шотландии и Нью-Брансуике — проживало уже свыше 1 млн. человек. Важнейшим источником роста населения колонии явилась интенсивная эмиграция с Британских островов, которая с 20-х годов XIX в. приняла особенно широкий размах. В те годы после семи—девяти недель трудного пути в Канаду прибывали тысячи обездоленных, жаждавших обрести землю, работу и начать новую жизнь. Однако возможность получения участка за небольшую плату или бесплатно, да еще в удобном месте — недалеко от города или рынка, была для простого иммигранта практически исключена, хотя, как мы помним, Конституционный акт 1791 г. установил систему так называемого свободного держания, или фригольда. Английское правительство и губернаторы провинций бесплатно давали землю лишь тем, кому хотели. Например, в тот период, когда Канаду захлестнула волна лоялистской эмиграции, только в Верхней Канаде перебежчики получили 3,2 млн. акров земли. Львиная доля земли вообще превратилась в собственность лиц, принадлежавших к правительственным кругам, т. е. тем, кто заправлял всей внутренней жизнью колонии. Бесплатные дарения представителям местной правящей верхушки составляли в среднем от 5 до 20 тыс. акров.

В результате в Канаде процветали коррупция и злоупотребления властью, ибо сама система позволяла коло-

ниальным властям распоряжаться землей по своей прихоти, в своих политических интересах и в интересах своего кармана. Этот «фаворитизм» в распределении фонда земель был, по справедливому мнению канадского историка Н. Макдональда, главным пороком земельной политики, «самой гадкой и самой скандальной страницей ранней колониальной истории и основным препятствием прогрессу, вызывающим горькое разочарование, подозрительность и недовольство» [1].

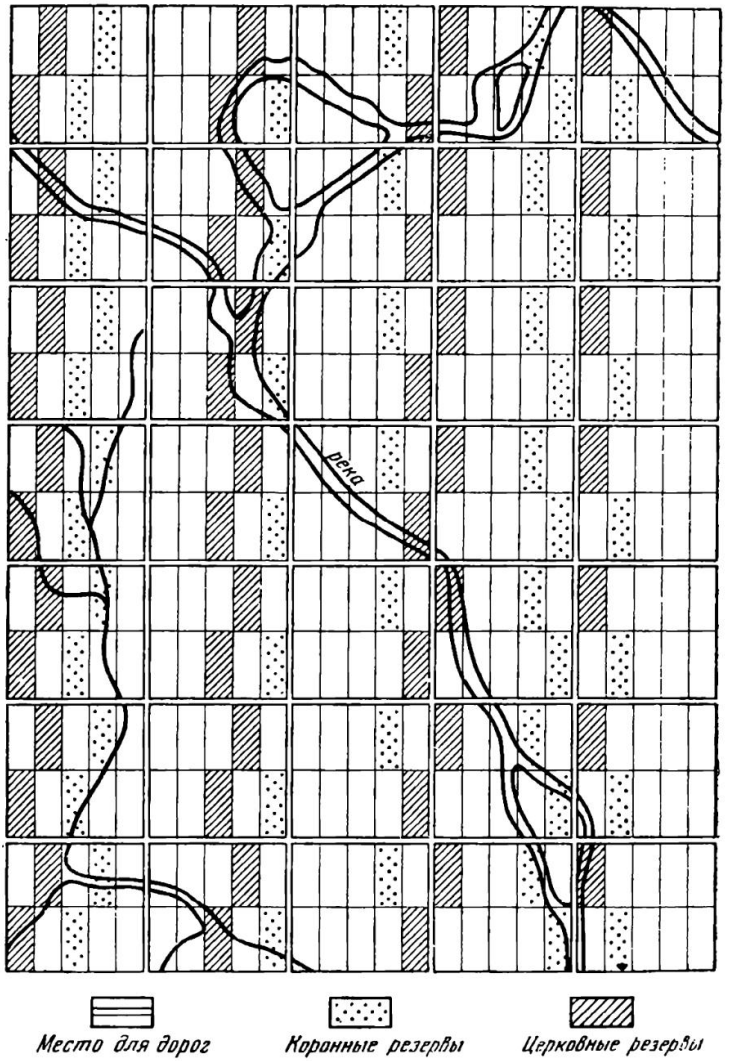
К 30-м годам XIX в. общее количество земли, державшейся на феодальном праве крупными лендлордами-латифундистами, как «старыми» сеньорами долины реки Св. Лаврентия, так и «новыми», появившимися после английского завоевания, было весьма значительным: в Нижней Канаде, например, около 10 млн. акров. Большая часть этой земли не обрабатывалась.

Немало земель резервировалось в пользу церкви. При размежевании седьмая часть всех участков в каждом тауншипе сразу же отдавалась англиканскому духовенству. Столько же отходило церкви и от частных пожалований. Хотя пустующие земли не приносили доходов, церковники не стремились их заселять и обрабатывать: земельные отрезки являлись выгодным объектом для спекулятивной продажи в условиях, когда цена на землю постоянно повышалась.

Седьмую часть всех пожалованных земель получала и корона. Доход от них поступал в королевскую казну. В 30-х годах XIX в. коронные земли и церковный фонд составляли впушительную цифру — около 5 млн. акров только в Верхней Канаде!

Стихийным проявлением борьбы колонистов против попыток английских властей насадить в колонии крупное землевладение явилось скваттерство. Скваттеры занимали участки земли и нередко без всяких помех пользовались ею десяток лет и более.

Аграрная политика метрополии и местной олигархии привела к подрыву хозяйства колонии, к бедственному положению народных масс и к росту недовольства среди населения. Вокруг вопроса о земле сложился целый комплекс противоречий, важнейшим из которых было противоречие между колониальной политикой Великобритании, направленной на сохранение в колонии феодальных институтов и крупного землевладения, с одной стороны,



План типичного тауншипа с участками земли, зарезервированными в пользу короны и церкви

и стремлением канадских поселенцев добиться владения землей на принципе свободной буржуазной собственности — с другой. Это противоречие явилось одной из главных предпосылок для антиколониальной буржуазной революции в Канаде.

Аграрная экономика колониальной Канады имела многоукладный характер. В деревне уживались и полунатуральные хозяйства: феодально зависимых абитанов и фермеров-пионеров на передовой черте поселения; мелкотоварные хозяйства: свободных фермеров — производителей зерна; крупные хозяйства капиталистического типа.

Сельское хозяйство Нижней Канады еще на заре XIX в. начало переживать упадок. Кривая экспорта хлеба из провинции в течение всей первой трети XIX в. падала вниз. В 30-е годы неурожаи в долине реки Св. Лаврентия следовали один за другим. Они сопровождались опустошительными налетами саранчи, уничтожавшей и без того скудные посевы.

Столь бедственное положение рождало естественное недовольство в среде крестьян. Английский лорд Дарэм в докладе о состоянии дел в Британской Северной Америке подчеркивал, что французская система держания земли была непопулярна среди абитанов, и они стремились всячески избавиться от нее. «Причиной страдания масс французского населения были злоупотребления сеньориальной системой. Есть все основания полагать, что большинство крестьян, сражавшихся у Сен-Дени и Сен-Шарля (места вооруженных сражений повстанцев с королевскими войсками в Нижней Канаде в 1837 г.— *В. Т.*), надеялись, что в случае победы ее главным результатом будет уничтожение церковных податей и других форм феодального бремени» [2].

В Верхней Канаде, где крупная буржуазная собственность утверждалась на новых землях, хозяйство сразу же стало строиться на капиталистической основе. Подобно новым дворянам в Англии эпохи буржуазной революции XVII в., «новые» сеньоры сдавали свою землю отдельными участками в аренду, за плату, которая обычно составляла половину урожая. Многие поселенцы, не имевшие достаточно денег для покупки собственной фермы, арендовали эти участки.

Основной хозяйственной ячейкой в канадской деревне в период английского господства все чаще становятся хо-

зяйства свободных мелких фермеров — производителей зерна. В первой трети XIX в. число свободных фермеров в Канаде заметно растет. Обширные районы Верхней Канады к северу от озера Онтарио быстро осваиваются многочисленными иммигрантами. Широкие плечи и жилистые руки поселенцев-пионеров превращают канадские дебри в плодородные поля, приносящие богатые урожаи хлеба.

Главным рынком сбыта колониального зерна является метрополия. Но с 1815 г. в Великобритании принимается ряд «хлебных законов», от которых канадские фермеры несут большие убытки. В 1831 г. Актом о колониальной торговле английский парламент в интересах английских купцов и судовладельцев, наживавшихся на транзитной торговле между Канадой и США по реке Св. Лаврентия, отменяет все пошлины на сельскохозяйственные продукты, ввозимые в Британскую Северную Америку. Американская пшеница получает свободный доступ в Канаду. Это немедленно сказывается на ценах и сильно ударяет по канадским фермерам. Противоречия между интересами канадских фермеров и колониальным режимом все более обостряются.

В первой трети XIX в. прежняя основа канадской экономики — добыча меха и пушная торговля — утратили свое первостепенное значение. Ведущими ее отраслями стали лесная промышленность и судостроение. Лесоразработки велись в основном в долине реки Св. Лаврентия и в низовьях реки Оттава. В разных местах на территории Канады возводилось большое количество новых лесопильных заводов. В 1831 г. в Нижней Канаде насчитывалось 737 лесопилен, в Верхней Канаде — 680. Важным продуктом лесной промышленности был поташ, который вывозился в Англию для нужд текстильного и химического производства и составлял одну из доходных статей канадского экспорта. Только в Нижней Канаде в 1831 г. существовало 489 поташных заводов. Что касается судостроения, то лишь в 1825 г. в Нижней Канаде сошло со стапелей 61 судно общим водоизмещением 22 636 т, а всего в канадских провинциях — 422 судна. В крупный центр судостроения превратился Квебек. В Монреале и Торонто на литейных мануфактурах наряду с металлическими плугами и другими изделиями уже делали пароходные двигатели. Первый деревянный пароход в Канаде был спу-

щен на воду в 1809 г. Пароходы имели водоизмещение от 50 до 500 т, и в 1819 г. их насчитывалось в Канаде уже свыше десяти.

Но успешное развитие лесной промышленности и судостроения продолжалось недолго. С переходом в 30-х годах XIX в. от деревянного к металлическому судостроению и от парусных судов к пароходам эти две ведущие отрасли вступили в период глубокого кризиса.

В Канаде, хотя и медленно, продолжала набирать силу металлургическая промышленность. На железоделательном заводе в Сен-Морисе, построенном еще в середине XVIII в., в 30-х годах XIX в. трудилось уже около 300 рабочих: в большинстве своем франкоканадцы, надсмотрщиками выступали англичане. В Нижней Канаде действовали три бумажные мельницы (самая крупная из них выпускала 600 т бумаги в год), в Верхней Канаде — пять-шесть фабрик, в Сент-Джонсе — фабрика по производству стекла.

Начинает зарождаться в Канаде и собственная хлопчатобумажная промышленность. В Шербруке и Шамбли функционировали фабрики по производству полотна, в Монреале — три специальных завода по производству канатов и веревки из конопли. Правда, предприятия эти мелкие, с ограниченным использованием наемного труда.

О развитии капиталистических производственных отношений свидетельствует увеличение городского населения, рост старых и возникновение новых городов. Крупными промышленными и торговыми центрами становятся Монреаль и Квебек в Нижней Канаде, Галифакс в Новой Шотландии, Торонто в Верхней Канаде. Вот что писал о Торонто Чарлз Диккенс, посетивший Канаду в конце 30-х годов: «Город лежит на совершенно плоской равнине, а потому его окрестности ничуть не живописны, зато сам он полон жизни и движения, суматохи, деятельности и стремления к усовершенствованию. Улицы прилично вымощены и освещаются газовыми фонарями; дома большие и хорошие; магазины превосходные. Витрины многих из них могли бы потягаться с витринами в главном городе какого-нибудь процветающего графства Англии, а иные не посрамили бы и столицы» [3].

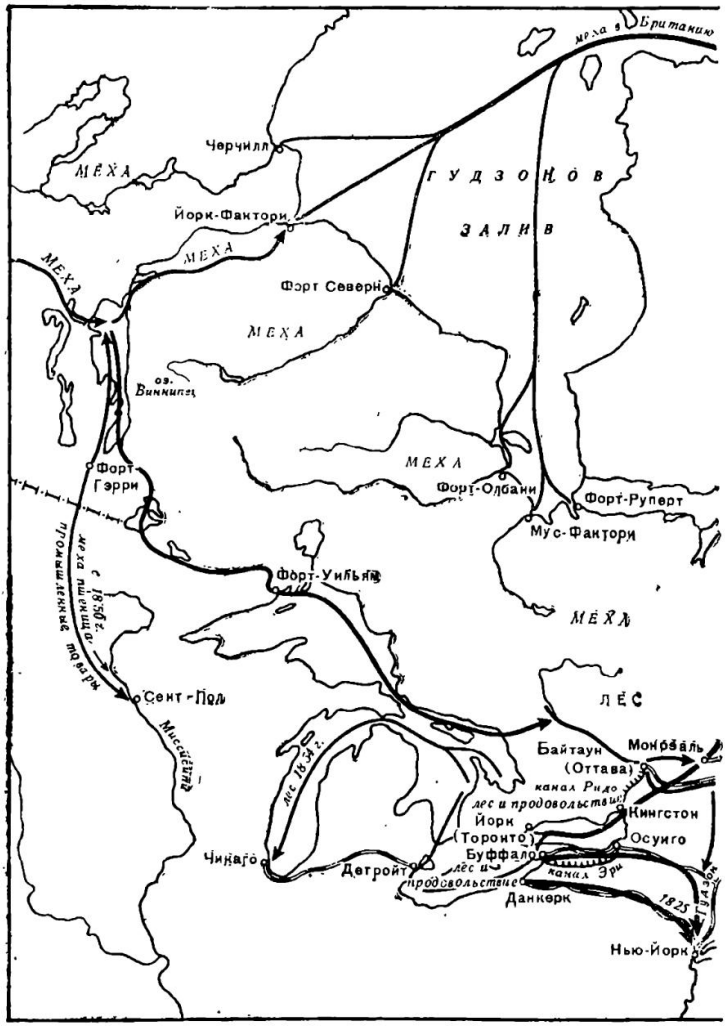
В этот период промышленность и внутренний рынок Канады все более требовали активных капиталовложений. Первый банк в Британской Северной Америке возник в

1817 г. в Монреале. К 1837 г. в канадских провинциях было 18 банков. Крупные банки представляли собой привилегированные корпорации, тесно связанные с правительственными кругами.

Положение местной канадской буржуазии в период английского господства вряд ли можно назвать процветающим. В основном она занималась мелкой торговлей и мелким бизнесом. Вся крупная торговля колонии, экспорт и импорт, сосредоточивались в руках торговых компаний и различных акционерных обществ, финансируемых из-за границы.

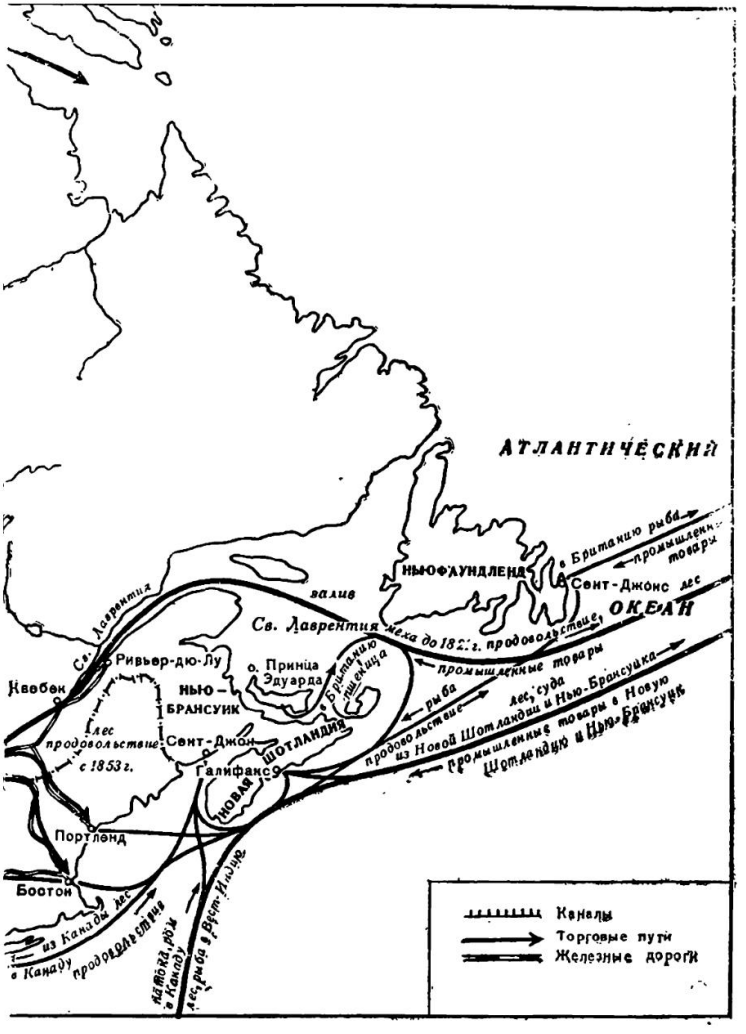
Объем внешней торговли Канады постоянно возрастал. «Корабли, построенные в сих колониях (в Канаде.— *В. Т.*), нагружаются ежегодно 30 тыс. тонн по 7 ф. ст. за тонну, а количество грузов на кораблях, принадлежащих собственно колониям, простирается до 350 тыс. т»,— сообщала своим читателям в 1837 г. русская газета «Московские ведомости» [4]. Англия импортировала в Канаду прежде всего промышленные изделия, спиртные напитки, чай, специи, табак, кофе. Основу канадского экспорта в метрополию составлял лес. Кроме этого, Канада вывозила свинину, рыбу, поташ, меха, соль и другие товары. Как поставщик хлеба колония утвердилась еще в самом начале XIX в. Однако на протяжении десяти лет, с 1827 по 1836 г., объем канадского экспорта увеличился совсем незначительно, в то время как ввоз товаров из Англии — почти в три раза. Общий пассив торгового баланса составил в 1836 г. более 2 млн. ф. ст. Английские промышленные товары продавались в Канаде на 50—75% дороже, чем в Англии. Это был колоссальный косвенный налог для населения колоний и значительный источник доходов для правящих классов Англии. Торговля метрополии с колонией служила одним из основных методов колониальной эксплуатации населения Канады Великобританией.

Канадская национальная экономика и торговля были буквально втиснуты в прокрустово ложе колониальных ограничений. Стремление широких слоев канадцев освободиться от них становилось все более настойчивым. «Пусть нам позволят покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом, который нам доступен, пусть наша торговля будет освобождена от всех ограничений... Ошибочно думать, что наше процветание создается колониальной системой торговли... Оно создается трудолюби-



Экономические связи Канады в период английского колониального господства

вым народом, развивающим страну, обладающую большими природными богатствами, и требование нашего времени заключается в том, чтобы освободиться от английской зависимости» [5],— писала канадская пресса.



Таким образом в Канаде возникает острое противоречие между интересами развивающейся самостоятельной канадской экономики и потребностями канадского капитализма, с одной стороны, и старыми, отжившими формами хозяйственных отношений и колониальным режимом, с другой. В Канаде зреют экономические предпосылки для буржуазной антиколониальной революции.

Кризис политического строя

Характер экономического развития и колониальная зависимость обусловили сложную картину социальных и политических отношений в Канаде, глубокие противоречия между основными общественными группами.

Основу господствующей колониальной верхушки составляла землевладельческая аристократия не только английского, но и французского происхождения. В правящие круги входили также представители крупной торговой и финансовой буржуазии английского происхождения и высшее англиканское духовенство.

Нажив немалые суммы на мехоторговле и торговле лесом, часть представителей старой торговой английской буржуазии в первой трети XIX в. покинула страну, часть — приобрела сеньории, а часть — попыталась перевести свое дело на капиталистические рельсы. Эту новую «деловую элиту», по определению канадского историка Ф. Уэлле, составляли «импортеры, торговцы лесом и зерном, судовладельцы и акционеры банков» [6]. Они по-прежнему рассматривали колонию лишь как место для выгодного вложения капиталов и сохраняли тесные связи с метрополией. Крупная, преимущественно монреальская, буржуазия была заинтересована в сохранении старого порядка. Здесь ее интересы совпадали с интересами землевладельческой аристократии. На этой почве в Канаде сложился союз крупных торговцев-буржуа и лендлордов-латифундистов. Он был вдвойне реакционным и паразитическим, ибо «его положение зависело от низкопоклонства перед английскими колониальными чиновниками, а его богатство — от тяжелого труда канадских поселенцев» [7].

Правящая верхушка безраздельно господствовала во всех сферах жизни канадских провинций. Вот что, например, пишет современник: «На протяжении многих лет эта группа людей, получая то и дело пополнение, занимает почти все высшие государственные должности, благодаря которым, а также своему влиянию в Исполнительном совете, прибрала к рукам всю правительственную власть. Она верховодит в Законодательном совете и сохраняет свое влияние и на решение важнейших дел провинции. Кроме того, «семейный союз» держит под своим контролем по всей провинции большое число второ-

степенных должностей, которые находятся в ведении правительства... Суд, магистрат, высшие должностные лица епископальной церкви, большинство юристов состоят из приверженцев этой партии. В качестве пожалований или за деньги они приобрели почти все свободные земли провинции. Они полновластные хозяева в банках и до последнего времени делили между собой почти исключительно все должности в советах компаний, а заодно и прибыль» [8].

Удобно примостившись у кормила власти, презирая народ и не заботясь об интересах провинций, правящая клика все больше разлагалась и деградировала. Ее представители пытались копировать высший свет метрополии: строили жилища на манер английских усадьб, устраивали пышные трапезы, выезжали в экипажах, украшенных фамильными гербами, в сопровождении лакеев в ливреях с позументами. «Я не ожидала обнаружить здесь,— писала из Торонто английская писательница-путешественница А. Джемисон,— в этой новой столице новой страны с безграничными лесами вокруг средоточие самых худших пороков старой социальной системы, которая существует у нас дома. Торонто, подобно самому захудалому провинциальному городишке, обладает в то же время претензиями на столичный город. Здесь имеется своя мелкая колониальная олигархия, самозванная аристократия, которая ни на что реальное не опирается» [9].

Всевластие крупных землевладельцев и крупной буржуазии вызывало недовольство местной национальной буржуазии — мелких и средних предпринимателей, лавочников, купцов-посредников, занимавшихся розничной торговлей, которые составляли довольно значительную прослойку. В их интересах было освободить страну от колониальных пут и уничтожить господство местных клик. В этом их стремления совпадали с чаяниями всего народа и носили общедемократический характер. Но нельзя забывать о том, что национальная буржуазия сама выступала как эксплуататор по отношению к массе простых поселенцев. Купцы и лавочники опутывали долгами и разоряли фермеров. Методы капиталистической эксплуатации не были чужды и мелким предпринимателям. В крайне сильной зависимости от купцов и ростовщиков находились земледельцы в отдаленных районах, вынужденные почти всю связь с внешним миром осуществлять через

посредников. В. И. Ленин писал, исследуя процесс развития капитализма в России: «Чем захолустнее деревня, чем дальше она отстоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия,— тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение» [10].

К средним, непривилегированным, слоям принадлежала часть мелких канадских сеньоров — те, кому не достались высокие оклады и синекуры и не нашлось места в рядах новой аристократии. Многие сеньоры прозябали в провинциальной глуши, их доходы и влияние катастрофически падали. Именно этим можно объяснить тот факт, что некоторые представители мелкопоместного франкоканадского дворянства приняли участие в политической борьбе за демократические реформы и даже стали выдающимися лидерами национально-освободительного движения, как, например, Луи Жозеф Папино.

Общее развитие колонии привело к появлению значительной и активной в политическом отношении прослойки местной разночинной интеллигенции. В 1827 г. только в Нижней Канаде насчитывалось 168 нотариусов, 145 мировых судей, 467 врачей, около 300 учителей. Эти люди также страдали от засилия олигархических клик. В особо бесправном положении находилась франкоканадская интеллигенция. Не случайно из этой среды вышли многие деятели освободительного движения.

Большинство населения колонии составляли фермеры-аграрии. Жизнь их была тяжелой и безрадостной. Весной, летом и осенью как мужчины, так и женщины трудились на полях, зимой они занимались охотой и рыболовством. Постоянным спутником франкоканадских крестьян был голод. Весной 1837 г. газета канадских патриотов писала о положении в округе Римуски: «Если бы наш корреспондент проехал сейчас по бедствующим районам провинции, он обнаружил бы огромное число семей, которых голод выгнал из дома на улицы, заставил их ходить и осаждать двери как богатых, так и бедных. Если бы он вошел в их дома, то обнаружил бы кучу детей, бледных, дрожащих, ищущих хлеба. А у их матери нет ничего, кроме слез: последнюю корку хлеба она им разделила еще вчера» [11].

На нижней ступени колониального общества стоял и пока еще немногочисленный класс наемных рабочих, занятых в основном на строительстве каналов (на строительстве канала Ридо в один сезон работало свыше тысячи человек по найму), а также в районах интенсивной лесодобычи. Лесорубы и сезонные строители подвергались безжалостной эксплуатации. Это были парии общества — бедные эмигранты из Ирландии, разорившиеся фермеры, отходники. Именно на лесосеках долины реки Оттавы и строительстве каналов вспыхнули первые искры открытого недовольства.

В 1827 г. в Квебеке возник первый профсоюз — рабочих-печатников. В 1830 г. в Монреале начал действовать профсоюз обувщиков, в 1833 г. в Верхней и Нижней Канаде уже существовали профсоюзы печатников, плотников, портных и рабочих других профессий.

Что касается коренных обитателей, то в первой трети XIX в. в Канаде жили уже только остатки некогда могущественных индейских племен. Их последняя героическая попытка добиться самостоятельности была связана с англо-американской войной 1812—1814 гг. Конфедерация индейских племен на территории США и Канады под руководством легендарного Текумсе приняла участие в военных действиях на стороне Великобритании в надежде отстоять свои права на землю, но на переговорах в Генте при заключении мира англичане предали своих храбрых и верных союзников.

Условия существования канадских индейцев были ужасными. Упоминавшаяся уже А. Джемисон писала: «Они (индейцы.— *В. Т.*) сообщили мне, что их племя чиппева живет в окрестностях озера Гурон, где охотничий сезон был неудачным. Племя страдает от сильного голода и морозов, и они пришли сюда, чтобы просить Великого отца — губернатора дать им пищу и теплую одежду для женщин и детей. Они прошли по снегу 180 миль, и последние сутки никто из них не имел ничего во рту» [12]. Индейцы подвергались самой жестокой эксплуатации со стороны колониальных властей, многочисленных спекулянтов, торговцев и прочих любителей наживы. Зачинщиком грабежа был департамент по делам индейцев, сотрудники которого пользовались устойчивой репутацией жуликов и плутократов. Особой бесцеремонностью в обращении с индейцами отличались торговые компании

Гудзонова залива и Северо-восточная, которые продолжали спаивать и обирать коренных жителей.

Бесчеловечное обращение и нужда вызывали сильное недовольство индейского населения, которое выливалось иногда в кровавые столкновения с колонизаторами. Так, в августе 1816 г. индейцы поселения Ред-Ривер (владения Компании Гудзонова залива) восстали против чиновников. В результате стычки 21 служащий компании и ее местный правитель были убиты.

Обострению социальных противоречий в канадском обществе сопутствовал кризис политического строя и национальных отношений в колонии. Обладавшие неограниченной властью губернаторы провинций и генерал-губернатор Британской Северной Америки, будучи военными по профессии, как правило, плохо разбирались в вопросах гражданского управления и совсем не знали канадской действительности. Всеми делами провинции заправляли Исполнительные советы, в которые, как мы помним, входили представители колониальной верхушки. В Верхней Канаде на протяжении 20 с лишним лет первую скрипку в совете играл лидер «семейного союза» архиепископ Торонто Джон Страхан.

На страже колониального режима стояли и Законодательные советы. Любой неугодный властям законопроект, одобренный ассамблеей, безнадежно застревал в этой инстанции. В годы борьбы за реформы накануне восстания 1837 г. в Нижней Канаде Законодательный совет похоронил 234 законопроекта, а в Верхней Канаде — 325!

Как уже говорилось, единственными выборными правительственными органами в колонии были провинциальные ассамблеи. Однако в условиях существовавшего строя они не обладали абсолютно никакой реальной властью, хотя олигархическая верхушка лезла из кожи вон, чтобы доказать сходство механизмов управления в колонии и метрополии. Это послужило поводом для довольно едкого замечания Ч. Диккенса в связи с открытием в одной из канадских провинций сессии местного парламента: «Церемония эта была столь тщательной копией с ритуала, соблюдаемого при открытии сессии парламента в Англии, с такой торжественностью,— только в меньших масштабах,— были выполнены все формальности, что казалось, будто смотришь на Вестминстер в телескоп, только с обратного конца» [13].

Выборы в ассамблею проходили под контролем, а часто при грубом нажиме со стороны властей. Иногда избирателей попросту подкупали. Так, во время выборов 1836 г. голосовавшим за сторонников правительства тут же на месте выдавали патенты на участки земли.

И все же защитникам колониальных порядков год от года становилось все труднее обеспечивать лояльное большинство в нижней палате. Недовольство широких масс росло столь интенсивно, что начиная с 20-х годов XIX в. (а в Нижней Канаде еще раньше) население избирало в состав ассамблеи именно таких депутатов, которые выступали против правящей клики и колониального режима. Как правило, это были мелкие бизнесмены, адвокаты, реже — сеньоры и фермеры.

После англо-американской войны 1812—1814 гг. ассамблеи окончательно превратились в центры оппозиционных колониальному режиму сил и вступили в открытый конфликт с правительством.

Недовольство большинства населения провинций вызывала судебная власть в колонии. Она была объектом острой критики со стороны канадских патриотов. Судьи являлись послушным орудием в руках колониальной элиты, с их помощью местная олигархия на протяжении десятилетий расправлялась с неугодными и неблагонадежными с ее точки зрения лицами.

Коррупция имела место не только в высших судебных инстанциях, но и в кругу мировых судей. В одном из памфлетов тех лет писалось: «Лавочники занимают должности мировых судей. Они могут назначать на свои товары грабительские цены и одновременно обладают полномочиями принуждать к платежам. Сначала они преступники, а затем судьи... Деятельность нашего суда несправедливая, угнетательская и подвержена влиянию сверху» [14].

Бедные поселенцы часто жаловались на беззакония, чинимые судебными властями: «Какой смысл подавать в суд на богатого. С ним невозможно мериться силой, так как судья все равно решит дело в его пользу». В результате в колонии процветало взяточничество, а общественные деньги нередко присваивали себе частные лица.

Колониальной казной бесконтрольно распоряжался губернатор. Она пополнялась за счет многочисленных налогов и поборов с поселенцев. Например, существовали

палоги на бревенчатые и каркасные дома, на необрабатываемую часть земли для проживающих на ней владельцев, на рогатый скот, на лошадей, на кареты, на мельницы, на лесопильни и т. п. Почти каждая необходимая вещь облагалась налогом. Именно поэтому вопрос о налогообложении и о контроле над финансами провинции стал одним из основных в ходе освободительного движения в Канаде.

Важное место в колониальной системе занимала церковь. Католическая церковь, сохранив за собой некоторые права, стала ближайшим союзником и верной опорой колониального режима. «История отношений между колониальным правительством и церковью — это история потрясающей сделки, которая когда-либо имела место между церковными и государственными властями, чувствовавшими себя не способными что-либо сделать без обоюдного сотрудничества, но пытавшимися в то же время отстоять свои собственные интересы. Эта борьба была скрытой, взаимоотношения между сторонами облекались в дипломатическую форму, и каждая сторона уважала друг друга» [15]. Католическая церковь имела огромные доходы и пользовалась большим влиянием среди франкоканадского населения. Но еще более прочные позиции в колониальной Канаде того времени занимала англиканская епископальная церковь, за которой метрополия официально закрепила положение господствующей, «установленной» церкви. Эта церковь, крупнейший собственник земли, самым тесным образом была связана с колониальными властями, ее высшее духовенство составляло часть правящей олигархической клики.

В первые десятилетия XIX в. в Канаде еще более обострились далеко не дружественные отношения между франко- и англоканадцами. Ярко выраженную ассимиляторскую политику развернула администрация генерал-губернатора Джеймса Крэйга. Крэйг ненавидел франкоканадцев, подозрительно относился к их религии, сомневался в их лояльности и не верил в их способность управлять страной. Таким же было и его ближайшее окружение. Главный судья провинции Сьюэлл открыто заявлял, что Канада «должна быть превращена в чисто английскую колонию или же она будет окончательно потеряна» [16].

Характерная особенность национального вопроса в ко-

лонии заключалась в том, что с самого начала национальные противоречия в Канаде теснейшим образом переплелись с классовыми.

В основе политики дискриминации и угнетения французского населения лежали прежде всего классовые интересы колониальной аристократии и английской торговой и промышленной буржуазии, захватившей в свои руки оптовую торговлю с метрополией, США и Вест-Индией, командные высоты в ведущих отраслях промышленности — судостроительной и лесной, банковский и промышленный капитал. Что касается франкоканадцев, то они составляли основу трудящихся классов, подавляющее большинство населения сельских округов провинции.

Итак, мы можем говорить о существовании не просто национальных и классовых противоречий в колониальной Канаде, а о значительном совпадении тех и других. В основе национальных противоречий между франкоканадским большинством и английским меньшинством лежал классовый антагонизм между эксплуатируемым и угнетенным большинством населения колонии и господствующей колониальной верхушкой.

Борьба за реформы

Движение за проведение реформ и демократизацию существующего в колонии порядка началось еще в годы американской революции и борьбы за отмену Квебекского акта. Сильное влияние, особенно на французскую, Канаду оказала буржуазная революция 1789 г. во Франции. Несмотря на разрыв связей франкоканадцев с бывшей метрополией, в Канаде задолго до штурма Бастилии хорошо знали идеи французских энциклопедистов, крупнейших мыслителей эпохи Просвещения. В библиотеках Квебека и Монреаля имелись собрания сочинений Гельвеция, Монтескьё, Руссо, Вольтера, Мабли, «Энциклопедия» Деламбера и Дидро.

С 1778 г. в Монреале стала выходить оппозиционная колониальным властям франкоязычная «Коммерческая литературная газета», на страницах которой развернулась дискуссия о вольтерьянских идеях. На банкетах в Квебеке по случаю вступления в силу Конституционного акта звучал тост: «За революцию во Франции и подлинную свободу во всем мире!» На первом же засе-

дании ассамблеи Нижней Канады депутаты настояли на избрании спикером франкоканадца и введении двуязычия в провинциальном парламенте. Отстаивая это требование, один из депутатов — журналист Пьер Бедар — остроумно заметил: «Если завоеванные всегда должны говорить на языке завоевателей, тогда почему бы англичанам не говорить на языке норманнов?» [17].

Известие о революции во Франции, казни короля и начале войны между Англией и Францией взбудоражили жителей Нижней Канады. В 1792 г. в провинции было составлено обращение на имя консула Французской республики в Нью-Йорке с просьбой о помощи в борьбе с «угнетателями в Канаде» [18].

Французские дипломаты в колонии подогревали подобные настроения и устанавливали контакты с республикански настроенными жителями. Летом 1793 г. посол французской республики в США Эдмон Женэ вместе с молодым франкоканадцем Мезье составили обращение «Свободные французы — братьям в Канаде». Обращение звучало страстно и убежденно: «Это — ваша страна. Она должна быть независимой. Благоприятный час настал, восстание — вот ваш священный долг... Порвите с правительством, которое перерождается с каждым днем и превратилось в самого злейшего врага свободы народов!.. Канадцы, беритесь сами за оружие, позовите на помощь индейцев. Рассчитывайте на поддержку своих соседей и французов!» [19]

Под влиянием революционной пропаганды французов ситуация в Канаде серьезно обострилась. Это заставило колониальные власти принять чрезвычайные меры: специальной прокламацией было запрещено обсуждение политических событий, происходивших в мире. Парламент издал закон, предусматривавший арест всех, кто станет заниматься «подрывной деятельностью». Но поставить заслон освободительному движению не удалось. Весной 1794 г. в провинции начались массовые выступления поселенцев. Франкоканадцы не подчинялись приказу губернатора и отказывались идти на военную службу. В окрестностях Бопорта и Карлсбурга вспыхнуло настоящее восстание: 300 вооруженных жителей в течение нескольких дней контролировали действия местной администрации и не позволили осуществить набор милиционеров.

Новые волнения в среде франкоканадцев произошли в 1795 г. в связи с экономическим кризисом и неурожаем. В провинции распространялось новое обращение и шла вербовка на сторону «тех, кто поставил своей целью свершение революции в Нижней Канаде» [20]. Оживилась антианглийская агитация жителей северных штатов США на американо-канадской границе.

Для подавления оппозиционных настроений колониальные власти использовали свой союз с римско-католическим духовенством, ряды которого пополнялись французскими священниками-эмигрантами, бежавшими от революции в своей стране. Последние немало потрудились над тем, чтобы создать самое превратное представление о событиях во Франции. Чрезвычайными мерами англичанам удалось предотвратить дальнейшее нарастание антиколониального движения в Канаде. Однако положение в колонии оставалось критическим вплоть до 1797 г.

Новый этап освободительной борьбы начался в первое десятилетие XIX в., когда франкоканадская мелкая буржуазия и интеллигенция выступили против ассимиляторской политики и произвола губернатора Крэйга и его окружения. В 1806 г. в Нижней Канаде стала выходить газета «Канадиен», вокруг которой сгруппировались радикально настроенные депутаты ассамблеи во главе с Пьером Бедаром. В то время «по провинции распространялись песни и пасквили дурного вкуса с целью разжечь страсти,— писал один из первых историков Канады.— Страницы газеты «Канадиен» изобиловали обличениями в адрес правительства. В официальных кругах тайно высказывались опасения насчет возможных интриг и восстания» [21].

Росту национального самосознания населения Канады и подъему освободительного движения способствовала англо-американская война 1812—1814 гг. Не успели закончиться военные действия, как ассамблея в Нижней Канаде вновь выступила с требованием преобразований в колонии. Сторонники реформ, или как их называли в провинции — «реформисты», подняли вопрос об установлении контроля над доходами и бюджетом провинции и ограничении власти губернатора.

Политическая борьба в Нижней Канаде обострилась и вышла за стены местного парламента в 1822 г. в связи с проектом объединения провинций Нижняя и Верхняя Ка-

нада, вынесенным на обсуждение английского парламента под прямым давлением правящих кругов колонии и главным образом крупного монреальского купечества. Политическая направленность «Юнион-билля» была очевидной: дальнейшее «обангличанивание» населения французской Канады, устранение с политической арены непокорной провинциальной ассамблеи Нижней Канады и тем самым установление преграды растущему национально-освободительному движению франкоканадского населения.

Известие о проекте объединения всколыхнуло провинцию. Митинги состоялись в Квебеке и Монреале. Собравшиеся на них горожане избрали «конституционные комитеты» по выработке петиции в адрес короля и английского парламента. Под петицией в самые короткие сроки поставили свои подписи около 60 тыс. человек.

На выборах 1827 г. реформисты Нижней Канады во главе со своим лидером Л. Ж. Папино получили полную поддержку избирателей. Новая ассамблея дважды разгонялась губернатором Дальхаузи, но сломить ее оппозиционный дух не удалось. Недовольство политикой властей охватило почти всю провинцию. Зимой 1827—1828 г. митинги протеста прошли в Монреале, Квебеке, Труа-Ривьере, Сен-Бенуа, Сен-Дени, графствах Йорк, Ришельё, Кент, Бедфорд, Уорвик, Хантингтон и др. На собраниях поселенцев избирались новые конституционные комитеты, а в дистрикте Труа-Ривьер был создан объединенный конституционный комитет ряда округов. В Англию конституционные комитеты направили депутацию с петицией, под которой стояло 87 тыс. подписей. Одновременно аналогичную петицию доставили в Лондон из Верхней Канады. Канадской миссии удалось добиться рассмотрения петиций в палате общин и отзыва лорда Дальхузи с поста генерал-губернатора Британской Северной Америки.

Зимой 1831—1832 г. власти от политики «умиротворения» и обещаний перешли к новым репрессиям против демократических сил. Подверглись аресту редакторы двух ведущих оппозиционных газет Нижней Канады — «Минерв» и «Виндикэйтор». Во время дополнительных выборов в ассамблею весной 1832 г. в Монреале произошло столкновение населения с солдатами, которые открыли по толпе огонь, в результате чего трое были убиты, двое ранены. Во время похорон жертв расстрела состоялась

четырехтысячная демонстрация. Прекратили работу магазины и мастерские, город оделся в траур.

Петиции и резолюции митингов послужили сторонникам Папино основой для выработки политической платформы освободительного движения. В феврале 1834 г. ассамблея приняла так называемые 92 резолюции, главное место в которых заняла критика существовавшего в колонии политического строя и программа коренных реформ системы управления страной. Резолюции выражали решимость патриотов отстаивать принципы полного равноправия англоканадцев и франкоканадцев.

Патриоты не сформулировали четко требование о предоставлении национальной независимости, однако оно естественно вытекало из самого содержания резолюций. «Пришло время понять,— говорилось в них,— что самоуправление гораздо лучше, чем управление извне, которое Британская Америка имеет сейчас, и это заставляет выступить за ликвидацию колониального правительства» [22].

Кстати, современники прекрасно поняли это. В декабре 1836 г. русский посланник в США Кремер писал министру иностранных дел России графу Нессельроде: «Главная цель, которую ставит перед собой пользующаяся большим влиянием партия реформистов Нижней Канады,— это установление Законодательного совета на принципе народных выборов. Это нововведение обязательно создало бы ситуацию, при которой мирные отношения между Канадой и Великобританией стали бы невозможными» [23].

Программа патриотов нашла горячую поддержку среди самых широких слоев населения. К весне 1834 г. митинги состоялись почти в 20 графствах провинции. Их участники создали постоянно действующие «комитеты бдительности и связи», призванные мобилизовать поселенцев и руководить их коллективными действиями. По справедливому мнению канадского историка С. Кларка, комитеты превратились в органы народной власти на местах, «ассамблеи графств» [24].

7 апреля 1834 г. в Монреале состоялся конвент делегатов, избранных в графствах дистрикта Монреаль, затем был создан Постоянный центральный комитет дистрикта Монреаль, в состав которого вошли Папино, Нельсон, Браун и другие радикально настроенные политические деятели. Монреальский ПЦК стал руководящим

органом патриотов. «Здесь находило отклик и приветствовалось каждое выступление во всех частях провинции, здесь рождались новые планы повсеместных действий» [25],— писал активный участник движения Т. Браун.

Летом 1834 г. патриоты призвали население к бойкоту английских товаров. Обстановка в Нижней Канаде была настолько напряженной, что в декабре 1834 г. монреальский корреспондент сообщал в Лондон: «Взгляды партии сейчас раскрыты, маски сброшены: не реформы, а революция является их целью» [26]. С весны 1835 г. в различных районах провинции стали создаваться отделения Ассоциации сторонников реформ. Освободительные силы Нижней Канады приобрели теперь не только политическую платформу, но и собственную организацию.

В это время правительство Великобритании направило в Канаду королевскую комиссию во главе с лордом Госфордом с целью изучить и по возможности решить проблемы колонии. Госфорд, занявший пост генерал-губернатора, и новый губернатор Верхней Канады Фрэнсис Хэд скоро показали себя ловкими манипуляторами словами, а не сторонниками каких-либо изменений.

К концу 1836 г. королевская комиссия закончила свою работу и высказалась против введения независимого «ответственного управления» в Канаде. На основании этих рекомендаций 6 марта 1837 г. английская палата общин приняла так называемые «резолюции Рассела», отвергавшие требования канадских патриотов. Сторонники реформ потеряли последнюю надежду добиться изменений мирным путем.

21 апреля «Виндикэйтор» писала о положении в Монреале и его окрестностях: «В этом богатом и населенном дистрикте царят всеобщий гнев и возмущение, вызванные позорными резолюциями лорда Джона Рассела... Сторонники реформ уже наготове... Впредь не должно быть спокойствия в провинции,— призывала газета.— Нет пощады грабителям. Действуйте! Действуйте! Действуйте! Уничтожьте налоги и угнетателей. Все средства законны, когда в опасности наши фундаментальные свободы. Гвардия умирает, но не сдается!» [27]

7 мая 1837 г. патриоты провели митинг 1200 избирателей графства Ришельё. Неделей позже собрались на митинг избиратели графства Монреаль, 1 июня — фригольдеры и абитаны графства Ту-Маунтенс. Фермеры

пришли с плакатами «Долой деспотизм!», «Да здравствует Папино и независимость!» Собрания состоялись также в Квебеке, графствах Шамбли, Терребонн, Ямаска, Труа-Ривьер. Митинги по всей провинции превратились в убедительную манифестацию пробудившейся политической активности канадцев и их стремления добиться независимости.

Напуганный генерал-губернатор издал прокламацию, призывавшую всех жителей «объединиться для дела мира и доброго порядка, прекратить публикацию всяких материалов подрывного характера и проведение собраний с принятием опасных резолюций, провозглашающих необходимость сопротивления законной власти короля и парламента» [28]. Губернаторское слово не возымело действия. В ряде мест провинции создалось «положение на грани восстания» [29]. Так, в графстве Ту-Маунтенс поселенцы начали жечь дома и уничтожать собственность представителей правящей верхушки. В июле фригольдеры графства Миссискуа провели митинг по случаю годовщины провозглашения американской независимости. В своих лозунгах и резолюциях они выразили полное одобрение американских принципов правления и свою решимость бороться против деспотизма метрополии. По этому же случаю состоялись митинги в графствах Акадия, Сен-Морис, Ассомпсьон, Ла-Шени, Ла-Прери, Водрей.

4 сентября в Монреале возникла тайная революционная организация «Сыны свободы», ставившая своей целью свержение английского колониального ига. «Сыны свободы» опубликовали обращение, в котором изложили принципы самоуправления, заимствовав в значительной степени идеи и даже фразеологию из документов американской революции XVIII в. «Наше отделение уже началось, и никогда не будет возврата к старому,— говорилось в нем.— Этот разрыв с метрополией будет все увеличиваться до того момента, когда нам представится возможность занять место в ряду независимых и суверенных государств Америки». Народ Канады должен быть готов к этому. Члены организации дали клятву «своей поруганной стране и друг другу, что отдадут все силы для осуществления необходимых изменений в управлении страной» [30].

Ряды «Сынов свободы» пополнялись очень быстро. Одно время руководители организации даже обсуждали

вопрос о приобретении оружия в Соединенных Штатах Америки, но Папино выступил против этого.

23—24 октября в местечке Сен-Шарль состоялся пятитысячный митинг, вошедший в историю под названием «Большое собрание конфедерации шести графств». Резолюция его слово в слово повторяла американскую Декларацию независимости: «Следуя примеру героев 1776 г., мы провозглашаем как очевидные следующие истины: все люди созданы равными и наделены творцом неотъемлемыми правами, среди которых право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Для защиты и обеспечения безопасности этих прав среди людей устанавливаются правительства, получающие свою власть только с согласия управляемых. Если какая-либо форма правления не соответствует этим целям, право народа изменить ее или уничтожить совсем и установить новое правительство» [31].

Участники митинга приняли «Обращение к народу Канады» и направили его «братьям по несчастью» в соседней провинции. Патриоты выразили надежду на поддержку со стороны американской республики.

Призыв к вооруженной борьбе нашел горячий отклик среди канадцев. Еще до митинга в Сен-Шарле началось стихийное создание вооруженных организаций. В Монреале в октябре 1837 г. под самым носом английских солдат маршировали колонны патриотов. Дух восстания овладел народными массами. «Графства, расположенные между Лонгвиллем и верхней частью Ришельё, практически находятся в состоянии мятежа»,— сообщал генерал-губернатор Госфорд губернатору Верхней Канады Хэду [32].

Местные власти не могли остановить надвигающуюся революцию. Командующий английскими войсками в Британской Северной Америке Колборн писал Госфорду из Монреаля: «Дела в провинции в течение нескольких месяцев приняли настолько серьезный и тревожный оборот, что не следует терять ни минуты и готовиться к борьбе с опасным объединенным мятежом» [33]. По признанию администрации, все население Нижней Канады в ноябре 1837 г. было настроено против правительства. На помощь колониальному режиму поспешила католическая церковь: монреальский епископ обратился с посланием ко всем верующим, в котором осудил «агитаторов про-

Канадские патриоты проходят обучение военному делу осенью 1837 г.

тив законных властей». Но и старания высшего духовенства угомонить непокорную паству оказались безрезультатными. В Нижней Канаде осенью 1837 г. сложилась революционная ситуация.

В Верхней Канаде события разворачивались не менее бурно. Здесь причиной первых выступлений стало недовольство жителей земельной политикой правительства. Эти выступления связаны с именем молодого шотландского иммигранта Роберта Гурлея, по призыву которого в

1817 г. более чем в 50 тауншипах провинции состоялись собрания поселенцев. Когда весной 1818 г. власти разогнали ассамблею Верхней Канады, Гурлей обратился с посланием к фермерам: «Не люди, а сама система — вот что разрушает наши надежды на лучшее будущее, и до тех пор, пока эта система не будет уничтожена, бесполезно думать, что смена губернатора или депутатов ассамблеи принесет существенные перемены» [34]. Гурлей призвал готовиться к созыву провинциального конвента для выработки петиции с проектом реформ. Несмотря на запрет администрации, собрания по выборам делегатов на конвент прошли почти повсеместно.

«Семейный союз» и тогдашний губернатор провинции Мэйтленд не замедлили с расправой над оппозиционными элементами. Роберта Гурлея арестовали как «злонамеренную и мятежную личность» и выслали из провинции. В Верхней Канаде все публичные митинги и конвенты были объявлены вне закона. Правящая клика на время задушила ростки недовольства.

Тем не менее на выборах 1824 г. в Верхней Канаде большинство мест в ассамблее получили сторонники реформ.

18 мая 1824 г. в Верхней Канаде вышел первый номер газеты «Колониэл адвокэйт». Ее издавал шотландский иммигрант, книготорговец и журналист Уильям Макензи. Газета обращала свой голос к простым фермерам и бедным ремесленникам, а также выступала в защиту интересов национального канадского бизнеса. Источником всех бедствий она называла саму систему колониального управления, которая порождает «низкопоклонническое правительство», подавляет дух предпринимательства и «возмущает чувства каждого независимо мыслящего колониста» [35]. Небольшая еженедельная газета быстро стала самой читаемой в провинции. Вокруг нее сложился круг политических союзников, включая лидера «патриотов» (как называли в провинции сторонников реформ) Маршалла Бидуэлла. На этом этапе основной силой освободительного движения была мелкая и средняя национальная буржуазия и разночинная интеллигенция.

На выборах 1828 г. патриоты впервые четко сформулировали свою платформу. Они потребовали установления контроля ассамблеи над финансами колонии, свободы вероисповедания, отмены права первородства при

наследовании собственности, предоставления независимости судьям, реформы Законодательного совета и т. д.

Весной 1831 г. патриоты Верхней Канады начали сбор подписей под петицией английскому королю и парламенту. Митинги продолжались все лето и состоялись почти в каждом населенном пункте провинции. К весне 1832 г. подписи под петицией поставили около 25 тыс. человек. С этим документом посланец канадских колонистов Уильям Макензи отбыл в Англию в надежде, что, «если чиновники в Лондоне поймут чувства местных фермеров... существующая система должна быть и будет изменена» [36]. Но добиться от метрополии каких-либо серьезных уступок Макензи не удалось.

На выборах в октябре 1834 г. сторонники реформ снова одержали убедительную победу. Это ясно показало, чего можно достичь объединенными усилиями. Потребностью движения стало создание единой политической организации патриотов Верхней Канады. 9 декабря 1834 г. на собрании активных участников движения в Йорке (Торонто) был создан Канадский союз.

Руководство организации опубликовало «Обращение к народу», написанное У. Макензи, в котором говорилось, что союз стремится «добиться счастья для большинства людей». «Цели союза патриотические и почетные,— подчеркивалось в «Обращении»,— средства, которыми предполагается достичь эти цели,— законные и конституционные... Общество не является тайным... В нем нет различия между бедными и богатыми. В нем есть место для всех: и для рабочего, способного внести один пенс годового взноса, и для человека с большим состоянием» [37].

К весне 1835 г. отделения Канадского союза возникли во многих округах. В Йорке численность союза достигла 400 человек.

На очередной сессии ассамблеи весной 1835 г. комиссия под председательством Макензи представила документ под названием «Седьмой доклад о жалобах» — самое полное и всестороннее осуждение колониального режима за всю историю освободительной борьбы в провинции. В нем выдвигалось требование предоставить стране «ответственное управление», т. е. независимость: «Печальный опыт показал, насколько несостоятельна система чужестранного управления народом, который находится на расстоянии 4 тыс. миль... Эта система должна быть

отменена, а собственные институты провинции должны быть настолько улучшены, чтобы принести народу счастье и согласие» [38].

После образования Канадского союза и обнародования «Седьмого доклада о жалобах» освободительное движение в Верхней Канаде расширило свои рамки. Оно явилось выражением мощного народного протеста против колониального режима и политики метрополии.

В январе 1836 г. в Верхнюю Канаду прибыл уже упоминавшийся губернатор Ф. Хэд. В политике Хэд разбирался, по собственному признанию, не больше, чем лошадь, на которой он приехал в Торонто. «Семейный союз» быстро обработал нового губернатора. Хэд заявил, что он намерен разгромить «республиканцев» — «эту полдюжину предателей» [39]. На патриотов обрушились гонения и репрессии.

Губернатор разогнал ассамблею и объявил новые выборы летом 1836 г. Силой и подкупом местным тори удалось получить незначительное большинство. Многие сторонники реформ не нашли себя в списке депутатов. Это заставило их перейти к более решительным действиям.

4 июля 1836 г., в 60-ю годовщину американской Декларации независимости, Макензи выпустил первый номер новой газеты «Конститьюшн». Поставив целью подготовить общественное мнение к «действиям более достойным, чем могут подумать наши тираны», газета призвала патриотов пойти вместе с ней «смелым, опасным, но верным курсом» [40]. В провинции зазвучал ее грозный голос: «Тори! Чиновники! Церковники! Маклеры! Аферисты! Расточители! Продажные тунеядцы! Позвольте мне поздравить вас всех. Наконец-то вы взгромоздились вместе с ногами на шею своего народа» [41].

В июле 1837 г. Макензи выдвинул проект новой организации патриотов Верхней Канады: предполагалось, что она составит основную вооруженную силу грядущего восстания. В Торонто состоялись собрания патриотов, сделавшие практические шаги по подготовке к восстанию. На страницах «Конститьюшн» появилась «Декларация сторонников реформ г. Торонто к собратьям по борьбе в Верхней Канаде» — открытое обоснование теоретической платформы канадских революционеров. Это был новый призыв, обращенный ко всем патриотам, поддержать программу революционных действий.

«Правительство основывается на власти народа и учреждается ради его блага,— говорилось в «Декларации»,— поэтому, если какое-либо правительство в течение долгого времени совершенно не отвечает тем великим целям, ради которых оно было создано, народ имеет естественное право, дарованное ему творцом, добиваться установления таких учреждений, которые принесут возможно больше счастья возможно большему числу людей» [42]. Эти строки почти дословно повторяют текст американской Декларации независимости, так же, как строки резолюции «Большого собрания конфедерации шести графств», что свидетельствует не только о влиянии опыта американской революции, но и о сходном характере той борьбы, которую вели против метрополии американские колонисты в XVIII в. и канадские патриоты.

Тем временем на местах уже давно отливали пули и ковали наконечники для копий. Фермеры вытащили старинные мушкеты. Началось обучение военному делу. В начале декабря гонец доставил Макензи послание от Папино. В нем говорилось: «Настал час для смелого удара!». Макензи обратился к населению Верхней Канады с призывом поддержать патриотов соседней провинции: «Советую всем друзьям народа запастись винтовкой, мушкетом или револьвером... следите за событиями в Нижней Канаде и будьте готовы к введению губернатором военного положения. Поистине лучше умереть в борьбе за свободу, чем жить и умирать рабами!» [43]

В том же номере Макензи писал: «Некоторые называют нас реформистами, а не революционерами. Это глупые разговоры. Сторонники реформ вот уже 60 лет безуспешно добиваются своих целей. Разве в этом случае революция не становится священной обязанностью?». «Помните мои слова, канадцы! Борьба началась, и она может окончиться победой. Трусость и малодушие с нашей стороны лишь отсрочат приход свободы. Мы не сможем примириться с Великобританией...и никогда не успокоимся, пока не получим независимость...

Поднимайтесь, храбрые канадцы! Готовьте ваши ружья и задайте им славную работенку!» — восклицал Макензи в листовке «Независимость».

В Верхней Канаде, как и в соседней провинции, была налицо революционная ситуация. До восстания оставались считанные дни.

Глава 7

ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЙ, ВРЕМЯ ПОБЕД

Восстание 1837 года

6 ноября 1837 г. сынки местных чиновников и торговцев при явном попустительстве властей совершили нападение на участников митинга организации «Сыны свободы» в Монреале. Это послужило сигналом к открытому выступлению патриотов. По округам провинции началась стихийная мобилизация поселенцев. Командующему Колборну сообщили из графства Ту-Маунтенс, что там «предпринимаются отчаянные усилия по обеспечению огнестрельным оружием, и абитаны чинят старые ружья, а для вооруженных отрядов запасаются огромные количества пороха и в срочном порядке отливаются пули для мушкетов» [1].

16 ноября в Монреале были арестованы руководители общества «Сыны свободы». В обстановке репрессий лидеры движения Папино, Браун, О'Каллаген и другие тайно покинули Монреаль и перебрались в район Ришельё, где положение полностью контролировалось патриотами. Первое вооруженное столкновение колонистов с войсками произошло 17 ноября в местечке Лонги недалеко от Монреаля — крестьяне отбили у королевских конников конвоируемых ими патриотов.

Основными опорными пунктами поселенцев стали деревни Сен-Дени и Сен-Шарль, расположенные по реке Ришельё. В Сен-Дени под руководством Уолфреда Нельсона 800 вооруженных старыми кремневыми ружьями, косами и вилами повстанцев возвели укрепления на подступах к деревне, заняли наиболее крепкие постройки. В Сен-Шарле готовились дать отпор войскам 200 человек во главе с Т. Брауном.

23 ноября королевские войска предприняли штурм деревни Сен-Дени. Встреченные отчаянным огнем солда-

ты трижды ходили в атаку, потеряли 60 человек и, наконец, отступили. Это был первый и последний выигранный канадскими повстанцами бой.

25 ноября еще более крупные силы атаковали Сен-Шарль. Артиллерия разрушила укрепления, а солдаты устроили зверскую расправу над повстанцами, пленных не брали. Многие патриоты предпочли погибнуть в ледяной воде Ришельё, чем от рук королевских солдат. Папино, Браун и другие руководители бежали в США.

Разобщенные и обезглавленные отряды поселенцев безуспешно пытались нанести поражение королевским силам. 2 декабря регулярные части взяли реванш за поражение и сожгли деревню Сен-Дени.

В другом центре восстания — графстве Ту-Маунтенс к северо-западу от Монреаля — вооруженные повстанцы собрались в Сен-Бенуа и Сент-Эсташе. Они были готовы, по словам одного из руководителей — Э. Жиро, «ценою своей жизни и имущества защищать свободу Канады» [2].

В Сент-Эсташе патриоты столкнулись с многочисленными трудностями: полторы тысячи людей нуждались в ночлеге и питании, а самое главное — в оружии и умелом руководстве. 24 ноября в лагерь пришло известие о том, что в Монреале почти нет войск. Э. Жиро предложил пойти на Монреаль и овладеть городом. Однако совет руководителей повстанцев Сент-Эсташа и Сен-Бенуа не поддержал его. Из-за неорганизованности и пассивности патриоты упустили драгоценное время. А вскоре генерал-губернатор Госфорд объявил весь район Монреаля на военном положении, и командующий Колборн направил свыше 2 тыс. солдат с артиллерией в Сент-Эсташ и Сен-Бенуа.

В Сент-Эсташе отряд во главе с местным кюре Шенье оказал королевским войскам отчаянное сопротивление, хотя из 250 человек только около 70 имели ружья. Вместо пуль в ход шли мраморные шарики. Регулярные части разбили повстанцев. По различным сведениям, от 70 до 200 патриотов, в том числе 30-летний Шенье, были убиты. Победители деревню сожгли, а имущество жителей разграбили. Такая же судьба постигла и лагерь в Сен-Бенуа. Многие активные участники восстания были схвачены, а Э. Жиро покончил с собой.

Завершив карательную экспедицию на севере, власти тем самым подавили основные очаги вооруженного вос-

стания. Фактически все лидеры движения или бежали в США, или погибли, или попали в плен. Колониальные тюрьмы едва вместили арестованных патриотов. Канадские повстанцы потерпели трагическое поражение, но освободительная борьба только начиналась. Огонь ее разгорелся и в соседней провинции. К осени численность вооруженных отрядов в Верхней Канаде достигла 1,5 тыс. человек. В октябре патриоты Верхней Канады сделали попытку установить более тесный контакт с лидерами движения в Нижней Канаде и, узнав о событиях в Монреале, решили перейти к непосредственной подготовке восстания в Торонто.

Согласно плану восстания колонисты должны были собраться 7 декабря у здания таверны «Монтгомери» в 3—4 милях к северу от Торонто, затем войти в город, соединиться там с другими патриотами, захватить арсенал, арестовать губернатора и его главных советников, провозгласить провинцию свободной, созвать конвент, выработать конституцию, а главой временного правительства назначить известного сторонника реформ Рольфа. «Мы рассчитывали осуществить все это без кровопролития, хорошо зная, что местные власти были слишком непопулярны, чтобы иметь много сторонников» [3],— писал У. Макензи.

Неожиданно Рольф предложил изменить дату выступления — перенести его с 7 на 4 декабря. Известить об этом удалось далеко не всех, однако уже 3 декабря у таверны разбили лагерь 150 поселенцев, оказавшихся, увы, без запасов пищи и амуниции. К 7 декабря, когда повстанцев собралось 700—800 человек, власти, хорошо обо всем осведомленные, стянули в город дополнительные подкрепления.

Пока в таверне военный совет вел бесплодные споры, правительственные войска «с музыкой и артиллерией» успели подойти достаточно близко. Основная группа патриотов в 150 человек под командованием Лаунта и Ван Эгмонда, занявшая позиции на опушке леса в полумиле к югу от «Монтгомери», вступила в бой, но около 200 человек, стоявших у таверны, бездействовали, поскольку не имели мушкетов.

Макензи так писал о первом столкновении с войсками: «Отвага, с которой 200 плохо вооруженных фермеров противостояли сильной атаке противника числен-

постью в 1200 человек, хорошо экипированных, с новым оружием, артиллерией, возглавляемых первоклассными офицерами, убедила меня, что порядок, дисциплина наличие знающих руководителей позволят им обрести уверенность и победить даже регулярные части, присланные из Европы» [4].

Но сейчас артиллерийский огонь сыграл решающую роль и быстро привел дело к развязке. Повстанцы были рассеяны, многие руководители схвачены и посажены в тюрьму. Макензи удалось бежать в США.

Очаги восстания появились и в других районах провинции. Около 400 патриотов Лондонского дистрикта под предводительством Чарлза Данкомба, готовые присоединиться к Макензи, лишь из-за плохих дорог и плохой связи не смогли вовремя прибыть в Торонто. Против патриотов Лондонского дистрикта был направлен карательный отряд. За головы руководителей были обещаны большие награды. При приближении войск плохо вооруженные поселенцы оставили свои позиции. Столкновения колонистов с войсками и сторонниками правительства быстро закончились поражением первых.

Всего за участие в восстании в Верхней Канаде власти арестовали около 900 человек. Но это была лишь самая малая часть недовольных, готовых с оружием в руках выступить против правительства. Революционные настроения окрепли не только в северных районах. 13 декабря 1837 г. верноподданнически настроенный очевидец сообщал из района Ниагары: «К сожалению, недовольство охватило южные тауншипы этого дистрикта. В тауншипе Полэм не более 6 лояльных граждан на 8 патриотов. В других районах положение немногим лучше. Я уверен, что, если бы повстанцы добились успеха в Торонто, из этих тауншипов против нас были бы собраны большие силы» [5].

Даже в самых лояльных районах насчитывалось немало патриотов. Правда, многие из них после поражения Макензи, утратив надежду на «прогресс свободных принципов» [6], срочно продавали имущество и покидали страну, эмигрируя в Соединенные Штаты. Центр освободительной борьбы переместился на канадо-американскую границу.

Известие о восстании в Канаде было встречено с редким единодушием в пограничных с Канадой районах

США. Уже в первые дни в десятках американских городов, в том числе Буффало, Мидлбурге, Бурлингтоне, Элбани, Рочестере, прошли митинги солидарности с канадскими патриотами. 5 декабря на митинге в Буффало присутствовало 1,5 тыс. человек, оркестр играл «Марсельезу». 12 декабря здесь состоялось еще более представительное собрание по случаю прибытия У. Макензи. Американские газеты тех лет сообщали, что «все здание местного театра от оркестра до крыши было занято народом: партер, галереи, вестибюль и даже соседняя улица были переполнены, и сотни желающих вынуждены были уйти, не попав в помещение» [7]. В своей речи Макензи сравнил канадских патриотов 1837 г. с американскими патриотами 1776 г. и обратился с призывом к населению США оказать помощь канадским собратьям оружием, амуницией и добровольцами.

Прямо на митинге началась запись добровольцев в «армию патриотов». Набор волонтеров в те дни шел открыто. Оружие доставалось всеми способами. Достаточно сказать, что 200 комплектов были захвачены у шерифа Буффало, а 450 мушкетов похищены из детройтской тюрьмы.

15 декабря 1837 г. группа канадских патриотов и присоединившихся к ним американцев во главе с Макензи заняла небольшой лесистый островок Нейви-Айленд, расположенный на канадской стороне реки Ниагары, в нескольких милях от знаменитого водопада. Здесь патриоты вновь подняли флаг свободы. Макензи и его соратники объявили о создании на острове временного правительства государства Верхняя Канада. От его имени они обнародовали «Прокламацию к жителям Верхней Канады».

«Мы устали от гнета и полны решимости свергнуть его. Поднимайтесь, канадцы! Поднимайтесь все как один, и наша цель будет достигнута!» [8]— говорилось в документе, излагавшем цель повстанцев: обеспечение в Канаде мира на основе правления, гарантирующего равные права для всех и утвержденную народом конституцию, гражданские и религиозные свободы, отмену наследственных титулов и званий, майората, пенсий привилегированным лицам. Будущее конституционное устройство независимого государства мыслилось как демократическая республика американского типа.

Несмотря на определенную ограниченность, нейви-айлендская прокламация явилась документом большого значения: впервые в истории канадской революции она четко сформулировала задачи антиколониальной борьбы и определила курс на установление в Канаде буржуазно-демократического республиканского строя.

Вторая прокламация временного правительства обещала 300 акров канадской земли и 100 долларов серебром каждому, кто вступит в армию патриотов. Многочисленные копии прокламаций были отпечатаны и распространены в Канаде и Соединенных Штатах.

В начале января 1838 г. число повстанцев на острове достигло почти 2 тыс. человек. Во главе всей этой плохо одетой и плохо вооруженной армии Макензи поставил 27-летнего американца Ван Ренселеера, сына генерала войны 1812—1814 гг. В декабрьские холода патриоты разместились в наскоро построенных шалашах. В самой крупной постройке расположилась штаб-квартира временного правительства, над которой реял флаг с двумя звездами, символизировавшими две канадские провинции. Армия испытывала нехватку продовольствия и оружия. Лишь 28 декабря ее снабжение и доставку новых добровольцев взяли на себя владельцы американского парохода «Кэролайн».

Повстанцы приступили к подготовке экспедиции по освобождению Верхней Канады. Предполагался совместный поход на Торонто Данкомба из Лондонского дистрикта, Ван Ренселеера с Нейви-Айленда и Сазерленда из района Детройта. Однако осуществление плана затянулось, а тем временем власти Верхней Канады стянули к Нейви-Айленду войска и установили напротив него артиллерийскую батарею.

29 декабря английские солдаты захватили пароход «Кэролайн» и сожгли его. Один из пассажиров-американцев погиб. В связи с этим в США развернулась антибританская кампания, и число сторонников канадских патриотов значительно возросло.

Несколько иной была реакция властей США. Президент США Ван Бюрен запретил снабжение канадцев оружием, продовольствием, а также оказание им какого-либо другого содействия. Удар по планам Макензи нанесло также поражение Данкомба в Лондонском дистрикте. Все это побудило Макензи и его сторонников ликвидиро-

вать республику на Нейви-Айленде. 13 января военный комитет объявил об эвакуации с острова, а 15 января английские войска уже заняли его.

Такая же печальная участь постигла повстанцев в районе Детройта, где была создана Патриотическая армия Северо-Запада. С организацией, оружием, одеждой и питанием дело в армии обстояло плохо, к тому же там орудовали шпионы, обо всем доносившие колониальным властям.

Сазерленд, намереваясь создать базу для наступления на Торонто, попытался высадиться на канадский берег, но шхуна «Анна» под командованием аптекаря и виноторговца из Детройта Александра Теллера была захвачена властями штата Мичиган.

Уже после этого к Детройту подошли части с Нейви-Айленда под командованием Ван Ренселеера. В течение февраля они подготовились к вторжению в Канаду. Их ряды пополнялись все новыми патриотами. Вскоре здесь насчитывалось уже около 600—800 человек. 24 февраля одна из групп под командованием Дональда Маклеода (Маклеод, бывший сержант английской армии и учитель из Прескотта, бежал из Канады в дни восстания) предприняла попытку высадиться с судна «Эри» на канадский берег, предварительно заняв остров Файтинг, но была почти полностью обезоружена. Смельчаки сразу же оказались между двух огней. Впереди, на побережье, находились английские солдаты, а в тылу — американские части, посланные из Детройта.

25 февраля английские войска начали высадку на остров. Патриоты стойко и мужественно оборонялись, но перед угрозой почти полного окружения им пришлось отступить. На американской стороне регулярные части разогнали остатки повстанческих сил.

Три дня спустя другая группа (из 450 патриотов) под командованием Сьюорда и Брэдли заняла на озере Эри в 18 милях от канадского берега остров Пили. В течение нескольких дней там собралось свыше тысячи человек. 3 марта английские войска предприняли штурм острова. Патриоты были разбиты, потеряв убитыми и ранеными около 30 человек.

Сразу же после поражения восстания в Нижней Канаде его руководители в приграничных городах штата Нью-Йорк приступили к созданию патриотической армии.

Правда, некоторые из них, например Папино, делали ставку на сближение с правительством США, рассчитывая на его финансовую и военную поддержку, а другие — Роберт Нельсон и Котэ считали необходимым опереться на имеющиеся силы и местное американское население [9].

Нельсон и его сторонники обнародовали проект конституции Республики Нижняя Канада, а 28 февраля повстанцы под их командованием пересекли границу в районе деревни Элбург и вступили на территорию Нижней Канады. Здесь они немедленно провозгласили Нижнюю Канаду независимой республикой, Нельсона — первым президентом и главой временного правительства. Патриоты распространили среди населения Декларацию независимости народа Нижней Канады, в которой призывали канадцев поддержать новую республику и дело революции. Взамен правительство обещало защиту личности, собственности и демократические реформы.

Власти по обе стороны границы стянули к району высадки войска. С тыла силы Нельсона были блокированы американским генералом Вулом. Нельсон не решился вступить в бой и отошел в Вермонт. 1 марта весь его отряд в 600 человек сдался американским войскам.

Это была последняя серьезная попытка канадских патриотов одержать победу, перейдя американо-канадскую границу. Неудачи заставили их искать новые формы борьбы.

«Охотничьи ложи» берутся за оружие

Весной 1838 г. патриоты перешли к организации на территории США и Канады тайных революционных обществ, наиболее массовыми и влиятельными из которых стали «охотничьи ложи». Среди членов «охотничьих лож» были самые разные люди. Как писала одна из газет того времени, «рабочие оставляли свою работу, подмастерья — своих хозяев, механики — свои мастерские, торговцы — свои лавки, магистраты — свои служебные посты, мужья — свои семьи, дети — своих родителей, верующие — своих духовных наставников, чтобы посещать собрания „охотников“» [10].

В сентябре 1838 г. в Кливленде состоялся конвент 160 делегатов от лож западной части границы и Верх-

ней Канады. Конвент сформировал временное правительство будущей республики Верхняя Канада, одобрил проект учреждения республиканского банка для финансирования нужд нового государства.

Осенью 1838 г. «ложи охотников» превратились в грозную силу. Один из американских сборщиков налогов сообщал министру финансов США, что «план операции по свержению английской власти в Верхней Канаде и провозглашению ее независимости осуществляется вдоль американской границы от реки Св. Лаврентия до озера Сент-Клэр, и нет ни одного города или деревни вдоль границы по озеру, где бы не действовали ассоциации» [11].

Губернатор Верхней Канады Артур, первоначально полагавший, что ложи состоят только из одних американцев, в ноябре 1838 г. в письме к генерал-губернатору Колборну отмечал, что вся западная часть его провинции «полна предателей», большое число которых находится в Торонто, что они уже с июля организованы в «ложи охотников» [12]. Колборн в свою очередь ставил в известность Артура, что не менее 3 тыс. «охотников» действуют в окрестностях Квебека, в Монреале и в долине реки Ришельё и «только ожидают подходящего случая, чтобы поднять бунт в провинции» [13].

«Ложи охотников» делились на четыре разряда. Верхние, или гранд-ложи, члены которых назывались «патриоты-охотники», возглавлялись центральными комитетами и были руководящими центрами в том или ином районе. Гранд-ложи имелись в Детройте, Кливленде, Буффало, Рочестере, Сент-Элбани, Монреале и, по некоторым сведениям, в Верхней Канаде. Гранд-ложам подчинялись местные ложи, которые делились на три категории: «снежные лыжники», «бобры», «большие охотники».

К началу ноября 1838 г., когда согласно решению сентябрьского конвента предполагалось открыть совместные действия по освобождению Канады в северных американских штатах, «ложам охотников» удалось создать две армии. Среди волонтеров, помимо канадских беженцев, было много американских граждан: одними двигала вера в правоту освободительной борьбы, других привлекали обещанные жалование и 160 акров бесплатной земли после изгнания англичан. Активно готовились к восстанию ложи в Нижней и Верхней Канаде. Губернатор Артур писал по этому поводу: «Канадские охотники были

заняты поисками всевозможного оружия, мастерили деревянные пушки и пики, плавили пули в большом количестве и прятали свое военное снаряжение в особых тайных местах. Руководители канадских лож находились в постоянной связи со своими союзниками на американской стороне, их тайные посланцы по ночам многократно пересекали границу туда и обратно» [14].

К моменту назначенного выступления в Нижней Канаде была распространена новая прокламация Роберта Нельсона, призывавшая франкоканадских крестьян подняться на борьбу против гнета Великобритании и способствовать созданию новой республики на месте бывшей колонии.

В начале ноября 1838 г. два больших отряда «охотников» под командованием Брайента и Нельсона вступили в Нижнюю Канаду. Но силы освободительной армии оказались разобщенными. Тем временем в район сосредоточения повстанцев колониальные власти направили регулярные войска и отряды милиции. В этой трудной ситуации Нельсон решил оттянуть свои силы поближе к границе.

В бою с войсками и милицией 10 ноября армия Нельсона потерпела поражение, потеряв около 100 человек. Королевские солдаты и лоялисты-добровольцы в течение нескольких недель жгли и грабили окрестные деревни, вылавливая участников движения.

Главной причиной неудачи первой экспедиции «охотников» в Нижней Канаде явились совместные действия американских и колониальных властей, объединившихся в борьбе против патриотов. К тому же оказалась готовой к борьбе лишь часть франкоканадского населения. Спокойствие в северных районах провинции позволило бросить в район границы крупные силы.

В это же время в штате Нью-Йорк генерал Джон Бирдж и его помощник бывший польский офицер Пилс Жолтевский (фон Шульц) собрали довольно значительные силы для вторжения в Верхнюю Канаду. Среди участников экспедиции находилось много молодых безработных американцев и разорившихся фермеров.

11 ноября патриоты на трех кораблях отплыли в сторону Канады, но только одна шхуна — с отрядом Шульца в 150—200 человек — высадилась у ветряной мельницы недалеко от Прескотта. Прибывшие туда американские

федеральные войска помешали дальнейшей переброске людей и снаряжения на канадскую сторону. Колониальные войска и подразделения милиции окружили отряд Шульца. Местные патриоты не смогли с ним соединиться.

В течение нескольких дней отряд Шульца мужественно отражал атаки почти пятитысячного войска. Только жестокий артиллерийский обстрел вынудил патриотов 16 ноября сдаться. 150 человек были захвачены в плен, связаны одной веревкой и отправлены в Кингстон. На суде Шульц заявил, что сражался за свободу канадцев так же, как и восемь лет назад за свободу поляков. 30-летний польский революционер был приговорен к смертной казни и повешен. Власти казнили еще восемь патриотов, остальных отправили в ссылку в Тасманию.

Неудача у Прескотта не остановила «охотников». В начале декабря они предприняли еще одну попытку вторжения в Канаду с целью поднять там всеобщее восстание. В районе Детройта собралось несколько сотен вооруженных членов лож из Огайо, Пенсильвании, Мичигана, Буффало, Рочестера и других районов США, которые решили захватить канадский город Уинсор. Из-за несогласованности действий отдельных отрядов начало операции задержалось, и 4 декабря 1838 г. только одно судно с отрядом в 135 человек под командованием генерала «охотников» Бирса отплыло к Уинсору.

Американские военные власти заранее известили канадскую сторону о готовящемся вторжении. В Уинсоре патриотов уже ожидали крупные соединения королевских войск и отряды милиции. Высадившись на канадском берегу, плохо вооруженный отряд смельчаков тем не менее принял бой, но потерпел поражение. 21 человек был убит и 44 были взяты в плен. Некоторых расстреляли прямо на месте. Позднее суд приговорил 43 участников экспедиции к смертной казни, но повешено было шестеро, остальные были сосланы на каторгу.

Поражение патриотов у Уинсора нанесло очень сильный удар освободительному движению на границе. Однако «охотники» продолжали совершать неглубокие пограничные рейды в надежде все же разжечь большую войну. Наиболее успешно действовал на озере Онтарио в районе Тысячи островов отряд под командованием Билла Джонсона. В отряд входили четверо его сыновей и красавица-дочь, отличавшиеся храбростью и искусством в стрельбе.

Весной 1839 г. отряд Джонсона предпринял попытку захватить один из населенных пунктов Верхней Канады, но командир американских войск, расположенных здесь, предупредил английские военные власти, и рейд Джонсона окончился поражением.

Летом 1839 г. политическая борьба в канадских провинциях обострилась, возобновились вооруженные столкновения между сторонниками реформ и независимости и лоялистскими силами. В конце июля отряд патриотов под руководством Сэмюэля Харта и Бенджамена Летта совершил набег на город Коборг в северной части побережья озера Онтарио. В ночь на 22 июля неподалеку от Коборга, в заброшенной бревенчатой хижине, состоялся конвент верхнеканадских «охотников». Патриоты обсуждали вопрос об использовании сложившейся обстановки в целях достижения Канадой независимости. Но предпосылки для крупного вооруженного выступления в Канаде в тот период практически исчезли. Некоторые уступки властей и концентрация войск в провинции сделали свое дело. К тому же начались судебные расправы над участниками движения. Неблагоприятно складывалась и обстановка в США, где в 1839 г. были осуждены и посажены в тюрьму такие видные руководители патриотов, как Макензи, Ван Ренселеер, Билл Джонсон.

В освободительном движении на американо-канадской границе наступил период затишья, хотя «охотничьи ложи» просуществовали вплоть до 1846 г., а в 1841 г. в связи с обострением пограничного вопроса даже частично возобновили активную деятельность.

В 1839—1840 гг. освободительное движение в Канаде вновь после поражения вооруженных выступлений возвращается к мирным формам. В канадских провинциях разворачивается острая политическая борьба за конституционные реформы, за право жителей Канады на самоуправление.

Акт о союзе и образование «ответственного правительства»

Кризис, в котором оказались канадские провинции в результате восстания, заставил английские правящие круги срочно искать выход из создавшегося положения, опираясь не только на силу оружия, но и на политику уступок

и компромисса. В Канаду была послана специальная миссия во главе с влиятельным лордом Дарэмом, который до этого находился в России в качестве английского посла и за свою службу получил от русского царя высший орден — Андрея Первозванного.

В Канаде «генерал-губернатор и чрезвычайный посланник Ее величества королевы Виктории» лорд Дарэм провел несколько месяцев, стремясь установить спокойствие и улучшить положение в колонии. Перед миссией Дарэма стояла задача выработать рекомендации относительно наиболее приемлемых «форм будущего правления» в провинциях. В январе 1839 г., вернувшись в Англию, Дарэм подал на имя королевы «Доклад о состоянии дел в Британской Северной Америке» [15].

Несмотря на свой проницательный ум, Дарэм не добрался до подлинной сути происходивших в Канаде явлений. Причиной восстания в колонии, по его мнению, стал конфликт между «образованным, интеллектуальным» английским меньшинством и «невежественными пассивными, консервативными» французскими поселенцами, цепляющимися за старые обычаи и законы с «беспричинным упорством непрогрессивных людей». «Я ожидал найти вражду между правительством и народом,— писал Дарэм,— но обнаружил две непримиримые нации внутри одного государства... Я пришел к убеждению, что борьба, которая представлялась как борьба классов, на самом деле является борьбой между нациями» [16].

Шовинистические, антифранцузские взгляды Дарэма, его утверждения о глубоко укоренившемся и непреодолимом антагонизме между двумя национальными общинами расходились даже с характером сведений, содержавшихся в самом докладе. Ведь Дарэм отмечал, что среди простого населения чувство национальной неприязни не ощущается.

При всех предрассудках и заблуждениях Дарэм был достаточно разумным человеком, чтобы увидеть, какая опасность грозит империи в связи с событиями, происходившими в Канаде. Он писал: «Без изменения нашей системы правления царящее сейчас недовольство будет расти. И если английская нация будет по-прежнему сохранять свое несправедливое господство, она лишь увеличит возможность иностранной агрессии со стороны могучего и честолюбивого соседа. Это вторжение не найдет сопро-

тивления, а наоборот, скорее получит активную поддержку со стороны части местного населения»[17].

В своем докладе Дарэм резко критиковал колониальный строй и политику в Канаде и предлагал провести коренные реформы. Прежде всего он считал необходимым создать в Канаде ответственное перед парламентом правительство, чтобы ограничить власть губернатора, правда, важнейшие вопросы внешней политики, торговли и распределения земли оставить в ведении английского правительства. Предоставление Канаде самоуправления, по мнению Дарэма, предотвратило бы также угрозу поглощения ее США, а чтобы успешнее конкурировать с мощным южным соседом в деле заселения территории, Дарэм рекомендовал увеличить в Канаду британскую эмиграцию.

Дарэм настаивал на объединении в одну провинцию Верхней и Нижней Канады, проведении железной дороги через все британские владения в Северной Америке для того, чтобы устранить помехи на пути экономического развития Канады и сделать возможным заселение степных районов на западе.

Объединение канадских провинций в экономическом и политическом отношении позволило бы им, по убеждению Дарэма, «противостоять возрастающему влиянию Соединенных Штатов на Американском континенте» и окончательно ликвидировать сопротивление франкоканадцев английскому владычеству. Он считал необходимым ассимилировать французов, лишив их возможности сохранить свою национальную культуру.

Реформы, предложенные Дарэмом, имели целью укрепить английское господство в Канаде, они не подрывали командных позиций метрополии и все-таки создавали видимость больших уступок с ее стороны. Эти уступки сводились к предоставлению Канаде того минимума независимости, которого фактически уже добились демократические силы в период борьбы за реформы и во время восстания.

Действительно, выдвинутые Дарэмом предложения привели не только к существенным переменам в политике метрополии в Канаде, впоследствии они легли в основу всей английской колониальной политики. Доклад Дарэма и поныне прославляется как чуть ли не гениальное творение, предвосхитившее идею создания нового типа британских владений — доминионов. Но нельзя забывать, что

как сам доклад Дарэма, так и последовавшие за ним реформы явились прежде всего результатом борьбы народных масс Канады, восставших в 1837 г. и не сложивших оружия, несмотря на поражение.

Сохранив власть над Канадой, метрополия узаконила новое конституционное и политическое устройство колонии. 23 июля 1840 г. английский парламент принял Акт о союзе, согласно которому Верхняя и Нижняя Канада объединялись (территории бывших провинций стали называться просто Западная и Восточная Канада). Предлагавшееся Дарэмом «ответственное правительство» создано не было. Лондон побоялся предоставить автономию, опасаясь, что за этим последует неизбежная демократизация колониального общества в ущерб правящим кликам и монреальской торговой элите, а также усиление французской общины, которая при существующем положении вещей утрачивала все свои права. В Законодательном совете и ассамблее новой объединенной провинции официальным становился английский язык, а выборы в ассамблею предполагалось проводить так, чтобы лишить голоса десятки тысяч франкоканадцев и обеспечить большинство мест англоязычному меньшинству. Столица Канады переносилась в город Кингстон.

Прибывший в Канаду новый губернатор Чарлз Поуллетт Томпсон (получивший вскоре титул лорда Сайденхэма), выходец из высших слоев английской буржуазии, создавая новую административную структуру колонии, преследовал цель не только укрепить британское имперское господство, но и поддержать британских вкладчиков капитала. Канаду он стремился сделать прежде всего выгодным для английских капиталистов колониальным владением. Такой подход предусматривал известное поощрение местного предпринимательства, развития хозяйства колонии и налаживания деловых связей с местной канадской буржуазией.

Суть политики Сайденхэма сводилась к тому, чтобы, «с одной стороны, потихоньку подорвать власть клики, с другой стороны, подавить ярость радикально настроенных жителей» [18]. В этих целях он решил ограничить права церкви и отменить церковное резервирование земли — «корень всех волнений в провинции и причину восстания». В январе 1840 г. колониальная администрация одобрила соответствующий законопроект и отправила его

в Лондон на предмет высочайшего утверждения. С претворением в жизнь положений Акта о союзе губернатор не спешил, ибо обстановка в колонии, особенно в Нижней Канаде, оставалась тревожной. «Нет абсолютной необходимости провозглашать объединение до 15 февраля,— писал он в Лондон в октябре 1840 г.,— а до этого времени мое деспотическое правление будет в этой провинции (Нижней Канаде.— *В. Т.*) сохраняться, так что у меня будет соответствующее время для каких-либо необходимых действий... От французов нельзя ничего ожидать, кроме неприятностей, ибо они еще не готовы для представительного управления» [19].

Наконец, в феврале 1841 г. Акт о союзе вступил в силу и Сайденхэм объявил о первых выборах в ассамблею объединенной провинции Канада, полагая, что в лице умеренных буржуазных элементов английской Канады получит достаточно надежную опору в борьбе против как «ультратори», так и «радикалов-экстремистов».

Однако политика «обангличанивания» Нижней Канады, реакционность Акта о союзе, отвергшего требование об «ответственном правительстве», вызвали широкое недовольство в обеих частях колонии. На смену казненным или изгнанным лидерам канадских демократов пришли новые. Эти лидеры, преимущественно выходцы из среды зарождающейся буржуазии, отличались умеренными реформистскими взглядами. В годы восстания они выступали против того, чтобы браться за оружие, ратовали за создание «ответственного правительства» при сохранении связей с метрополией, что дало бы возможность с помощью конституционной реформы получить самостоятельность во внутренних делах, контроль над местным рынком и ресурсами. «...Поскольку требование самоуправления отвечало также и более широким интересам массы колонистов,— пишет С. Б. Райерсон,— постольку умеренные реформистские лидеры играли роль народных трибунов, выразителей общих демократических устремлений. Лишь позднее вызов слева, брошенный им радикальными демократами, поставил под вопрос их историческую миссию» [20].

Во французской Канаде движение против Акта о союзе и борьбу за «ответственное правительство» возглавил Ипполит Лафонтен, бывший когда-то в рядах патриотов, но отказавшийся взяться за оружие в 1837 г. Франкока-

надцы собирались на митинги и составляли петиции о расторжении союза. В округе Труа-Ривьер и в городе Квебеке такую петицию подписали 40 тыс. человек.

Борьба франкоканадцев получила поддержку в английской Канаде, где движение за «ответственное правительство» возглавили такие деятели, как преуспевающий адвокат Роберт Болдуин, журналист и делец Фрэнсис Хинкс, крупные канадские предприниматели и торговцы Уильям Меррит, Исаак Бьюкенен и др. По всей Верхней Канаде прошли так называемые дарэмовские митинги с требованием претворить в жизнь рекомендацию доклада Дарэма о предоставлении канадцам самоуправления. Некоторые из этих митингов были разогнаны приспешниками «семейного союза» и шерифами.

Перед выборами 1841 г. И. Лафонтен призывал англо- и франкоканадцев к совместным действиям: «Реформисты составляют громадное большинство в обеих провинциях... У нас общие цели. Интересы реформистов обеих провинций требуют, чтобы в законодательном органе они трудились в духе мира, дружбы и братства». Хинкс также призывал «действовать как канадцы для блага Канады». «Ваши братья, реформисты в Верхней Канаде, встретят вас и ваших соотечественников как канадцев... Не будет проявлено никакой национальной вражды» [21].

Англо-французское демократическое большинство, сплотившееся под лозунгом борьбы за «ответственное правительство», выступило с единой платформой и оттеснило в новой ассамблее олигархические элементы и сторонников губернатора. О солидарности канадцев английского и французского происхождения свидетельствует факт избрания в парламент Лафонтена от Торонто, а Болдуина — от одного из французских округов.

Преемнику Сайденхэма губернатору Чарлзу Бэготу ничего не оставалось делать, как предложить Лафонтену и Болдуину главные посты в правительстве, которое приступило к своим обязанностям в сентябре 1842 г. Это была победа демократической коалиции, ознаменовавшая утверждение принципа ответственности исполнительных властей перед большинством ассамблеи.

Прибывший на смену Бэготу новый губернатор Мэткалф восстановил автократическое правление, но вернуться на прежние позиции колониальный режим в Канаде был уже не в силах. После ухода в отставку правитель-

ства Лафонтена — Болдуина реформистские ассоциации организовали по всей провинции массовые митинги и демонстрации. На митинге торонтских реформистов Болдуин заявил: «Это не обычная партийная борьба. Это Канада борется против своих угнетателей. Народ Канады, требующий английской конституции, борется против тех, кто ей в этом отказывает. Это сила общественного мнения противостоит интригам и коррупции» [22].

Противники самоуправления во главе с губернатором (в том числе члены «семейного союза», клерикальная иерархия обеих частей Канады, проанглийские монреальские купцы) не смогли добиться ощутимого перевеса. Ассамблея раскололась на два лагеря, а назначенное губернатором новое правительство оказалось недееспособным.

Борьба за колониальную автономию была тесно связана с борьбой за национальное равенство франкоканадцев и англоканадцев. Именно поэтому франкоканадские демократы составили главную движущую силу реформистского движения в обеих частях Канады.

Обострение обстановки в колонии вынудило метрополию пойти на уступки. Переменам в Канаде способствовал также ряд других факторов. В Англии к этому времени в связи с победой промышленного капитала над купеческой и землевладельческой олигархией старая меркантилистская система уступила место свободной торговле, конкуренции и экспансии капиталов. Стал утверждаться новый тип колониальных отношений. Борьба колонистов за реформы, возглавляемая местными деловыми элементами, в данном случае отчасти совпала с намерением метрополии осуществить ряд серьезных перемен в Британской Северной Америке.

«Великий голод» 1845—1847 гг. в Ирландии привел к переезду в Британскую Северную Америку свыше 140 тыс. нищих иммигрантов. В колонии заметно выросло число рабочих рук. В рабочий отряд борцов за реформы влились новые силы. Еще в 1845 г. 100 ирландцев, работавших на строительстве канала Лашин, совершили поход в Монреаль, чтобы помочь кандидату от реформистов одержать победу на выборах. В самой метрополии борьба английских чартистов за реформы способствовала движению за самоуправление в колониях.

В январе 1847 г. в качестве губернатора в Канаду прибыл лорд Эльджин, зять Дарэма, разделявший его

взгляды. Он стал проводником той политики, которую провозгласили либералы, пришедшие к власти в Англии. Лорд Эльджин распустил старый парламент и назначил новые выборы. На выборах большинство получили сторонники реформ. В марте 1848 г. Эльджин поручил Лафонтену и Болдуину — лидерам большинства в ассамблее — сформировать правительство, первое канадское правительство, формально ответственное перед колониальным парламентом (правда, при этом колония сохраняла связь с метрополией и признавала ее верховенство в вопросах обороны, внешних сношений и торговли). Вскоре Вестминстер отменил запрет на использование французского языка при ведении официальных дел в провинции Канада. В 1849 г. получили амнистию все участники восстания 1837 г. и был принят законопроект о возмещении ущерба жителям, пострадавшим в ходе подавления восстания. Попытка местных консерваторов из числа некогда могущественного «семейного союза» воспрепятствовать демократическим реформам окончилась провалом. Не помогли ни шовинистическая демагогия, ни петиции в Лондон, ни поджог здания колониального парламента.

«Несмотря на ограниченный характер, перемены, происшедшие в 1848 г.,— пишет С. Б. Райерсон,— ознаменовали собой решающую стадию в буржуазно-демократической революции в Канаде. Коалиция реформистов, представлявшая демократические массовые движения в обеих частях объединенной провинции, завоевала позиции, опираясь на которые, деловые круги колонии могли пойти по пути все ускорявшегося независимого индустриального развития, а народы Канады могли двигаться вперед ко все более широкому самоуправлению и более полному национальному равноправию» [23].

Начавшись снизу как массовое антиколониальное, освободительное движение, революция в Канаде была прервана после поражения вооруженного восстания 1837 г. Однако под влиянием непрекращающейся борьбы народных масс против метрополии Великобритании пришлось пойти на серьезные уступки. Колония получила самоуправление, и власть сосредоточилась в руках национальной канадской буржуазии. Канадская революция, таким образом, оказалась завершенной сверху, половинчато, мирно, предопределив тем самым более сложный и длительный путь Канады к полной независимости.

Глава 8

НА ПУТИ К КОНФЕДЕРАЦИИ

Промышленный бум

Середина XIX в. стала временем бурного промышленного развития Канады. Самоуправление дало возможность канадским буржуа довольно быстро утвердиться в качестве заправил колониального хозяйства. Многочисленные ограничения и препоны на пути роста местного предпринимательства и капиталистических отношений были устранены реформами 40-х годов. Экономический и торговый бум в мире в 50-х годах XIX в., окончательное утверждение в Англии политики свободной торговли также содействовали подъему промышленности Канады. Важную роль сыграл и увеличившийся за рубежом спрос на такие товары, как хлеб и лес.

Благоприятные условия для развития зернового хозяйства Канады возникли в связи с Крымской войной 1853—1856 гг., которая временно лишила мировой рынок русской пшеницы, способствовали этому процессу также «золотые лихорадки» в Калифорнии, Австралии, а позднее в Британской Колумбии. Богатые урожаи канадских фермеров, усовершенствование техники трансокеанских перевозок позволили колониальному зерну с успехом конкурировать на рынках Англии и других стран. Экспорт зерна из портов реки Св. Лаврентия вырос с 3645 тыс. бушелей в 1849 г. до 6597 тыс. в 1853 г. и до 9391 тыс. в 1856 г. Значительно больше зерна вывозилось теперь и в США через континентальную границу.

Что касается лесной промышленности, то строевая сосна из долины реки Оттавы выдержала на мировом рынке конкуренцию даже с балтийским лесом. Увеличились потребности в древесине в Северной Америке, особенно в Соединенных Штатах, где бурно развивались промышленность и города. Через Великие озера древесина вывозилась в штаты Среднего запада Америки, а по

реке Ришельё и каналу Шамбли — в штат Нью-Йорк и Новую Англию. Только в район Осунго в 1850 г. было отправлено свыше 6 млн. футов канадской древесины. В 1853 г. экспорт древесины в США оценивался в 652 тыс. ф. ст. (общая стоимость канадского экспорта леса составляла 2350 тыс. ф. ст.).

Спрос на пиломатериалы привел к переводу лесного бизнеса на промышленную основу. За десять лет, с 1851 по 1861 г., число паровых лесопилок в Канаде увеличилось вдвое. В середине 60-х годов только паровые лесопилки Гамильтона в Хоксбери на реке Оттава давали 27 млн. футов досок.

В этот же период усилилось проникновение американского капитала в лесные районы Канады: едва позиции английской метрополии ослабли, как сильный сосед с юга проявил желание прибрать к рукам природные богатства колонии. Например, самая большая в Канаде паровая лесопилка на реке Сен-Морис, построенная в 1853 г., принадлежала американским капиталистам. Угроза усиления влияния со стороны США становилась с каждым годом все более серьезной для молодой развивающейся страны.

Освоение новых земель под посевы пшеницы, расширение территории лесоразработок и объема торговли привели к развитию сети коммуникаций в Канаде. Водная система реки Св. Лаврентия по-прежнему сохраняла свое важнейшее значение для торговых и иных связей между западными и восточными областями колонии, однако немалую роль стала играть система каналов, позволившая теперь океанским судам доходить до Монреаля, минуя пороги. Одновременно в Канаде началось интенсивное железнодорожное строительство, инициатором которого выступила не только английская, но и доморощенная канадская буржуазия.

Железные дороги в колонии появились еще в 30-х годах XIX в., но вся их протяженность к 1850 г. составляла 66 миль.

Первая крупная железная дорога (между Монреалем и американским городом Портлендом) была построена в 1853 г. От реки Св. Лаврентия тем самым был проложен кратчайший путь к незамерзающему американскому Атлантическому побережью, и монреальский порт перестал зависеть от льдов, сковывавших устье Св. Лаврентия

в холодную канадскую зиму. Еще в 1852 г. началось строительство магистрали между Нижней и Верхней Канадой, в 1856 г. от Монреаля эта линия протянулась до Торонто, а в 1859 г. достигла Сарнии, расположенной на южном берегу озера Гурон. Она не только соединила главные центры Канады, но и сомкнулась с железнодорожной сетью США. Монреаль, Квебек, Торонто оказались связанными железными дорогами с Чикаго, Нью-Йорком, Бостоном и Портлендом.

К 1860 г. в Британской Северной Америке было уже более 2 тыс. миль железных дорог, в строительство которых были вложены по тем временам огромные деньги. За этот период импорт капитала в Канаду составлял 100 млн. долл. по сравнению с 35 млн. в 40-х годах. Объем торговли Канады с Соединенными Штатами благодаря этому с 1853 по 1860 г. удвоился, расширился внутренний рынок. Железные дороги способствовали политической централизации Британской Северной Америки, росту металлообрабатывающей, ремонтно-механической, легкой и пищевой промышленности, добычи угля, выплавки стали. В отличие от ведущих стран капитализма того времени в Канаде железнодорожное строительство предшествовало становлению массового фабричного производства и послужило прелюдией к промышленной революции в этой стране. Местные капиталисты стали создавать крупные предприятия и компании. В 1847 г. Даниэль Мэсси основал в Ньюкасле завод по производству сельскохозяйственного инвентаря, а в 1857 г. подобное предприятие создал Алансон Харрис. На этой основе позднее сложилась крупнейшая и ныне всемирно известная компания «Мэсси-Харрис» — монополист в области сельскохозяйственного машиностроения. В 50—60-х годах в Канаде возводится ряд новых текстильных и мукомольных предприятий, сахарных и вагоностроительных заводов, обувных и швейных фабрик. Зарождается отсутствовавшая до этого тяжелая промышленность. В 1853 г. по железнодорожным рельсам покатился первый, сделанный в самой Канаде локомотив, а в конце десятилетия таких локомотивов насчитывалось 78.

В 60-х годах местная промышленность уже удовлетворяла потребности страны в большинстве металлических изделий. Крупным центром металлообработки стал Монреаль, где действовало несколько крупных по тем време-

нам фабрик и заводов. Один из современников так описывал свои впечатления от города на берегах канала Лашин: «Там я увидел в действии прокатный стан, где производились листы для гвоздей... Этот завод производит в день 12 тонн в основном шотландского чугуна, пудлингованного на заводе. Здесь занято 120 рабочих и за проработанные месяцы 1862 года было выпущено 2 тыс. тонн листов. Завод начал действовать лишь в 1859 году и, я думаю, был первым заводом такого рода в провинции. В окрестностях города имеются еще один прокатный стан и две фабрики по производству гвоздей и костылей. На одной из них я оглох на несколько минут из-за сильного грохота одновременно работающих 12 гвоздильных станков» [1].

В 50-х годах в Канаде возникла и такая отрасль тяжелой промышленности, как металлургия, появились новые крупные банки, финансовые и страховые компании, капитал которых имел местное канадское происхождение. В 1857 г. началась добыча нефти, но ее захватили в свои руки американские капиталисты.

Мчащиеся по канадским просторам паровозы ускорили темп местной жизни, рост старых городов и появление новых поселений. В крупные промышленные центры превратились города Гамильтон, Лондон, Брэнтфорд, расположенные вдоль железных дорог. Население Лондона увеличилось с 5 тыс. в 1850 г. до 15 тыс. в 1856 г., а владельцы собственности в Торонто более чем удвоили состояние за этот же период. Торонто, благодаря своему положению, стал главным центром западной части Канады.

Зарождение промышленного капитализма в середине XIX в. привело к росту рядов рабочего класса. За одно только десятилетие, с 1851 по 1861 г., число рабочих в провинции увеличилось с 71 тыс. до 145 тыс. Но вместе с тем укреплял свои позиции и правящий класс — капиталисты, которые пришли на смену «семейному союзу» и «дворцовой клике» (некоторые представители старой элиты переметнулись на их сторону).

Господствующие группировки канадской буржуазии использовали колониальное правительство, муниципальные власти, связи с метрополией для достижения главной цели — собственной материальной выгоды. Они держались самоуверенно и стремились к экономической не-

зависимости. Окрепли капиталистические группировки в лице лесных магнатов, судовладельцев, местных промышленников, купцов и в приморских провинциях.

Интересы дальнейшего хозяйственного развития Британской Северной Америки поставили на повестку дня вопросы об устранении внутренних тарифных барьеров, принятии мер для защиты молодой канадской промышленности от внешней конкуренции и, естественно, о создании новой политической структуры на месте разобщенных колониальных провинций, объединении их в единое государство. Идея эта обсуждалась сразу же после создания «ответственного правительства». Но дальше дело не пошло. Представитель приморских провинций, лидер сторонников реформ в Новой Шотландии Джозеф Хау в 1850 г. заявил: «Прежде чем станет возможно то или иное объединение, мы должны вначале построить железные дороги. Стороннику законодательного союза я заявляю: ваш план невозможен без железных дорог... Народу приморских провинций я говорю: постройте железные дороги, чтобы вы могли понять, какая плодородная и величественная территория простирается за вами. Канадцев я убеждаю: постройте дороги, чтобы вы могли приехать на побережье, увидеть, какая там активность, и оценить его неисчерпаемые богатства» [2].

Десять лет спустя дороги в провинции Канада были построены, и они сразу же доказали свои преимущества. Удельный вес провинции Канада в экономике Британской Северной Америки резко возрос. Приморские провинции, где железнодорожное строительство только начиналось, а в промышленности преобладали мелкие капиталистические предприятия, стали сильно отставать от центральных районов. С 1851 по 1871 г. население Монреаля и Торонто удвоилось, население Галифакса увеличилось лишь с 20 до 30 тыс., а Сент-Джона — с 23 до 29 тыс. Галифакс и Сент-Джон не были связаны железными дорогами с Канадой. Товары и капитал шли в Канаду и из нее, минуя Нью-Брансуик и Новую Шотландию, особенно в зимнее время. По этим причинам торгово-промышленная буржуазия Галифакса и Сент-Джона стала горячим поборником создания в Британской Северной Америке континентальной системы железных дорог, объединения рынков провинций в единый.

Новые преобразования

Препятствием на пути дальнейшего развития капитализма в Канаде был сеньориальный строй. Борьба за его отмену вылилась в острое столкновение различных классов и групп.

Резче всех в защиту феодальной земельной собственности выступила церковь — самый крупный собственник земли и, естественно, сами сеньоры. Сеньор Монтебелло — так именовал себя вернувшийся из изгнания Папино — заявил: «Я — убежденный реформист, поскольку речь идет о необходимых политических переменах, но закоренелый консерватор, когда дело касается защиты священного права собственности» [8]. Правда, некоторые сеньоры, чаще английского происхождения, готовы были вести капиталистическое хозяйство, сулившее немалые прибыли, и не возражали против изменения характера землевладения.

За ликвидацию феодальной земельной собственности выступали англоканадские торговые и промышленные круги. Феодальные порядки замедляли рост капиталовложений и сужали внутренний рынок, ибо в сеньориях по-прежнему сохранялись пережитки натурального хозяйства, а также ограничивали масштабы прибыльной земельной спекуляции.

Главной же силой, которая смела сеньориальный строй, было массовое движение абитанов и радикальных демократов, выходцев из рядов средних слоев.

Стало ясно, что феодализм в Канаде обречен. И тогда сеньоры попытались избежать конфискации земли и взвалить на крестьян бремя выкупа сеньориальных прав. Здесь они нашли союзников в лице нового правящего класса — промышленной элиты, которой были чужды судьбы тысяч франкоканадских крестьян. Коалиция канадских либералов и консерваторов, составлявшая тогда правительство, пошла на реформу. Бурную деятельность по переработке парламентского законопроекта в угоду метрополии развил губернатор Эльджин, который решительно выступал против идеи конфискации помещичьих земель.

В 1854 г. парламент провинции Канада принял закон об уничтожении церковных отрезков и сеньориальных

прав. Как пишет канадский историк Жорж Белларжо, акт 1854 г. явился «результатом жалоб и петиций народа, которые вызывались в основном оскорбительными поборами со стороны ряда сеньоров... Эти поборы породили волну протестов, перед которой не могли устоять ни государственные деятели, ни правительство» [4].

Правда, согласно закону 1854 г., сеньоры получили 10 млн. долларов компенсации за лишение их феодальных прав и в полную собственность непожалованную землю, а крестьяне — лишь право выкупать сразу или постепенно земельные подати и ренту. Многие крестьяне выплачивали этот выкуп вплоть до 1940 г.!

Другим вопросом, вокруг которого в Канаде велась острая борьба, был вопрос о реформе народного образования. Длительное время в провинции господствовала система узкокастовых и религиозных школ и семинарий. Массы простых поселенцев, лишенные возможности иметь собственные школы, нигде не обучали своих детей. Промышленная революция и демократизация канадского общества породили потребность в свободных, светских школах для широкого начального обучения населения. В 1850 г. был принят закон, который предписывал муниципалитетам ввести особый налог на собственность для финансирования образования, но проведение в жизнь этого закона шло медленно. Состоятельные жители не хотели поддерживать, по их словам, «неправильное положение, устанавливающее коммунизм в деле образования и подрывающее тем самым устои общества» [5].

В Нижней Канаде борьба за демократическую систему образования осложнялась еще и сопротивлением католической церкви, которая стремилась к установлению полного контроля над школами. За открытие гражданских школ выступали мелкобуржуазные демократы из «Парти руж», франкоканадская интеллигенция, простые поселенцы. В 1845 г. был создан первый профсоюз светских учителей французской Канады, а в 1864 г. франкоканадские учителя основали собственную газету, бросившую вызов церкви. Но одолеть силу папской реакции было непросто. Католическое духовенство, используя национализм франкоканадцев, их борьбу против «обангличанивания», в конечном итоге добилось создания системы церковных школ и клерикализации образования в этой части провинции.

В 1830—1850 гг. произошли важные сдвиги в формировании франкоканадской общности и развитии национального движения во французской Канаде. К моменту английского завоевания в 1760 г. канадцы французского происхождения представляли собою «отчетливо сознающую свое единство этническую общность»[6], но еще не сложившуюся нацию.

В процессе становления капиталистических отношений, борьбы против английской метрополии и англоканадского шовинизма население французской Канады, сохранив свой язык, свою культуру, сплотилось во франкоканадскую нацию. Именно в эти годы были заложены основы франкоканадской литературы. Писатели О. Кремази, А.-Р. Касгэн, А. Жеран-Лажуа воспевали прошлое, обращались к периоду Акадии и Новой Франции, идеализировали сельскую жизнь. Появились литературные журналы и общества, пробудился интерес к историческому прошлому. В 1845—1848 гг. вышла трехтомная история Канады Франсуа-Ксавье Гарно, где прошлое страны рассматривалось с позиций борьбы франкоканадцев за «выживание». Труд Гарно стал «национальной библией» и оказывал сильное влияние на франкоканадскую историческую мысль в течение многих десятилетий.

Более печальная участь постигла индейцев. За 200 с лишним лет европейской колонизации они оказались в полной зависимости от пушной торговли. Прекращение ее в центральных районах оставило их без средств к существованию. Мчавшиеся по рельсам поезда, волны поселенцев, захлестывавшие район Великих озер и прерий, добивали экономику и культуру коренных жителей. Распрощались со своими землями у Гранд-Ривер и обнищали некогда могущественные индейцы Союза шести племен.

Для того чтобы очистить от индейцев южные районы Канады, губернатор Хэд приобрел у них обманным путем остров Манитулин и острова Джорджиан-Бея.

Колониальные власти отказались признать индейцев как отдельную этническую общность. Акт 1857 г. определил основные положения опеки над ними. В 1860 г. произошла формальная передача управления индейскими делами в руки канадского правительства. Департамент по делам индейцев продолжал политику ограбления туземного населения, которая практически не отличалась от политики английских колонизаторов. Изъятие земли у

индейских народов осуществлялось с помощью обмана и насилия, выдававшихся за отеческую заботу. В ряде случаев индейцы оказывали сопротивление. Летом 1863 г. на острове Манитулин произошло столкновение между индейцами и полицейскими силами, а в конце 60-х годов вспыхнуло открытое восстание индейцев и метисов на северо-западе.

Опасное соседство

Едва колониальная буржуазия Канады получила в 1848 г. политическую власть, как перед ней встал вопрос, сможет ли молодая капиталистическая экономика, испытывая давление со стороны мощной промышленности Англии и США, устоять на ногах. Переход Англии к политике свободной торговли и отмена системы льготных пошлин лишили канадских экспортеров защиты, которой они до этого пользовались. Губернатор Эльджин сообщал в Лондон в 1848 г., что «владельцы мельниц, агенты и купцы быстро разоряются, а экспорт пшеницы и муки переходит из рук Монреаля в руки Нью-Йорка» [7].

Такой поворот дела побудил некоторую часть канадской буржуазии, в основном крупных монреальских предпринимателей, связанных с лесной и мукомольной промышленностью, а также с судоходством, выступить за присоединение Канады к США. В октябре 1849 г. в Монреале был выпущен «Манифест аннексии», призывавший к «союзу на справедливых условиях с великой североамериканской конфедерацией суверенных штатов». Манифест подписало около тысячи человек, главным образом консервативно настроенные англоканадцы — самые крупные капиталисты колонии.

Аннексионисты развернули шумную агитацию, но в самой Канаде не встретили широкой поддержки, зато в северных штатах США у них обнаружились горячие сторонники, там сразу же стали созываться митинги и приниматься резолюции, требовавшие от правительства США присоединения Канады. Имперские власти в колонии резко выступили против аннексионистов. Эльджин получил приказ бороться всеми имеющимися в его распоряжении средствами против любой попытки, которая могла быть «предпринята с целью осуществить отделение Канады от английских владений» [8].

Однако на сей раз конфликт был решен без применения силы. Достаточно влиятельная группа канадской буржуазии посчитала более целесообразным добиться торгового соглашения с США, которое бы открыло обеим сторонам рынки для сбыта продукции. Проведение политики наибольшего благоприятствования торговле с Соединенными Штатами выбило почву из-под ног у открытых аннексионистов.

В 1853 г. Канада изменила свою денежную систему и перешла с английского фунта на канадский доллар, как более удобный для торговли с США. В 1854 г. Канада и США заключили Договор о взаимности, который предусматривал для обеих сторон свободную торговлю сырьем и продукцией сельского хозяйства, открывал канадские водные пути для американского судоходства наравне с английским, а также предоставлял США доступ к рыбным промыслам приморских провинций.

Договор о взаимности заставил канадских капиталистов позаботиться и об укреплении позиций собственной промышленности. В Торонто была создана Ассоциация содействия канадской промышленности, в Монреале — Ассоциация тарифной системы. По инициативе министра финансов провинции А. Т. Голта у Англии удалось вырвать согласие установить в Канаде протекционистские пошлины на ввозимые товары, в том числе британский импорт. В 1859 г. такие первые в истории Канады тарифы, создавшие для сбыта собственных товаров более благоприятные условия, вступили в действие.

Решимость канадских промышленников укрепить национальную экономику страны вызвала недовольство как в Англии, так и в США. Надеждам американцев превратить Канаду в сырьевой придаток США тогда не суждено было сбыться.

В 1861 г. в США началась гражданская война между Севером и Югом. Это событие получило в Канаде заметный резонанс. По словам С. Б. Райерсона, «перед лицом гигантского потрясения к югу от канадской границы, где сражались громадные армии, каждая из которых являлась стороной в величайшем социальном и политическом конфликте, канадское общество оказалось расколотым надвое» [9].

Трудящееся население Канады, ненавидевшее рабство, и значительная часть буржуазии встали на сторону Севе-

ра. У канадских демократов были давние традиции борьбы с рабством. Законопроект 1793 г. ликвидировал рабство в Верхней Канаде, закон 1833 г., принятый английским парламентом, официально запретил рабство в британских колониях. Уильям Макензи, несмотря на свои симпатии к американской республике, неоднократно выступал с осуждением «постыдной системы рабства людей». Антирабовладельческие настроения в Канаде усилились после принятия в 1851 г. закона, согласно которому преследовались негры, бежавшие на север. На антирабовладельческой демонстрации 1852 г. лидер демократов в западной Канаде Джорж Браун говорил: «Часто задают вопрос, какое нам, канадцам, дело до американского рабства? Нас это касается самым непосредственным образом... ибо дело идет о самозащите. Проказа чудовищной системы заражает все вокруг себя. Она отравляет мысли, чувства, институты народа, который соприкасается с ней... Мы находимся рядом с этим великим злом. Наши люди постоянно сталкиваются с ним... Наш долг, долг свободных людей, поднять голос протеста против системы, которая грязным пятном ложится на дело свободы народа» [10].

Задолго до начала войны Канада стала прибежищем для американских рабов. «Прощай, мой старый господин, меня ты не ищи. В Канаду пробираюсь я, свободны негры там»,— пелось в одной из негритянских песен.

В Канаде находился конечный пункт «тайной железной дороги», по которой смелые и беззаветно преданные свободе «проводники» переправляли с юга на север сотни и тысячи рабов. Так, американская Жанна д'Арк — негритянка Гарриэт Табмэн — организовала переброску в Канаду 300 негров и приняла участие в создании в Сен-Катаринсе общества помощи беглым рабам. В 1850 г. в Канаде насчитывалось 30 тыс. негров, а к 1860 г.— уже 60 тыс. В мае 1858 г. в Чатаме состоялся конвент американских негров-аболиционистов — борцов против рабства. Инициатором конвента был знаменитый Джон Браун.

Настроения многих канадцев после начала войны в США четко выразила газета «Глоуб»: «Каждый канадец, желающий процветания своей стране, должен молиться, чтобы северные армии добились скорой победы и чтобы власть рабовладельцев была уничтожена» [11].

Борьба северян против рабовладельцев Юга нашла еще большее сочувствие среди канадских фермеров после

принятия президентом США А. Линкольном Акта о гомстеде.

«Демократическое земельное законодательство, дававшее юридическое право бесплатно получать участок земли в 64 акра, стало предметом чаяний трудящихся масс Канады»,— отмечает советский исследователь А. Г. Милейковский [12]. Не случайно свыше 50 тыс. солдат армии Севера являлись гражданами Канады.

В отличие от большинства населения, власти провинций Британской Северной Америки, как и правительство Англии, а также многие крупные канадские капиталисты поддерживали Юг. Образовавшие конфедерацию южные штаты создали в Канаде базу для подготовки своих операций. Из Торонто и Монреаля, Галифакса и Сент-Джона тянулись нити заговоров, предпринимались рейды и организовывались нападения на суда, лагеря для пленных и гражданское население северных городов. В Монреале конфедераты, очевидно, разрабатывали и планы убийства Линкольна. В Монреальский банк они положили крупные суммы денег для финансирования противников северян.

«Сочувствие южанам со стороны консервативного господствующего класса было проявлением классовой солидарности,— пишет С. Б. Райерсон.— Борьба рабовладельцев в защиту своей собственности приняла характер борьбы в защиту права собственности вообще. Поддержка Линкольна и Севера радикалами и рабочим классом, казалось, лишь подтверждала это. И обладатели крупных состояний, и ярые сторонники английской имперской политики — все приняли сторону конфедерации» [13].

Провокационная политика британских властей в Канаде, рейдерские операции конфедератов с канадской территории дали повод американской буржуазии требовать захвата Канады. В администрации Линкольна были люди типа государственного секретаря Уильяма Сюарда, который «публично проповедовал... аннексию Канады в качестве компенсации за тот ущерб, который может нанести нелояльность Юга» [14]. Сюард также вел переговоры с группой банкиров о выкупе у Компании Гудзонова залива ее прав на западные земли Канады. Шумно ратовали за присоединение Канады и некоторые крупнейшие газеты США. Одновременно выдвигалось предложение заполучить у России Аляску с тем, чтобы Соединенные

Штаты зажали в тиски английские колонии и стали властелином континента.

Однако в годы войны для захвата Канады США имели мало шансов. К тому же сам президент Линкольн пресекал амбиции экспансионистского крыла в среде влиятельных американцев и в 1861 г. при встрече с канадским министром Голтом «поклялся честью, что ни он, ни члены его кабинета не имеют никаких агрессивных замыслов против Канады» [15]. 15 апреля 1865 г. во время торжеств по случаю победы Севера Авраам Линкольн был убит.

После окончания войны стремление захватить Канаду достигло в США апогея. Прежде всего был отменен Договор о взаимности. Американская газета «Чикаго трибюн» писала: «Канадцы... пересидят в своих холодах несколько лет... но потом будут вынуждены постучаться, чтобы их приняли в состав великой республики». Эта же газета обещала читателям, что республика проглотит Канаду «с такой же быстротой, с какой сокол схватывает перепела» [16].

Алчных янки интересовали не только земли Канады, но и богатства атлантических провинций. В июне 1866 г. генерал Натаниэль Бэнкс внес в конгресс билль, в котором предлагалось издать декларацию, объявляющую, что любая провинция Британской Северной Америки по ее просьбе будет принята в состав США. Этот шаг вызвал беспокойство в Канаде: 20 лет назад подобные «просьбы» позволили США аннексировать территорию Техаса.

После покупки у России Аляски за ничтожную сумму в 7,2 млн. долл. позиции США на севере континента еще более укрепились. Приобретение Аляски американские газеты и политические деятели открыто называли «шагом к оккупации всей Северной Америки». Больше всего США продолжали интересовать владения Компании Гудзонова залива.

Однако свои цели американская буржуазия маскировала лозунгами борьбы против колониальной политики Англии. Одним из орудий ее аннексионистской политики стали ирландцы — члены преследуемой в Англии тайной организации «Фенианское общество», эмигрировавшие в США. В 1865 г. они создали там свою легальную организацию и приняли решение сформировать ирландскую

армию, чтобы осуществить вторжение в Канаду. Фениев поддерживали многие влиятельные лица в Соединенных Штатах.

В мае 1866 г. около 800 ирландцев переправились через Ниагару и захватили поселок Форт-Ири. Они обратились с призывом к канадцам свергнуть власть Англии и учредить республику. Спустя несколько дней перед лицом десятикратно превосходивших сил противника фении отступили с занятой территории, но их командование сразу же начало готовить новое нападение на Канаду.

Набеги фениев, как и экспансионистская политика США, послужили важнейшим внешним фактором, ускорившим образование союза колоний Британской Северной Америки.

Другой важной предпосылкой создания федерального государства явилось стремление Англии укрепить свои позиции на землях к северо-западу от Великих озер и на Тихоокеанском побережье, что также требовало более прочной централизации и объединения всех провинций [17].

Это заставило Лондон коренным образом пересмотреть вопрос о путях развития канадского Запада и стать сторонником централизации управления Британской Северной Америки, объединения в федерацию ее колоний.

Рождение доминиона

Союз британских колоний начал складываться еще в 50-е годы. В 1859 г. Голт высказал мысль о том, чтобы Канада обратилась к другим провинциям с предложением перейти к свободной торговле между ними и ввести общие тарифы. Однако сделать что-либо более конкретное в этом направлении мешала непрекращающаяся внутренняя партийно-политическая борьба.

Подъем промышленности в Канаде и образование «ответственного правительства» привели к перегруппировке политических сил в колонии. Власть сосредоточилась в руках новой промышленной элиты. Ее политическим оформлением стала коалиция либералов и консерваторов, державшая в своих руках бразды правления в течение нескольких десятилетий. В этом заключались основные

политические итоги буржуазной революции в Британской Северной Америке, которая после поражения вооруженной народной борьбы завершалась сверху. Но и для осуществления основных реформ потребовалось мощное давление со стороны народа, борьба демократических сил с силами реакции. Массовые оппозиционные движения получили теперь опору в лице новых политических партий, которые сложились среди канадских радикалов после 1840 г. Это были партия «Клиэ критс» в английской Канаде во главе с Джорджем Брауном и «Парти руж» — во французской Канаде во главе с Антуаном Дорионом.

За десять лет, с 1854 по 1864 г., в провинции сменилось десять правительств. Наконец, была создана «великая коалиция», в которую вошли ведущие политические фигуры — лидеры основных партий и группировок в обеих частях провинции. Причиной объединения самых различных сил явилось стремление выйти из конституционного тупика и решить вопрос о федеративном союзе.

Наиболее прочные позиции в новой правительственной комбинации занимали Джон А. Макдональд и Александр Т. Голт, представлявшие интересы самой влиятельной группировки англоканадских промышленников, тесно связанных с Лондоном и со штаб-квартирой в Монреале. К Макдональду присоединился и его давний противник Джордж Браун, выступавший от имени промышленников и торговцев Торонто, а также широких кругов реформистов городов и сельских мест английской Канады. От французской Канады главной фигурой был Жорж Этьен Картье, отражавший взгляды консервативного крыла франкоканадской буржуазии и церкви, поддерживавших идею создания федерации. Франкоканадская радикальная демократия в лице «Парти руж» осталась за пределами коалиции. Последние боролись против плана создания федерации, предлагаемого Макдональдом и Картье, считая его антидемократическим и не обеспечивающим права франкоканадской нации.

Возникновение коалиции Макдональд—Браун—Картье явилось решающим шагом на пути образования союза. Но с конкретной инициативой выступили атлантические провинции, организовавшие в сентябре 1864 г. в Шарлоттауне конференцию по вопросу об объединении трех провинций: Новой Шотландии, Нью-Брансуика и острова

Принца Эдуарда. На конференцию прибыли посланцы провинции Канада с предложением расширить это объединение. Участники встречи согласились созвать в Квебеке официальную конференцию.

10 октября 1864 г. в Квебеке собрались 33 делегата, чтобы выработать проект конституции нового союза. Конференция одобрила идею более обширного федерального союза и приняла 72 резолюции, которые легли в основу Акта о Британской Северной Америке 1867 г.

«Квебекские резолюции» гласили:

«1. Федеральный союз под короной Великобритании при условии, что он может быть достигнут на справедливых в отношении отдельных провинций принципах, будет отвечать высшим интересам, способствовать настоящему и будущему благоденствию Британской Северной Америки.

2. В федерации провинций Британской Северной Америки системой правительства, наилучшим образом защищающей в настоящих условиях разнообразные интересы отдельных провинций, обеспечивающей эффективность, гармонию союза и его постоянное функционирование, явилась бы такая система, при которой существовало как центральное правительство, в чьи функции входило бы решение вопросов, представляющих общий интерес для страны в целом, так и местные правительства для каждой из частей Канады и для провинций Новая Шотландия, Нью-Брансуик и остров Принца Эдуарда. Эти правительства осуществляли бы контроль над местными делами на соответствующих территориях.

3. Вырабатывая конституцию центрального правительства, конференция, намереваясь увековечить наши связи с метрополией и в высших интересах народов этих провинций, стремится в той степени, в какой позволяют наши условия, принять за образец английскую конституцию» [18].

В этих словах уже были обрисованы основные черты объединенного канадского федерального государства.

В то время когда провинциальные правительства обсуждали и ратифицировали резолюции, в колониях поднялась волна антифедеративных настроений, разгорелись политические страсти. Едва ассамблея Канады одобрила проект конституции, как избиратели Нью-Брансуика рез-

ко отвергли их и вынудили правительство, выступавшее за конфедерацию, уйти в отставку. Ассамблея острова Принца Эдуарда также отвергла «Квебекские резолюции». В Новой Шотландии правительство отошло от согласованного курса.

После того как власти провинций все-таки ратифицировали «Квебекские резолюции», документ был доставлен в Лондон делегацией во главе с Макдональдом, Картье и Голтом.

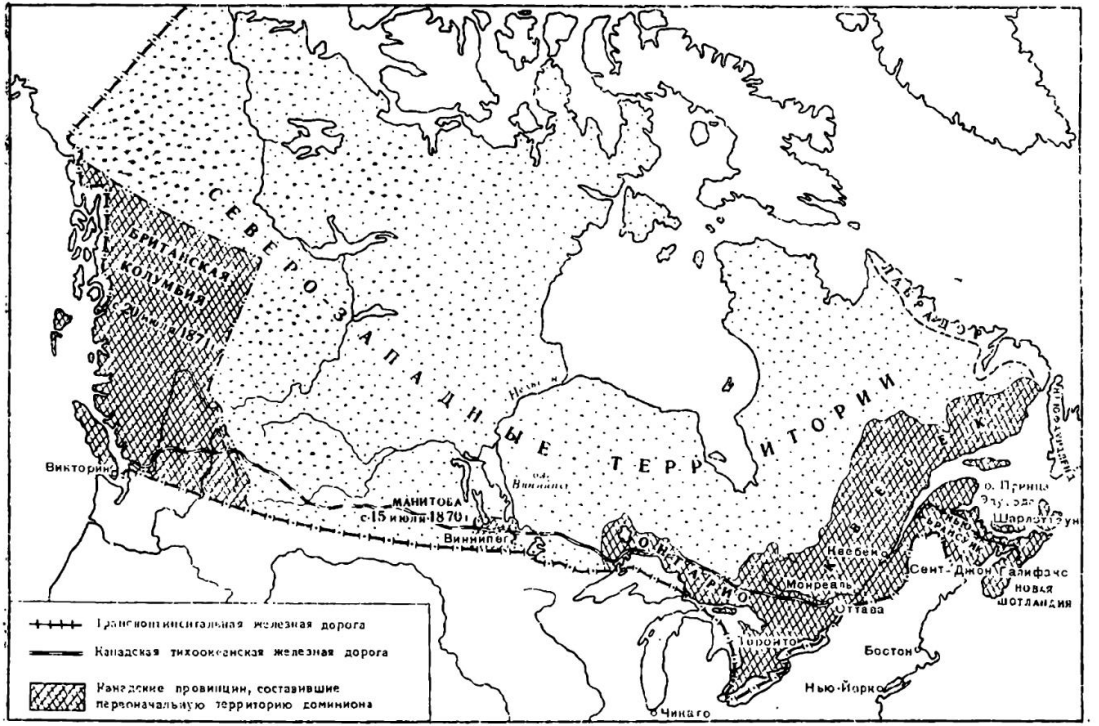
Правительство либералов в Англии понимало, что процесс становления канадской независимости зашел слишком далеко и что лучше примириться с самостоятельностью Канады, сохранить самые тесные узы с ней, чем утратить ее вовсе в результате новых антиколониальных выступлений или же аннексии со стороны США.

В 1867 г. палата общин в Вестминстере приняла без всяких разногласий Акт о Британской Северной Америке.

Новый закон начинался такими словами: «Принимая во внимание, что провинции Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик выразили желание объединиться в единый федеративный доминион под короною Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, имеющий конституцию, в основном сходную с конституцией Соединенного Королевства... Да будет поэтому поставлено и объявлено превосходнейшим Величеством королевы...[что] провинции Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик образуют и составят единый доминион под именем Канада» [19].

Термин «доминион» был заимствован из религиозного псалма и означал «владение». Решение так именовать впредь новое государство, видимо, имело тактический смысл. Согласиться с предложением Макдональда и назвать федерацию «канадским королевством», чтобы подчеркнуть монархическое устройство Канады, английская палата общин не рискнула. Это могло вызвать нежелательное раздражение в США. И в то же время слово «владение» давало понять, что на политической карте Северной Америки появилось не полностью независимое государство, а полуавтономная федерация бывших колониальных провинций. Британская корона не уходила с исторической сцены на Американском континенте.

Официально днем рождения доминиона считается 1 июля 1867 г., когда вступил в силу Акт о Британской



Доминион Канада

Северной Америке — конституция Канады, действующая и поныне. В состав доминиона вошли четыре провинции: образованные из провинции Канада французский Квебек и англоязычный Онтарио, а также Новая Шотландия и Нью-Брансуик. В 1870 г. с согласия английского правительства Компания Гудзонова залива уступила доминиону Канада обширные северо-западные территории от Великих озер до Скалистых гор, на которых были образованы провинции Манитоба, Саскачеван и Альберта. В 1871 г. к Канаде присоединилась Британская Колумбия, а в 1873 г.— остров Принца Эдуарда.

Согласно Акту 1867 г. парламент доминиона учреждался по типу английского, в составе двух палат — нижней, избираемой населением, и верхней — сената, назначаемого генерал-губернатором. Федеральное правительство занималось вопросами обороны, финансами, транспортом, связью, регулированием торговли, налогообложением, иммиграционной политикой. Правительство доминиона имело право назначать и увольнять лейтенант-губернаторов провинций.

Функции провинций ограничивались решением дел, связанных с местным самоуправлением, просвещением, здравоохранением, охраной имущественных и гражданских прав.

Французский Квебек рассматривался в качестве одной из провинций и не более. Единственная статья в конституции, отражавшая двунациональный состав возникшего государства, касалась признания права выступать на французском языке в парламентских прениях.

Канадская конституция обеспечивала господствующее положение англоканадской нации. Англия сохранила за собой право определять внешнеполитический курс страны, вносить изменения в ее конституцию.

Англоканадская буржуазия заняла командные высоты в федеральных органах власти, англоканадский капитал подчинил себе хозяйственную жизнь не только в англоязычных провинциях, но и в Квебеке.

Появление канадского централизованного государства — «доминиона от моря до моря», как гласит надпись на государственном гербе Канады, стало возможным благодаря объективному процессу развития буржуазных отношений и формирования единого общеканадского хозяйственного и общественного организма. Железные дороги

ускорили появление городов, промышленности и капиталов, а владельцам последних дали необходимую силу, чтобы взять в свои руки дело создания самостоятельного государства и политическую власть в новом образовании.

Но путь к его основанию был проложен прежде всего народными массами, освоившими огромные территории на континенте, создавшими на новой земле прекрасные материальные и культурные ценности, проявившими готовность взяться за оружие и отдать свою жизнь, чтобы стать свободными.

Несмотря на ограниченность и незавершенность своего конституционного устройства, Конфедерация 1867 г. явилась историческим достижением народа Канады. Новое государство узаконило многие из тех демократических прав, за которые велась борьба в 1837 г. Оно открыло перспективы самостоятельного развития страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая книгу, хотелось бы сказать несколько слов о том, как сложилась последующая судьба созданного в 1867 г. самостоятельного канадского государства. История его образования была долгой и трудной. Не менее сложным путем пошло и дальнейшее развитие страны. Английские колонизаторы нелегко сдавали свои позиции. Метрополия направляла внешнеполитическую деятельность доминиона вплоть до 30-х годов XX в. Только в 1947 г. был принят Закон о канадском гражданстве, а к 100-летию канадской конфедерации страна обрела свой национальный гимн и флаг. Только в 1977 г. было покончено с анахронизмом, и канадцев перестали считать подданными британской короны.

Не сразу оформилась и территория современного общеканадского государства. В 1949 г. в состав Канады на правах провинции вошел Ньюфаундленд — последнее британское владение на Североамериканском континенте.

В новейшее время, особенно после второй мировой войны, историческое развитие Канады осложнил еще один внешний фактор. Это — экспансия со стороны монополистического капитала США. Монополии США захватили ключевые позиции в канадской экономике, вытеснив своих английских конкурентов. Колоссальная экономическая, политическая и идеологическая зависимость от южного соседа придала этой стране монополистического капитала одновременно и черты, свойственные полуколониальной стране. Достижение суверенитета стало одним из главных устремлений широких слоев населения Канады. Против американских монополий, эксплуатирующих природные богатства и труд канадцев, решительно вы-

ступает рабочий класс, соединяя это с борьбой за демократию и социальный прогресс внутри страны.

Своеобразно проходили этнические процессы в Канаде. Сложившись в основном как государство двунациональное, она в дальнейшем стала местом поселения нескольких миллионов новых эмигрантов из стран Европы, Азии и Латинской Америки. Этническая пестрота не только придала канадскому обществу и его культуре особый колорит, но и породила трудноразрешимые в условиях господства монополистического капитала национальные проблемы, особенно обострившиеся в последние десятилетия.

Глава 1. Истоки канадской истории

1 *Берзина М. Я.* Формирование этнического состава населения Канады. М., 1971, с. 35.
2 *Морган Л.* Древнее общество. Л., 1935, с. 89.
3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 97–98.
4 Там же, с. 99.
5 Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, с. 44.
6 *Хеннинг Р.* Неведомые земли, т. 3. М., 1961, с. 157.
7 *Oleson T. J.* Early voyages and northern approaches. 1000—1632. Toronto, 1968.
8 Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973, с. 91—92.
9 *Ingstad H.* Westward to Vinland. N. Y., 1969, p. 197—203, 210—221.

Глава 2. Начало колонизации

1 *Williamson J.* The Cabot voyages and Bristol discovery under Henry VII. Cambridge, 1962, p. 19–20.
2 Ibid., p. 204.
3 *Morrison S. E.* The European discovery of America. The northern voyages. A. D. 500—1600. N. Y., 1971, p. 220—225; *Oleson T. J.* Op. cit., p. 134—140.
4 The voyages of Jacques Cartier. H. P. Biggar (ed.). Ottawa, 1924, p. 6.
5 Ibid., p. 34.
6 *Бейклесс Дж.* Америка глазами первооткрывателей. М., 1969, с. 115.
7 A collection of documents relating to Jacques Cartier and the Sieur de Roverval. H. P. Biggar (ed.). Ottawa, 1930, p. 45, 53.
8 *Бейклесс Дж.* Указ. соч., с. 117.
9 Там же, с. 119.
10 Там же, с. 121—122.
11 A collection of documents..., p. 178–185.
12 *Morrison S. E.* Op. cit., p. 441.
13 Works of Champlain, vol. I. H. P. Biggar (ed.), p. 125—152.
14 Ibid., vol. V, p. 61—65, 69.
15 Цит. по: *Trudel M.* The beginnings of New France. 1524—1663. Toronto, 1973, p. 162.

Глава 3. Новая Франция

1 The jesuit relations and allied documents, 34 vls., vol. XL. Cleveland, 1933—1945, p. 214.
2 *Eccles W. J.* Canada under Louis XIV. 1663–1701. Toronto, 1968, p. 25.
3 Rapport de l'archiviste de la province de Quebec (далее — RAPQ), 1930—1931. Quebec, 1932, p. 9.
4 RAPQ, 1926–1927, p. 27.
5 *Eccles W. J.* Op. cit., p. 56.

6 Ibid., p. 49—50.
7 Ibid., p. 69.
8 См. *Фидлер И.* Канада, пахнущая смолой. Пер. с польск. М., 1961, с. 206—210; *Бейклесс Дж.* Указ. соч., с. 282—298.
9 *Eccles W. J.* Op. cit., p. 106.

Глава 4. Борьба за континент

1 Histoire du Canada par les textes. Frégault G., Brunet M., Trudel M. (eds.). Montréal, 1965, p. 41.
2 *Lafontan L.* New voyages to North America, vol. 1. L., 1703, p. 83.
3 *Райерсон С. Б.* Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 года. М., 1963, с. 170.
4 *Frégault G.* La civilization de la Nouvelle France. Montréal, 1944, p. 179.
5 *Магидович И. П.* История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962, с. 204.
6 *Frégault G.* Op. cit., p. 165.
7 *Райерсон С. Б.* Основание Канады..., с. 203.
8 *Stanley G.* New France. The last phase. 1744—1760. Toronto, 1968, p. 45.
9 *Parkman F.* Montcalm and Wolfe. N. Y.— L., 1974, p. 108.
10 *Stanley G.* Op. cit., p. 53.

Глава 5. Под пятой Англии

1 См.: *Тишков В. А.* К истории возникновения франкоканадского национального вопроса.— «Вопросы истории», 1974, № 1, с. 76—90.
2 Понятие «Канада» и «Квебек» были в то время фактически синонимами, хотя термином «Канада» после образования США все чаще стали обозначать все оставшиеся английские колониальные владения к северу от американской границы, составившие затем территорию будущего самостоятельного канадского государства.
3 Documents relating to the constitutional history of Canada. 1759—1791 (далее — CD, 1759—1791). A. Shortt and A. Doughty (eds.). Ottawa, 1918.
4 *Аптекер Г.* Американская революция. 1763—1783. Пер. с англ. М., 1962, с. 211—212.
5 CD, 1759—1791, p. 664—665.
6 Ibid., p. 672.
7 Public archives of Canada. Report for the year (далее — PACR) 1905, p. 386.
8 Naval documents of the american revolution, vol. 2. W. B. Clark (ed.). Washington, 1966, p. 1073.
9 *Аптекер Г.* Указ. соч., с. 219.
10 *Райерсон С. Б.* Основание Канады..., с. 231.
11 The writings of Samuel Adams, vol. 3. H. A. Cushing (ed.), N. Y., 1906, p. 297.
12 *MacNutt W. S.* The atlantic provinces. The emergence of colonial society. 1712—1857. Toronto, 1965, p. 80.
13 Англия сохраняла, кроме того, в Северной Америке Ньюфаундленд и остров Принца Эдуарда.
14 Select documents in canadian economic history, 1783—1885. H. A. Innis and A. R. M. Lower (eds.). Toronto, 1933, p. 10.
15 *Harlow V. T.* The founding of the Second British Empire. 1763—1793, vol. 2. L., 1964, p. 723.
16 CD, 1759—1791, p. 811.

Глава 6. Предпосылки революции

1 *Macdonald N.* Canada, 1763—1841. Immigration and settlement. The administration of the imperial land regulation. L., 1939, p. 515.

[2] *Durham J. L.* The report of the earlof Durham. L., 1902, p. 13.
[3] *Диккенс Ч.* Собр. соч. в 30-ти томах, т. 9. М., 1958, с. 252.
[4] «Московские ведомости», № 60, 1837, 28 июля.
[5] Select documents in canadian economic history, p. 347—349.
[6] *Ouellet F.* Histoire economique et sociale du Quebec. 1760—1850. Structure et conjucture. Montréal, 1966, p. 29.
[7] *Ryerson S. B.* 1837 — the birth of canadian democracy. Toronto, 1937, p. 64.
[8] The report of the earl of Durham, p. 105.
[9] *Jameson A.* Winter studies and summer rambles in Canada, vol. 2. Toronto, 1843, p. 98.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 383.
[11] «La Minerve», 1837, 17 Mar.
[12] *Jameson A.* Op. cit., vol. 1, p. 25.
[13] *Диккенс Ч.* Собр. соч. в 30-ти томах, т. 9, с. 35.
[14] *Dent J. C.* The story of the Upper Canadian rebellion, vol. 1. L., 1885, p. 85.
[15] *Dubuc A.* Problems in the study of the stratification of the canadian society from 1760 to 1840.— «Canadian Historical Association's Report», 1965, p. 22.
[16] Statutes, treaties and documents of the Canadian Constitution. 1713—1929. W. P. M. Kennedy (ed.). Toronto, 1930, p. 238—240, 268.
[17] *Wade M.* The French-Canadians, vol. 1. Toronto, 1968, p. 95.
[18] *Brunet M.* Les Canadiens et la France revolutionnaire.— «Revue d'Histoire de L'Amerique Francaise», 1960, vol. XIII, p. 474—475.
[19] *Roy R.* Resistance independantiste, 1793—1798. Montréal, 1973, p. 41.
[20] PACR, 1891, p. 64—65.
[21] *Christie R.* A history of the late province of Lower Canada, vol. 1. Toronto, 1848, p. 307.
[22] Statutes, treaties and documents of the Canadian Constitution, p. 280.
[23] Архив внешней политики России, ф. Канцелярия, 1836, д. 220, л. 40.
[24] *Clark S. D.* Movements of political protest in Canada. 1640—1840. Toronto, 1959, p. 278.
[25] *Brown T. S.* 1837 and my connection with it. Quebec, 1898, p. 15.
[26] *Clark S. D.* Op. cit., p. 283.
[27] «Vindicator», 1837, 21 Apr.
[28] PACR, 1923, p. 270—271.
[29] *Clark S. D.* Op. cit., p. 295.
[30] «Vindicator», 1837, 6 Oct.
[31] Ibid., 27 Oct.
[32] The Arthur papers, vol. 1. C. R. Sanderson (ed.). Toronto, 1957, p. 19.
[33] Ibid., vol. 1, p. 20.
[34] Constitutional documents, 1819—1828, p. 10—11.
[35] «Colonial Advocate», 1824, 18 May.
[36] *Mackenzie W. L.* Sketches of Canada and the United States. L., 1833, p. 243.
[37] «Correspondent and Advocate», 1834, 18 Dec.
[38] Seventh Report of Grievances. Toronto, 1835, p. XXXIX.
[39] *Head F. B.* A Narrative. L., 1839, p. 53.
[40] «Constitution», 1836, 4 July.
[41] Ibidem.
[42] Ibid., 1837, 2 Aug.
[43] Ibid., 1837, 22 Nov.

Глава 7. Время поражений, время побед

[1] Arthur papers, vol. 1, p. 21.
[2] PACR, 1923, p. 372.
[3] *Mackenzie W. L.* Own narrative of the rebellion. Toronto, 1937, p. 9—10.
[4] Ibid., p. 22.
[5] Arthur papers, vol. 1, p. 26.
[6] *Guillet E. C.* The lives and times of patriots. An acco-

unt of the rebellion in Upper Canada, 1837—1838, and the patriot agitation in the United States, 1837—1842. Ontario, 1963, p. 59.

7 «National Intellingencer», 1837, 15 Dec.

8 *Guillet E. C.* Op. cit., p. 256—259.

9 Report of the State Trials, vol. 2. Montréal, 1839, p. 548—549. Папино и Нельсон сделали попытку через русского посланника в США А. А. Бодиско получить помощь от России, но последняя, будучи заинтересована в нормализации отношений с Англией, заняла позицию невмешательства.— См.: *В. А. Тишков.* Россия и восстание 1837—38 годов в Канаде.В кн.: Американский ежегодник. 1976. М., 1976.

10 *Corey A. B.* The crises of 1830—42 in canadian-american relations. New Haven, 1941, p. 76.

11 *Kinchen O. A.* The rise and fall of patriot hunters. N. Y., 1956, p. 125—126.

12 Arthur papers, vol. 2, p. 385—386.

13 Ibid., p. 401.

14 Ibid., vol. 3, p. 3.

15 Подробнее см.: *Тишков В. А.* Отчет лорда Дарэма «О состоянии дел в Британской Северной Америке, 1839» как исторический источник.— «Вопросы новой и новейшей истории. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1967, № 284, с. 273—295.

16 The report of the earl of Durham, p. 9.

17 Ibid., p. 194.

18 Letters from the lord Sydenham. P. Knaplund (ed.). L., 1931, p. 48.

19 Ibid., p. 99—100.

20 *Райерсон С. Б.* Неравный союз..., с. 121.

21 *Martin Ch.* Foundations of canadian nationhood. Toronto, 1955, p. 162.

22 *Leacock S.* Baldwin, Lafontaine, Hincks. L., 1907, p. 70.

23 *Райерсон С. Б.* Неравный союз..., с. 141—142.

Глава 8. На пути к конфедерации

1 *Day S. P.* English America. L., 1864, p. 180.

2 *Howe J.* Speeches and public letters, vol. 2. Halifax, 1909, p. 199.

3 История XIX века, т. 6. Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938, с. 181.

4 *Baillargeon G.* La Tenure seigneuriale a-t-elle ete abolie par suite des Plaintes des Censiteires? — «Revue d'Histoire de l'Amerique Francaise», 1967, Jun.

5 «The Globe», 1852, 31 Jan.

6 *Берзина М. Я.* Указ. соч., с. 39.

7 *Allin C. D.* and *Jones G. M.* Annexation, preferential trade and reciprocity. Toronto, 1917, p. 269.

8 *Shippee L. B.* Canadian — american relations. 1849—74. N. Y., 1939, p. 21.

9 *Райерсон С. Б.* Неравный союз..., с, 288.

10 *Mackenzie A.* The life and speeches of Homorable George Brown. Toronto, 1882, p. 260.

11 «The Globe», 1861, 23 Jul.

12 *Милейковский А. Г.* Канада и англо-американские противоречения. М., 1958, с. 157.

13 *Райерсон С. Б.* Неравный союз..., с. 290.

14 *Shippee L. B.* Op. cit., p. 115.

15 *Skelton O. D.* Life and times of sir Alexander A. T. Galt. Toronto, 1920. p. 315.

16 «The Chicago Tribune», 1866, 6 Jan.

17 В годы английского колониального господства продолжалось открытие и освоение новых земель. Компания Гудзонова залива по-прежнему оставалась главным конкурентом монреальских купцов английского и местного происхождения. В жестокой борьбе с этой монополией усилиями главным образом франкоканадских «лесных бродяг» и «вояжеров», франко-индейских креолов и индейцев-проводников были сделаны крупнейшие открытия, и границы Канады отодвинуты далеко на запад, до Скалистых гор, а затем и до Тихого океана.

В 1789 г. находившийся на службе шотландских пушных компаний 25-летний торговый агент из Монреаля Александр Макензи достиг Большого Невольничьего озера. Он открыл «великий поток», вытекающий из этого озера и впадающий в море Бофорта, которому дал название — река Макензи. В 1792 г. Макензи предпринял новый поход. На сей раз от озера Атабаска по Пис-Ривер и другим водным путям партия Макензи достигла Тихого океана. Таким образом, североамериканский материк в первый раз был пересечен от Атлантического до Тихого океана, причем в самой широкой его полосе — от залива Св. Лаврентия до залива Королевы Шарлотты.

В 1801 г. в Лондоне вышла в свет книга Макензи о путешествиях по Северной Америке, которая в 1808 г. была переведена на русский язык («Путешествия по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господами Херном и Макензием...». СПб., 1808).

В первой половине XIX в. пушные компании, расширяя свои торговые операции, продолжали посылать агентов в новые неизведанные районы. В 1807 г. в поисках таинственной «Западной реки» — Колумбии служащий монреальской Северо-западной компании Саймон Фрейзер открыл другую большую реку, которая была названа его именем — рекой Фрейзер. В то же время, выполняя задание пушной компании, агент по скупке мехов, а «по совместительству» геодезист Давид Томпсон исследовал бассейн реки Колумбия, положив тем самым начало будущей канадской провинции — Британская Колумбия.

За многие годы Томпсон проделал около 80 тыс. миль верхом, на нартах с собачьей упряжкой, пешком, в индейских челнах, причем большей частью по неразведанной раньше территории. Из-за куска хлеба он вынужден был работать из последних сил и умер нищим. Только через 60 лет после его смерти, в 1916 г., была впервые издана написанная им «Повесть Давида Томпсона о его исследованиях в Западной Америке». И только тогда соотечественники с удивлением узнали, что «скромный агент-геодезист был одним из крупнейших исследователей всех времен и, пожалуй, самым крупным исследователем Нового Света, не знающим себе равных в отношении покрытых им расстояний» (И. И. Мандович. Указ. соч., с. 307—308).

Одновременно и еще более энергично осваивали новые земли континента американцы. К 40-м годам XIX в. США уже стали тихоокеанской дер-

жавой, захватив Орегон и Калифорнию. Американские фермеры, двигаясь на запад, неуклонно приближались к канадским границам. Некоторые колонисты с юга селились в канадских прериях. В 40-х годах в Калифорнии было открыто золото и наступление американцев на западные земли и Тихоокеанское побережье приобрело беспрецедентные масштабы. Магическая сила золота оживила весь Дальний Запад США.

По сравнению с этим Дальний Запад Британской Северной Америки пребывал в положении дикого, почти необитаемого края. Территории были открыты огромные, вплоть до Тихого океана, но никто на них не жил. Хозяином здесь являлась Компания Гудзонова залива, которая в 1849 г. получила остров Ванкувер, где были основаны форты Виктория и Ванкувер.

В конце 50-х годов золото было открыто на реке Фрейзер и в районе озера Карибу. «Золотая лихорадка» и сюда привлекла тысячи переселенцев. Поселок Виктория превратился в город. Большая часть золотоискателей прибывала из Калифорнии и быстро «американизировала» районы приисков. Чтобы предотвратить присоединение к США британских владений на Дальнем Западе, английское правительство в 1858 г. выкупило у Компании Гудзонова залива остров Ванкувер и основало колонию Британская Колумбия.

Однако стратегические позиции Англии на подступах к Тихому океану со стороны суши были непрочными. Монополия торговцев пушниной на огромной территории Британской Северной Америки создавала мертвое пространство в центре континента. Как отмечает А. Г. Милейковский, «задача ликвидации территориальной монополии Компании Гудзонова залива диктовалась необходимостью не только противостоять экспансии США на континенте, но и интересами борьбы за господство на Тихом океане. Если с конца XVIII в. пушные короли помогли Англии укрепиться в северо-западной части Тихоокеанского побережья, то к середине XIX в. они стали сильнейшей помехой укреплению тыла английских владений на западе Северной Америки» (Указ. соч., с. 148—149).

[18] Documents on the Confederation of British North America. G. P. Browne (ed.). Toronto, 1969, p. 154.

[19] Конституции государств Американского континента, ч. II. М., 1959, с. 13.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

Конец X—начало XI в.	путешествия норманнов к берегам Северо-Восточной Америки.
1497, 1498	путешествия Джона Кабота.
1534, 1535, 1541	путешествия Жака Картье.
1603, 1608	первые плавания Самюэля Шамплена в Канаду.
1605	основание первого французского поселения Пор-Руаяль в Акадии
1608	основание Квебека — центра французской колонии Новая Франция.
1627	основание англичанами Новой Шотландии
1663	установление королевской власти в Новой Франции.
1666—1687	колонизационная деятельность Ла Саля. Открытие бассейна реки Миссисипи.
1668	основание Компании Гудзонова залива. Начало английской колонизации канадского Севера.
1713	Утрехтский мир. Захват Англией Ньюфаундленда, Акадии и Гудзонова залива.
1731—1749	открытия Ла Верандри и его сыновьями районов Центральной Канады.
1755	выселение англичанами жителей Акадии.
1760	захват Англией Новой Франции.
1763	образование английской колонии Квебек.
1774	Квебекский акт и оформление колониального устройства в английской Канаде.
1775—1776	экспедиция американских патриотов в Квебек.
1784	образование колониальной провинции Нью-Брансуик.
1791	Конституционный акт. Образование колониальных провинций Нижняя и Верхняя Канада.
1812—1814	война Англии и США в Северной Америке.
1827	основание первого профсоюза печатников в Квебеке.

1837—1838	антиколониальное восстание в Нижней и Верхней Канаде под руководством Папино и Макензи.
1838—1839	освободительное движение на американо-канадской границе.
1838—1839	миссия лорда Дарэма в Канаду.
1840	Акт о союзе, объединивший Нижнюю и Верхнюю Канаду.
1848	образование первого «ответственного правительства» в провинции Канада.
1854	отмена сеньориального строя в Канаде.
1854	заключение торгового договора между США и Канадой.
1858	основание колонии Британская Колумбия.
1864	конференции в Шарлоттауне и Квебеке по выработке проекта конституции союза колониальных провинций Британской Северной Америки.
1867	Акт о Британской Северной Америке. Образование доминиона Канада.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.

Маркс К. Капитал, т. 1.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Протекционизм и свобода торговли.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

* * *

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.

Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. М., 1969.

Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады. М., 1971.

Война за независимость и образование США. Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1976.

Ерофеев И. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962.

Ерофеев И. А. Империя создавалась так. М., 1964.

Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.

Малания И. М. Краткая история Канады. Торонто, 1945.

Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958.

Народы Америки. Т. I. Отв. ред. С. П. Толстов. М., 1959.

Национальные проблемы Канады. Отв. ред. Ю. П. Аверкиева. М., 1972.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Н. Н. Диков. Новосибирск, 1974.

Райерсон С. Б. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 года. М., 1963.

Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады, 1815—1873. М., 1970.

Слёзкин Л. Ю. Англичане на пути в Новый Свет.— В кн.: Американский ежегодник. 1971. М., 1971; Американский ежегодник. 1972. М., 1972.

Тишков В. А. Проблема заселения и развитие капиталистических отношений в Канаде в период английского колониального господства.— В кн.: Американский ежегодник. 1973. М., 1973.

Тишков В. А. Американская революция XVIII в. и колониальная политика Великобритании в Канаде.— В кн.: Американский ежегодник. 1975. М., 1975.

Тишков В. А. К истории возникновения франкоканадского национального вопроса.— «Вопросы истории», 1974, № 1.

Файнберг Л. А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971.

Careless J. M. S. The Union of the Canadas. The growth of the Canadian institutions. 1841—1857. Toronto, 1972.

Clark S. D. Movements of political protest in Canada. 1640—1840. Toronto, 1959.

Craig G. M. Upper Canada. The formative years. 1784—1841. L., 1963.

Creighton D. The empire of the St. Lawrence. Toronto, 1956.

Eccles W. J. Canada under Louis XIV. 1663—1701. Toronto, 1968.

Guillet E. C. The lives and times of patriots. Ontario, 1963.

Harris R. C. The seigneurial system in early Canada. Quebec, 1966.

Katz M. The people of Hamilton, Canada West. Family and class in a mid — nineteenth — century city. Cambridge (Mass.), 1975.

Lanctot G. History of Canada. Vol. 1—3. Toronto, 1963—1965.

MacNutt W. S. The atlantic provinces. The emergence of colonial society. 1712—1857. Toronto, 1965.

Morrison S. E. The european discovery of America. The northern voyages. A. D. 500—1600. N. Y., 1971.

Morton W. L. Canada. The critical years. 1857—1871. Toronto, 1968.

Neatby H. B. Quebec. The revolutionary age. 1760—1791. Toronto, 1966.

Oleson T. J. Early voyages and northern approaches. 1000—1632. Toronto, 1968.

Ouellet F. Histoire economique et sociale du Quebec. 1760—1850: structure et conjuncture. Montréal, 1966.

Oullet F. Le Bas Canada. 1791—1840. Changements structuraux et crise. Ottawa, 1976.

Parkman F. Montcalm and Wolfe. N. Y., 1974.

Stanley G. P. G. New France. The last phase. 1744—1760. Toronto, 1968.

Trudel M. The beginnings of ans. 1760—1967. Vol. 1—2. Toronto, 1973.

Wade M. The French — Canadians. 1760—1967. Vol. 1—2. Toronto, 1968.

Waite P. B. The life and times of confederation. 1864—1867. Toronto, 1962.

Агона 23
Адамс, Сэмюэль 78
Александр VI, римский папа 17
Аллен, Этан 74
Аллуэ 45
Аптекер, Герберт 73, 76
Арнольд, Бенедикт 75, 76
Артур, Джордж 126

Бедар, Пьер 106
Белларжо, Жорж 143
Бергойн, Джон 76
Берзина М. Я. 6
Бито, Франсуа 60, 61
Бидуэлл, Маршалл 114
Бирдж, Джон 127
Бирс 128
Боарнуа, Клод 62
Болдуин, Роберт 134—136
Брайент 127
Браун, Джон 147
Браун, Джордж 147, 151
Браун, Томас 109, 110, 118, 119
Брендан 16
Брэддок, Эдвард 64
Брэдли 124
Брюле, Этьен 29
Бьюкенен, Исаак 134
Бэгот, Чарлз 134
Бэнкс, Натаниэль 149

Ван Бюрен, Мартин 123
Ван Ренселеер 123, 124, 129
Ван Эгмонд 120
Вашингтон, Джордж 63, 64
Верраццано, Джиованни 17
Водрей, Пьер Риго де 51, 60, 61
Вольтер 105

Гамильтон, Генри 85, 138
Гарно, Франсуа-Ксавье 144
Гельвеций 105
Генрих IV 25, 26
Генрих VII 15, 16
Георг III 69
Голт, Александр Т. 146, 149, 150, 151, 153
Госфорд 110, 112, 119
Граве, Франсуа 25, 26
Гроссейер 34, 48
Гудзон, Генри 48
Гурлей, Роберт 113, 114
Гэйдж, Томас 79

Дальхаузи 108
Данкомб, Чарлз 121, 123
Дарэм, Джон Лэмбтон 92, 130—132, 134, 135
Деламбер 105
Демонт, Пьер 26
Денонвилль, Жак-Рене 50
Джемисон, Анна 99, 101
Джонсон, Билл 128, 129
Дидро 105
Диккенс, Чарлз 94, 102
Диков Н. Н. 8
Доннакона 19, 20, 22
Дорион, Антуан-Эме 151
Дэй, Джон 14

Женэ, Эдмон 106
Жеран-Лажуа А. 144
Жиро, Эмури 119
Жолтевский, Нило (фон Шульц) 127, 128
Жолье, Луи 45

Ингстад, Хельге 10, 12

Кабот, Джон 14—16
Кабот, Себастьян 15, 16
Карл II 48
Карлсефни, Торфинн 13

Картье, Жак 17—24
Картье, Жорж Этьен 151, 153
Карлтон, Гай (лорд Дорчестер) 74, 75, 86
Кастэн А.-Р. 144
Кларк, С. 109
Клинтон, Генри 76
Колборн, Джон 112, 118, 119, 126
Колумб, Христофор 3, 10, 13—15
Кольбер, Жан Батист 35, 38, 39, 43
Конде, принц 27
Контрекур, Клод-Пьер 64
Котэ 125
Кремазн О. 144
Кремер Е. И. 109
Кромвель 31
Купер, Фенимор 3
Курсель, Даниэль 37
Крэйг, Джеймс 104

Лаваль, Франсуа 35
Ла Верандри, Варенны 58, 59, 60
Ла Саль, Робер Кавелье де 44—46, 50
Лаунт, Сэмюэль 120
Лафайет Р. 77
Лафонтен, Луи Ипполит 133—136
Левенер, Жан 17
Ленин В. И. 100
Летт, Бенджамен 129
Линкольн, Авраам 148, 149
Лонгфелло 6
Лондон, Джек 3
Людовик XIII 27
Людовик XIV 35

Мабли 105
Магеллан 16
Магидович И. П. 60
Макдональд, Джон А. 151, 153
Макензи, Уильям Лайон 114—117, 120—123, 129, 147
Маклеод, Дональд 124
Макнатт У. С. 78
Маркетт, Жан 45
Медичи, Мария 27
Мезье, Анри 106
Меррит, Уильям 134
Милейковский А. Г. 148
Монкальм, Луи-Жозеф 66
Монтгомери, Джеймс 75, 76
Монтескьё 105
Моррисон С. 23
Мэйтленд 114
Мэсси, Даниэль 139
Мэткалф 134

Нельсон, Роберт 125, 127
Нельсон, Уолфред 109, 118
Нессельроде К. К. 109
Николе, Жан 45

О'Каллагэн 118

Папино, Луи Жозеф 100, 108, 109, 111, 112, 117—119, 125, 142
Перро, Франсуа Мари 44
Понтиак 69

Радиссон, Пьер-Эсприи 34, 48
Райерсон С. Б. 53, 62, 77, 133, 136, 146, 148
Рассел, Джон 110
Ришельё, кардинал 30, 36
Роберваль, Жан-Франсуа 22—24
Рольф, Джон 120
Руперт, принц 48
Руссо 105

Сазерленд 123
Седжвик, Роберт 31
Сондерс 66
Стенли Дж. Ф. 63
Страхан, Джон 102
Сюард, Уильям 148

Табмэн, Гаррнэт 147
Талон, Жан 36—39, 49, 54, 55
Текумсе 101
Теллер, Александр 124
Томпсон, Давид 163
Томпсон, Чарлз Поуллетт (лорд Сайденхэм) 132—134
Турвальдсон, Эйрик (Эйрик Рыжий) 10—12

Уолф, Джеймс 66
Уалле, Фернан 98

Фокс, Уильям 51
Франциск I 17, 25

Фрейзер, Саймон 163
Фробишер, Мартин 9
Фронтенак, Луи 38, 44—46, 51

Харрис, Алансон 139
Харт, Сэмюэль 129
Хау, Джозеф 141
Хэлдимен 85
Хеннинг Р. 11
Херюльфсон, Бьярни 11
Хиикс, Фрэнсис 134
Хор, Роберт 16
Хэд, Фрэнсис 110, 112, 116, 144

Цезарь, Юлий 10

Шамплен, Сэмюэль 25—30, 33
Шенье 119

Эклис, Уильям 39, 46
Эльджин, Джеймс Брюс 135, 138, 142, 145
Эмхерст, Уильям 66
Энгельс, Фридрих 7

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авраама, равнина 66, 68
Австралия 137
Азия 5, 15—17, 158
Азорские острова 14
Акадия 26, 30, 31, 52, 62, 65, 111, 144
Аллеганские горы 63
Альберта 155
Аляска 5, 8, 9, 148
Америка 5, 8, 10, 11, 14, 17, 22, 23, 111
Англия 14, 15, 30, 31, 36, 48—52, 57, 61, 62, 64—68, 70—73, 77, 78, 80—86, 89—95, 101, 102, 106, 108, 109, 110, 115, 117, 127, 130, 135, 136, 137, 145—153, 155
Аннаполис, долина 65
Антикости, о. 20
Арканзас, р. 45
Ассиниибойн, р. 59
Ассомпсьон 111
Атлантический океан 14, 16, 22, 50

Баффинова Земля 9, 12
Бедфорд 108
Берингов пролив 8
Большое Невольничье, оз. 163
Бонависта, мыс 18
Бопорт 106
Босежур, форт 65
Бостон 79, 82, 139
Бразилия 14
Брион, о. 18
Бристоль 14, 15
Британская Колумбия 137, 155
Британская Северная Америка 89, 92, 93, 95, 102, 108, 109, 112, 130, 135, 139, 141, 148, 149, 150—155
Британские острова 89
Бурбон, форт 59
Бурлингтон 122
Буффало 122, 126, 128
Брэнтфорд 140

Великие озера 6, 29, 30, 33, 44, 45, 46, 49, 63, 72, 84, 137, 144, 150, 155
Великобритания см. Англия
Венеция 14
Вермонт 83, 125
Верхнее, оз. 6, 34, 45, 58, 59
Верхняя Канада 86, 89—94, 101, 102, 108, 110, 112—117, 120—134, 139, 147
Вест-Индия 25, 52, 55, 57, 81, 83, 105
Винланд 10, 13
Виннипег, р. 59, 60
Виннипег, оз. 45, 59
Виннипегосис, оз. 59
Вирджиния 26, 63
Висконсин, р. 45
Водрей 111
Восточная Канада 132

Галифакс 65, 79, 80, 82, 83, 94, 141, 148
Гамильтон 140
Гаспе, п-ов 18, 19
Голландия 50, 57
Гранд Ривер, р. 144
Гренландия 8, 9, 11, 12, 13
Гудзон, р. 33
Гудзонов залив 8, 9, 27, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 58, 102
Гурон, оз. 6, 101, 139

Дания 11
Денбай Флинт, мыс 8
Детройт 63, 123, 124, 126, 128
Джемса залив 27
Джорджиан-Бей, зал. 144
Дюкесн, форт 64

Европа 11, 13, 36, 52, 58, 62, 64, 65, 121, 158

Западная Канада 8, 132, 151

Иллинойс, р. 62
Иль-Ройал 52

Индия 14, 48, 62
Ирландия 14, 101, 135, 153
Исландия 10—15
Испания 17, 23
Йорк 51, 108, 115

Калифорния 137
Камберленд, форт 80
Канада 3, 4, 8, 11, 13—17, 20, 22—32, 35—37, 39—43, 45, 47—52, 54—58, 60—63, 65—69, 71—74, 76—78, 81, 85—89, 92—98, 101, 104—112, 119, 121—126, 128—153, 155—157
Канарские острова 14
Карибское море 46
Карлсбург 106
Квебек, г. 20, 25, 26, 30—43, 51, 52, 53, 55, 61, 63, 65, 66, 68, 70—78, 82—85, 93, 94, 101, 105, 108, 111, 126, 134, 139, 152
Квебек, провинция 69, 73, 81, 85, 86, 87, 155
Кейп-Бретон, о. 16, 31, 39, 52, 62
Кеннебек, р. 75
Кент 108
Кингстон 128
Китай 14, 16, 17, 48
Кливленд 125, 126
Коборг 129
Коронейшн, зал. 9
Краун-Пойнт 74

Лабрадор, п-ов 9, 12, 15, 69
Ла-Прери 111
Ла-Реп, форт 59
Ла-Шепи 111
Лесное, оз. 59
Лонги 118
Лондон (Англия) 30, 48, 74, 82, 83, 86, 88, 108, 110, 115, 132, 133, 136, 145, 150, 151, 153
Лондон (Канада) 121, 123, 140
Луисбург 52, 62, 65

Мадрас 62
Манитоба 155
Манитоба, оз. 59
Манитулин, о. 144, 145
Маркланд 12
Массачусетс, форт 62
Мачайес 79
Мидлбург 122
Минас-Бейсин, зал. 65
Миссисипи, р. 34, 45, 46, 49 58, 59, 72
Миссури, р. 59. 60
Мичиган 124, 128
Мичиган, оз. 6, 45
Мичилимакинак 46
Медоус, мыс 10
Монреаль 20, 24, 25, 30—34, 37, 40, 43, 44, 50, 54, 61, 66, 74—76, 85, 93, 94, 95, 101, 105, 108, 109, 110—112, 118, 119, 120, 126, 135, 138, 139, 141, 145, 148, 151
Морена, форт 59
Мэн 79

Нейви-Айленд, о. 122, 123, 124
Нельсон, р. 59
Ниагара, р. 46, 83, 122, 150
Ниагара, форт 64
Нижний Саскачеван, р. 59
Нижняя Канада 86, 89, 90, 92, 93, 94, 100—109, 110, 112, 113, 117, 120, 124—127, 131—133, 139, 143
Ниппигон, оз. 58
Новая Англия 26, 33, 49, 51, 54, 62, 65, 80, 82, 138
Новая Франция 17, 25, 27, 28, 30—38, 50, 53—56, 61—66, 69, 144
Новая Швеция 49
Новая Шотландия, п-ов 15, 65
Новая Шотландия, провинция 29, 65, 69, 78—83, 89, 94, 141, 151—155
Норвегия 11
Нормандия 25
Нью-Брансуик 83, 89, 141, 151—153, 155
Нью-Йорк 73, 83, 106, 125, 127, 138, 139, 145
Ньюкасл 139
Ньюфаундленд 9, 10, 12, 15—20, 30, 52, 69, 153, 157

Огайо, р. 46, 62, 63, 65, 72, 84, 128
Онтарио 6, 83, 155
Онтарио, оз. 29, 44, 46, 93, 101, 128, 129
Осуиго 65, 66, 138
Оттава, р. 23, 28, 33, 37, 69, 86, 137, 138

Париж 31, 35—37, 44, 46, 61
Пассамакуоди 79
Пенсильвания 63, 83, 128
Пили, о. 124
Пор-Руаяль 26, 29, 31
Портленд 138, 139
Португалия 17, 23
Прескотт 124, 127, 128
Принца Эдуарда, о. 18, 151—153, 155

Ред-Ривер, р. 59, 102
Рейни, о. 59
Ридо, канал 101
Римуски 100
Ришельё, р. 26, 27, 36, 40, 54, 66, 119, 126, 138
Ришельё, графство 108, 110, 112, 118
Россия 100, 109, 130, 148
Роузвэй, бух. 82
Рочестер 122, 126, 128
Руан 25—27, 44

Сан-Луи, форт 46
Саратога 62, 76, 77
Сарпия 139
Саскачеван, р. 57, 59
Саскачеван, провинция 155
Св. Лаврентия, зал. 18, 20
Св. Лаврентия, р. 19, 20, 23—32, 40, 42, 47, 48, 54, 55, 61, 66, 72, 74, 75, 77, 83, 84, 90, 92, 93, 126, 137, 138
Северная Америка 3, 5—8, 10, 13, 15, 23, 25, 27, 36, 49, 50, 52, 60, 62, 65, 66, 68, 69, 80, 81, 87, 89, 131, 137, 149, 153
Сен-Бенуа 108, 119
Сен-Дени 92, 108, 118, 119
Сен-Катаринс 147
Сен-Мало 17, 22, 25, 26
Сен-Морис, р. 33, 55, 56, 58, 94, 138
Сен-Пьер, форт 59
Сент-Джон 74, 76, 141, 148
Сент-Джон, р. 79, 80, 83
Сент-Джонс 94
Сент-Клэр, о. 126
Сент-Эсташ 119
Сибирь 10
Скалистые горы 155
Сен-Шарль 59, 92, 112, 118, 119
Сорель 74, 75, 76
Стадакона 20, 22, 23
США 5, 77, 81, 83—85, 93, 105, 109, 112, 119—123, 125, 126, 128, 131, 137, 138, 139, 145—150, 153, 157

Тадуссак 25, 26, 57
Тайкондерога 27, 74, 76
Терребонн 111
Техас 47, 149
Тихий океан 5
Торонто 93, 94, 99, 102, 115, 116, 120, 121, 123, 124, 126, 134, 139, 140, 141, 146, 148, 151
Труа-Ривьер 31, 32, 33, 54, 58, 75, 76, 108, 111, 134
Ту-Маунтенс 110, 111, 118, 119

Уинсор 128
Упгава, п-ов 9
Уорвик 108

Файтинг, о. 124
Фандп, зал. 26, 80, 83
Филадельфия 73, 79
Флорида 30, 49, 50
Фокс, р. 45
Форт-Ири 150
Франция 17—20, 22—28, 30—32, 35, 39, 42, 43, 45, 46, 47—57, 62, 64, 65, 77, 105—107
Фредерик , форт 79
Фронтенак, форт 45, 46, 50, 64, 66

Хантингтон 108
Хоксбери 138

Чатам 147
Черчилл, форт 9
Чикаго 139
Чукотский полуостров 5, 8

Шамбли 74, 76, 94, 111, 138
Шамплейн, оз. 27, 54, 66, 74
Шарлоттаун 151
Шелбери, форт 82, 83
Шербрук 94
Шигиекто 80
Шодьер, р. 75

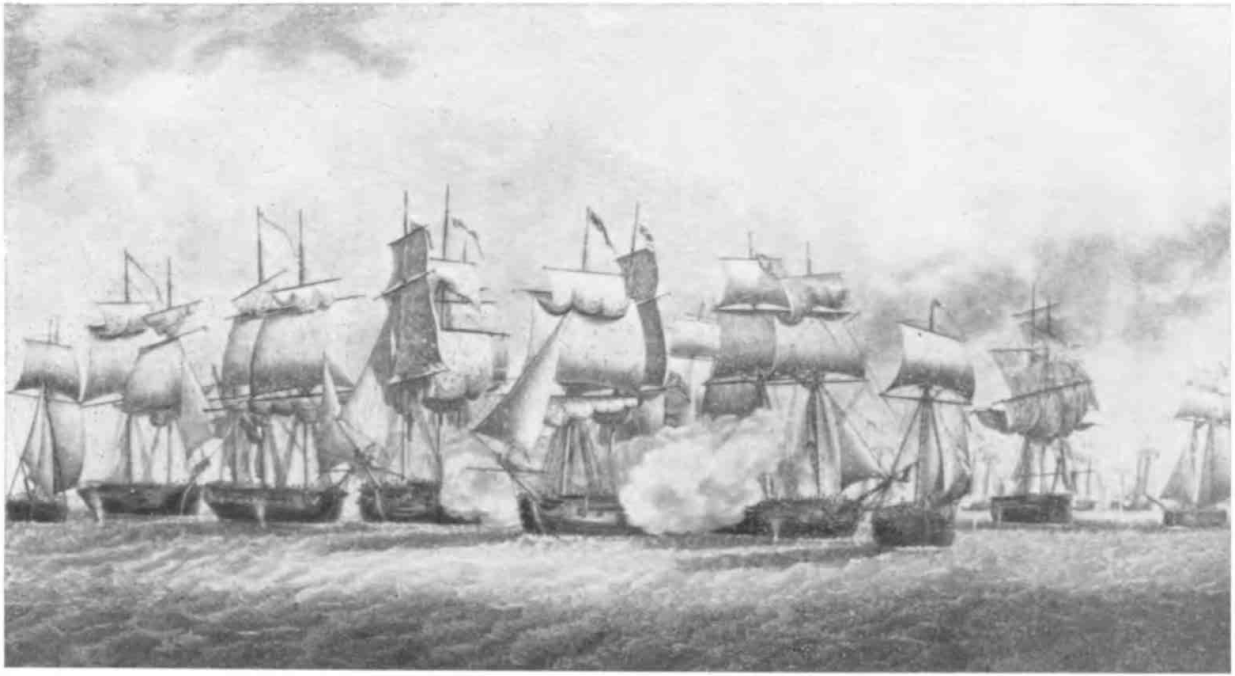
Элбани 122
Элбург 125
Эри, оз. 6, 124

Ямаска 111

Прибытие Жака Картье в Канаду

Интендант Талон среди поселенцев

Защита крепости Квебек французами от нападения англичан в 1690 г.



Сражение на озере Эри во время англо-американской войны 1812—1814 гг.

Бой у Сент-Эсташа 13 декабря 1837 г. между английскими войсками и канадскими повстанцами

Вооруженные поселенцы в дни восстания 1837 г.

Лун Жозеф Папнно

Уильям Лайон Макензи

Лагерь первопоселенцев в районе Северного Саскачевана

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 3

Глава 1. Истоки канадской истории 5

Глава 2. Начало колонизации 11

Глава 3. Новая Франция 31

Глава 4. Борьба за континент 49

Глава 5. Под пятой Англии 68

Глава 6. Предпосылки революции 89

Глава 7. Время поражений, время побед . . . 118

Глава 8. На пути к конфедерации 137

Заключение 157

Примечания 159

Хронология важнейших событий . . 165

Рекомендуемая литература 167

Указатель имен 169

Указатель географических названий . 172

Валерий Александрович Тишков

СТРАНА КЛЕНОВОГО ЛИСТА: НАЧАЛО ИСТОРИИ

Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярных
изданий Академии наук СССР

Редактор издательства Н. В. Шевелева
Художник В. М. Королькова
Художественный редактор И. К. Капралова
Технический редактор Н. Н. Шлохова
Корректоры И. С. Княжицкая, Г. М. Котлова

Сдано в набор 23/I-1977 г. Подписано к печати 16/V-1977 г.
Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 9,45.
Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 81000. Т-08548 Тип. зак. 1849 Цена 65 коп.

Издательство «Наука». 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94-а
2-я тип. издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10